

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская

Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- ***
Ф. И. Калинин.
П. К. Бессалько.

- А. Луначарский.* Из воспоминаний о почивших борцах за пролетарскую культуру.
В. Полянский. Трудовая армия.
А. Богданов. Очерки организационной науки. Ст. 4-я.
В. Полянский. Две поэзии.
А. Богданов. Простота или утонченность?
Б. Арватов. Пути пролетариата в изобразительном искусстве.
П. Нерженцев. Борьба за социалистический театр.
Ф. Калинин. Трудовая школа в представлении среднего рабочего.

Хроника. К созыву 2-ой Всерос. Конф. Пролеткультов.
Библиография. За границей. Съезды. В провинции.
И. Салофьев. „Динамо стихи“. — П. Бессалько. „Алмазы востока“. — А. Соловьев. „Полеты“. — С. Шмонин. „Красное знамя“. — „Сборник Рыбинского пролеткульта“. — В. Фриче. „Пролетарская поэзия“. — В. Львов-Рогачевский. „Поэзия новой России“. — Вандервельде. „Социализм и искусство“. — П. Бессалько и Ф. Калинин. „Проблемы пролетарской культуры“. — Р. Пельше. „Нравы и искусство Франц. революции“. — „Художественная жизнь“ и „Изобразительное искусство“. — В. Брюсов. „Наука о стиле“

№ 13 — 14.

Январь — март 1920 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Орган Центр. Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

Адрес редакции и конторы: Москва, Волхонка, 18. Тел. 26-30.

Прием у секретаря редакции ежедневно от 10 утра до 4 ч. дня.

№ 13—14.

Январь—Март.

1920 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Ф. И. Калинин. — П. К. Бессалько. — Из воспоминаний о почивших борцах за пролетарскую культуру. А. Дунаевский. — Трудная армия. В. Полянский. — Очерки организационной науки. Ст. 4-ая. А. Богомолов. — Две поэзии. В. Полянский. — Простота и ее уточненность? А. Богомолов. — Пути пролетариата в изобразительном искусстве. В. Арзатов. — Борьба за социалистический театр. П. Керженцев. — Трудовая школа в представлении среднего рабочего. Ф. Калинин. — К съезду 2-й Всерос. Конф. Пролеткульта. — Хроника „Пролеткульта“: За границей. Съезды в провинции. — Библиография: П. Садофьев. „Динамо-стихи“. В. Полянский. — П. Бессалько. „Алмазы востока“. В. П.-ий. — А. Соловьев. „Полет“. С. Шмолин. „Красное Знамя“. В. П.-ий. — Сборник Рыбинского Пролеткульта. В. П.-ий. — В. Фриче. „Пролетарская поэзия“. В. Г. — В. Львов-Рогачевский. „Поэзия Новой России“. П. Рудокон. — Э. Вандервельд. „Социализм и искусство“. П. Лебедев. — П. Бессалько и Ф. Калинин. „Проблемы пролетарской культуры“. Ст. Крицков. — Пельше. „Искусство французской революции“. Ст. Крицков. — „Художественная Жизнь“. — Изобразительное Искусство. П. Рудокон. — В. Брюсов. „Наука о стихе“. О. Брик.

Ф. И. Калинин.

Еще одна незаменимая утрата; на боевом посту погиб любимый товарищ Федор Калинин. Когда, через много лет, историк будет освещать бурные события великих годов пролетарской революции, закладывающей фундамент новой культуры, он с любовью и интересом остановится на облике Ф. Калинина.

Это не „вождь“ в том, обще-принятом, подсказанном буржуазной идеологией смысле, которым обозначают многие красочные и яркие фигуры нашего боевого периода; облик „вождя“ — создание отживающего индивидуалистического века капитализма. Ф. Калинин — создание коммунистического миропонимания на заре этой новой эпохи.

Весь облик, вся его деятельность так тесно слита, спаяна с задачами и стремлениями своего класса, что кажется не он творит, а через него говорит, мыслит и действует сама масса. В личности Ф. Калинина бессознательно, но ярко олицетворялось то, что с такой вдумчивой любовью желал выявить и поведать товарищам-рабочим Ф. Калинин посредством „Пролеткульта“ — дух и творчество нового восходящего класса.

Пролетарий по происхождению Калинин с детства прошел суровую школу наемного труда. Вместе с массами испил он до дна горькую чашу унижений, бесправия. Изведал цепи рабства наемного труда и механизацию воли миллионов рабов капитала. Вместе с массами, с братьями по классу он испытал, как скудно крохи знания становились достоянием пролетариев, и как век капиталистической наживы и эксплуатации с беспощадной расчетливостью душил малейшее проявление мысли, творчества, элементарнейшей самостоятельности рабочего класса. Рабы бездушных машин должны были молчаливо приспособлять свое существование к производственным планам королей капитала. Миллионы товарищей Ф. Калинина по безрадостной и бестворческой доле принимали свое существование, как неизбежное зло. Меньшинство стремилось активным противодействием ломать и разрушать

устой буржуазного мира, держащие пролетария в роли безвольного раба. Но лишь немногие, и в их числе Ф. Калинин, умели уловить, что восходящий класс уже в процессе своего созидания, в период смертельно-трудной борьбы за свое господство, за право утвердить себя, несет в себе зачатки новых истин, новых начал, как в сфере народно-хозяйственной, так и в области науки, философии, искусства, морали.

Есть натуры среди рабочих, особенно в современный боевой период, когда идет еще беспощадная ломка, разрушение старого мира, для которых самым красочным моментом революции является ее дух отрицания, низвержения, ее очистительный шквал. Таких большинство. Творческий лик революционной борьбы, то, что в задаточном состоянии таит в себе восходящий класс, для них сокрыто и чуждо.

Не таков был Ф. Калинин. Его ум был не столько критически разлагающий, сколько собирательно-творческий. Здоровым чутьем ярко одаренного свойствами своего класса Ф. Калинин рано учуял не разрушительную только, но и великую созидательную силу рабочего класса, ту особую творческую энергию, которая таится в массах и взращивается особенностями технически-общественного труда. Уже в планомерном разделении работ мастерской, сотнями рук выполняющей одну общую созидательную работу, уже в самом режиме фабрично-заводского труда, и даже в общности часов отдыха сокрыто новое, великое начало коллективности духа, этой основы творчества культуры. Чтобы открыть дорогу этому творчеству, чтобы освободить волю пролетариата и дать ему, классу, выявить себя целиком, т. Калинин бесстрашно вступил на поприще революционного борца. Его манили не близко осуществимые, практические непосредственные результаты борьбы, не улучшение материального бытия своих собратьев, но великая, историческая миссия класса, покупающего ценою жертв, борьбы и страданий наступление новой ступени развития человечества. Свобода от пут и цепей капитала нужна для того, чтобы сегодняшний раб бездушной машины мог в историческом завтра с помощью коллективной воли и коллективно работающей мысли стать властелином над стихийными, неукротимыми силами природы, преодолеть „материю“.

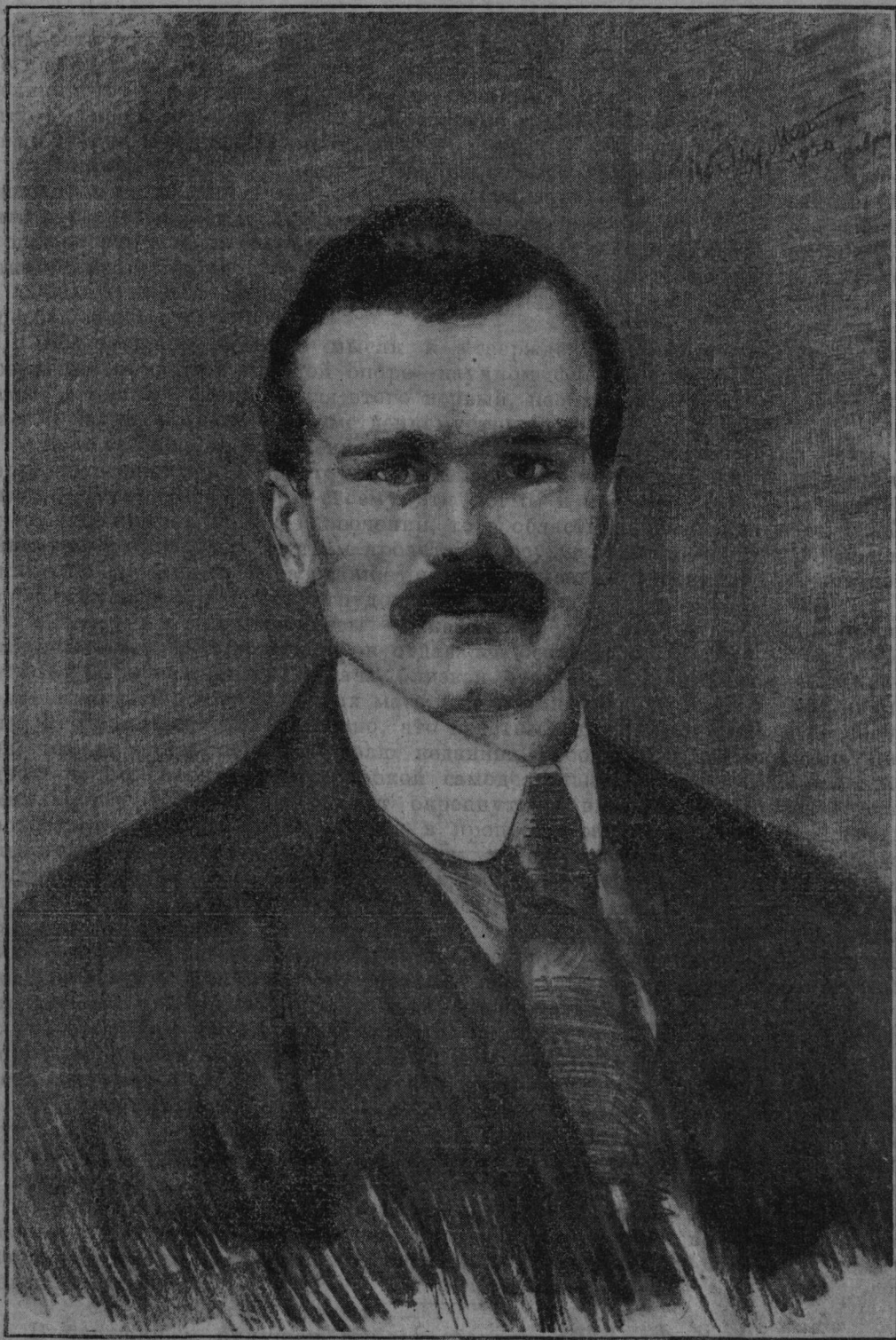
С какой любовью Ф. Калинин отмечал и выявлял проявление духа своего класса, как внимательно и чутко он прислушивался к еще робким попыткам пролетарского творчества во всех областях! Но он знал и понимал, что созидательные силы рабочего класса пока еще находятся в процессе своего формирования. Их надо любовно, бережно выявить, им надо помочь окрепнуть в практике жизни, и только тогда возможно будет разглядеть новый, непривычный лик пролетарской, коммунистической культуры.

И потому взор Ф. Калинина был обращен в далекое будущее. Его занимали дальние задачи рабочего класса. Бесстрашный и беззаветный борец за коммунизм, он не любил „политики“, засоряющей душу нередко мелкими задачами дня. Его сфера была философское искание, мышление. Если бы т. Калинин пришлось жить не в период жестокой борьбы и разрушения, а в момент одоления старого мира и приложения всех сил пролетариата к строительству жизни, обобщающий, беспокойно пытливый ум Ф. Калинина смог бы дать пролетариату схему новой коммунистической философии, отличной по методу и духу от мышления, подсказанного буржуазно-капиталистическим строем.

Но Ф. Калинин жил в эпоху смертельной схватки двух миров враждебных до обоюдной кровавой ненависти. И в этот час одно углубленное созерцание являлось бы преступлением, особенно для такой творчески действенной натуры, какой был Ф. Калинин, сочетавший одновременно и силу философского отвлеченного мышления и здоровый жизненный практицизм пролетария.

Во имя нового духа коллективизма, во имя культуры восходящего класса,—он смолodu встал на боевой, революционный пост и не покинул его даже перед лицом смерти.

Все мелкое, житейское, будничное было чуждо этому пролетарскому философу, умевшему с улыбкой мягкого, всепонимающего сарказма отмечать

Всерос. Пролеткульт.

Федор Иванович Калинин.

*Рабочий публицист и организатор Пролеткульта
(род. 1882 г. умер 1920).*

„слабости“ своих собратьев по классу и соратников по борьбе. „Постов“ он не любил и не искал. Ему важна была работа, в которую он мог бы вложить целиком тот запас духовных богатств, какими наделила его природа. Но не было и не могло быть в нем при его уме и силе мышления дешевой самоуверенности и мелкого самолюбования.

Напротив, чем выше и строже были его запросы в области научно-философского искания, тем меньше его удовлетворяли его собственные попытки разрешения насущных и назревших проблем. Часто недостаток знания и подготовки мешал вольно бесстрашному полету его мысли. И потому-то с такой самоотверженной горячностью отдавал тов. Калинин свои силы, рядом с любимым своим детищем „Пролеткультом“ и другому делу: народному просвещению.

Бесстрашное искание мысли и утверждение пролетарской культуры возможно лишь при твердой опоре—научном фундаменте, проникновении в самые глубины знания, а для этого первый, необходимый шаг—приобщение масс к науке, к знанию, к умственному труду.

Если в области мышления Ф. Калинин не брал общепринятых догм на веру, но в здоровой лаборатории пролетарского подхода к жизни и проявлению ее духа претворял по-своему эти догмы и положения, не отшатываясь от неожиданных и новых заключений, то в области просвещения масс Ф. Калинин тем же здоровым чутьем пролетария осуждал „мудрствования“ специалистов по народному образованию и пересаживание „новинки“ буржуазного творчества запада на почву трудовой республики.

„Знание—в широкие массы“—такова была его практическая линия работы в Наркомпросе, и этой задаче он отдавался беззаветно.

Но была еще третья задача, близкая душе Ф. Калинина—воспитание в самой практике жизни широких масс, для осуществления начал коммунизма. Для Ф. Калинина было очевидно, что крестный путь пролетариата не закончен, что укрепить, закалить волю недавних рабов капитала возможно лишь одним путем: проявлением широкой самостоятельности масс. Только в самостоятельности и через нее могут окрепнуть и выявиться творческие силы пролетариата, только проверяя себя в процессе созидания, создается, воспитывается новое коммунистическое по духу человечество. Пусть пролетариат неумелой рукой строит свою жизнь, пусть ошибается, но пусть творит, ищет и достигает сам. Только в процессе, преодолении и искании окрепнут тающиеся в пролетариате возможности и воспрянет новая творящая сила пролетарской культуры. Такова линия, которую проводил и отстаивал всей своей жизнью Ф. Калинин. Неутомимый искатель, он почти стихийно являлся выразителем смелых, творческих задач своего класса.

И потому-то так больно ударила по сердцу смерть Ф. Калинина. Оборвана творческая мысль на полуслове. Не стало того, кто утверждал самостоятельность мышления, своеобразие чувств и восприятий восходящего класса.

Щемяще больна утрата любимого товарища-соратника с самоцветным внутренним миром, с кристально-чистой душой, но еще более потеря самобытного мыслителя, так полно и ярко сумевшего выразить искания своего же класса.

Расцвет идей, вложенных Федором Калининым в „Пролеткульт“, он проявил не самостоятельного творчества пролетариата во всех областях жизни—вернейшее средство окончательной и бесповоротной победы коммунизма.

В ближайшем будущем выйдет сборник памяти Ф. И. Калинина; и в нем читатели найдут биографию покойного и оценку его, как революционера, деятеля пролетарской культуры и просто человека.

П. К. Бессалько.

В гор. Харькова от сыпного тифа умер рабочий-беллетрист товарищ Павел Карпович Бессалько. Писатель с большими дарованиями, обещающий развернуться в большую художественную силу.

Бессалько родился в городе Екатеринославе в 1887 году. По окончании церковно-приходской школы вместе с отцом занимался грузовым извозом. В шестнадцать лет поступил учеником-слесарем в Екатеринославские железнодорожные мастерские и вскоре же, в 1903 году, принял участие во всеобщей стачке. Через год стал работать в социаль-демократической партии, как меньшевик.

В 1907 году дважды был арестован; первый раз в феврале вместе с руководящим коллективом организации, но за неимением серьезных улик был освобожден, — в октябре его арестуют снова. И на этот раз он просидел в Екатеринославской тюрьме около 2-х лет; после суда его сослали на вечное поселение в Енисейскую губернию, в Бельскую волость, откуда через год он и бежал за границу. Жил некоторое время в Вене, во Флоренции, где работал на фабрике штампов. В 1911 году переехал в Париж и здесь, работая на аэропланых и ортопедических заводах, прожил до нашей февральской революции.

Политические взгляды П. Бессалько, да и все его мировоззрение совершили за это время заметную эволюцию.

Относясь скептически к социализму меньшевистской интеллигенции, охотно знакомится с различными течениями социалистической мысли как русской, так и западно-европейской: с синдикализмом, анархизмом и махаевщиной. Изучение и непосредственное наблюдение западно-европейского рабочего движения с его бытом, зачастую глубоко проникнутым мещанскими тенденциями, натолкнули его на мысль, что политическая и экономическая борьба не несут еще полного освобождения пролетарским массам; пролетариату нужно создать свою культуру, свою науку, свое искусство, свою мораль, свой быт, объединенные единым социалистическим принципом, убивающим те налеты, которые неизбежно несет в рабочую среду капиталистическая культура. И эту задачу пролетариат должен выполнить сам, рассказав и показав жизнь и идеалы рабочего класса, его культурно-творческую мощь и его резко отрицательное отношение к буржуазии и разлагающейся интеллигенции. Рабочий класс сам должен быть строителем новой жизни.

С этих пор Бессалько становится горячим пропагандистом идеи необходимости для рабочего класса самостоятельной пролетарской культуры.

Писать Бессалько начал за границей. Натолкнуло его на это чувство культурной и идейной пустоты в русской после-революционной художественной литературе. Первая повесть о сибирской ссылке была послана на остров Капри. М. Горький ответил автору: „Жаль, что вы не справились с вашей задачей. Эту повесть, написанную рабочим, очень полезно было бы прочесть читателям интеллигентам. Пишите, учитесь и т. д.“. Бессалько разбил эту повесть на несколько отдельных рассказов, обработал их и отправил в „Заветы“. Рассказы редактору Миролубову понравились, но не были напечатаны по причине ухода последнего из редакции.

Впоследствии сибирские рассказы были заброшены, так как Бессалько увлекся большой литературной работой, которой он горел вплоть до объявления войны. От личных переживаний в сибирской ссылке Бессалько переходит к художественному обобщению настроений, волнующих весь пролетариат. Он чувствует, что личное „Я“ есть часть большого творчески сильного „Мы“, которое блещет всеми красками отдельных творческих сил, объединенных в классовом коллективе.

В своем новом произведении он хотел нарисовать целую эпоху революционной борьбы пролетариата и показать рабочего с его духовным ростом, подъемами и упадками. Из цикла намеченных повестей появились в печати —

„Детство Кузьки“, „Бессознательным путем“, „Катастрофа“, „К жизни“. Эти четыре вещи с дополнительной повестью, которая должна была по ходу событий занять место между „Катастрофой“ и „Жизнью“, и составили бы ту работу, о которой так мечтал и так много думал покойный Бессалько.

Всякий, читавший эти произведения, без колебаний скажет, что автор обладал большим талантом, хотя еще и неразвернувшимся во всю мощь. Интересная фабула, прекрасный простой русский язык, без всяких вывертов и модернистских утонченностей, правдивость и искренность, глубина и сила душевных переживаний и одновременно удивительная простота. Лучшей вещью является „Бессознательным путем“; в ней автор дает картину, как подросток Кузька, ставший Даровым, проходит свой жизненный путь, сначала в столярной мастерской, потом в зубатовском движении и, наконец, становится сознательным рабочим. „Катастрофа“ изображает то время, когда, после подавления южного восстания, екатеринославская тюрьма прославилась своим избиением политических, — избиением, заставившим содрогнуться все живое в обществе. Автор развертывает драму между рабочими и интеллигентами, которые решились, спасая свою шкуру, просить высочайшего помилования.

Отдельные места в работах Бессалько и сочны и ярки. Например, картина пожара в порту, да и многие другие, останутся всегда в памяти у читателя.

Война выбила из колеи налаженную работу. Резко отрицательное отношение к войне и бессилие что-либо поделать против разгула стихийного шовинизма, охватившего почти всю старую гвардию международного социализма, заставили Бессалько углубиться в историческую давность, где он думал найти душевное равновесие. Экзотический, красочный восток поражает его воображение, и он, не изменяя своей классовой точки зрения, пишет „Алмазы Востока“. Бессалько никогда не был на Востоке; он не дает документальных картин, перед нами поэтические сны и символы, в которых развертываются образы Греции, Индии и т. д. В каждой вещи чувствуется пролетарское настроение, оно придает рассказам своеобразный колорит, нисколько не портя их художественной красочности. Это интересный вклад в пролетарскую беллетристику. От реалистически-бытовых картин Бессалько уходит в мир символизма, не упадочного буржуазного символизма, а здорового, — символизма, дающего колоритные картины легенд, сказок, проникнутых пролетарским мироощущением. Он первый из пролетарских писателей расширяет круг своих тем, не ограничиваясь революцией, заводом, гудком, трубой, машиной и т. п.

Во время революции Бессалько приезжает в Россию, в свой родной город Екатеринослав, и поступает там в железнодорожные мастерские. От партийных большевиков вскоре едет в Петроград на Всероссийский Железнодорожный Съезд. Встреча там с покойным Ф. И. Калининным, с которым он был дружен еще с Парижа, и наши совместные беседы решают его судьбу. Бессалько остается в Петроградском Пролеткульте и принимает самое активное участие в журнале „Грядущее“.

В нем он помещает ряд ценных и живых статей по вопросам пролетарской культуры и пролетарской литературы. Он жестоко высмеивает злосчастных, нищих духом, но шумливых футуристов, у которых

„Мозг пустеет, как коробка со спичками“

К 12 ночи в раздраженном кабаке“

(в. ШЕРШЕНЕВИЧ.)

Должное отдает он и представителям крестьянской поэзии, — и веселому С. Есенину, который вместе с Мариенгофами и Шершеневичами мычит об „отелившемся боге“, и Н. Клюеву, который пришел из Олонецкого бора с мечтой о „Белом ските“, и многим другим.

Эти статьи вошли потом в книжку „Проблемы пролетарской культуры“, которую он выпустил вместе с покойным Ф. И. Калининным.

Последнее время Бессалько уделял много внимания пролетарскому театру, и сам написал интересный драматический этюд „Каменщик“, символизируя в нем творческий порыв и смелость пролетариата.

В начале осени прошлого года, когда на юге наступление Деникина принимало широкие и угрожающие размеры, Бессалько по партийной мобилизации едет на южный фронт и работает там в качестве редактора армейской газеты. С ликвидацией южной контр-революции он переезжает в Харьков, где был времени, сыпной тиф, и вырывает его из нашей пролетарской семьи.

В то время как буржуазные литераторы, охраняя свои таланты и дарования, только предъявляют претензии к Советской власти, писатели-рабочие, развертывая свои молодые силы, героически умирают на полях сражения за новую жизнь, за новую культуру.

И они навсегда останутся в памяти рабочего класса, как выразители его страданий, радостей, борьбы и творческих достижений.

Из воспоминаний о почивших борцах за пролетарскую культуру.

С огромной горечью учитываю я ту потерю, которая понесла армия пролетарской культуры в лице почти одновременно ушедших от жизни Федора Калинина и Павла Бессалько. Я могу понять ее лучше всякого другого, ибо оба они принадлежали к числу самых близких и дорогих моих друзей, жили и развивались в одну из значительнейших эпох для них рядом со мною, делясь со мной всем, чем обогащались их внутренний мир.

Я познакомился с Калининым давно, в эпоху создания первой партийной школы на острове Капри. Главный организатор ее, давно уж покойный Вилонов, отправившись для приглашения учеников-рабочих в Россию, обрел там основного помощника в лице Калинина.

Я помню тот день, когда перед всеми нами, преподавателями школы и уже собравшей половиной учеников, Калинин делал доклад о своей работе. Со мною рядом сидел тов. А. Богданов, и я сказал ему шопотом: „Вот тебе тип рабочего-организатора“. Богданов ответил мне: „Если это так, то можно порадоваться за русское рабочее движение“.

В Каприйский период, как и в последующий Болонский, когда тов. Аркадий, как его называли, не был уже учеником, а только организатором, он неизменно выдавался не блеском способностей, — были и более блестящие, — но вдумчивостью, серьезностью, основательностью. Уже в то время проблемы пролетарской культуры во всей широте волновали его, уже в то время заметна была его способность откristаллизовывать свои мысли в необыкновенно ясные, простые, прозрачные формы.

Политикой тов. Аркадий интересовался меньше. О, не в том смысле, чтобы ему было хоть в малой мере присуще какое-нибудь равнодушие к борьбе. Это был революционер от головы до пят, но здесь он творцом себя не считал. Споры среди заграничных большевиков увлекли его скорее потому, что одни, впередовцы, развивали идею пролетарской культуры, и он придавал второстепенное значение нашим чисто политическим спорам.

Несмотря на это, он был всегда крупным сотрудником группы „Вперед“ и в политическом смысле, во первых, как всегда спокойный, уравновешенный и умный муж совета, во-вторых, как практик, к которому вновь и вновь обращались, когда от речей и статей надо было перейти к делу.

В Париже до войны, когда Алексинский уже стал разлагать группу своим дегенеративным честолюбием и своею ядовитой манерой не останавливаться не перед чем в личной борьбе, этот фрукт начал преследовать и Аркадия,

добиваясь, чтобы он немедленно ехал в Россию, и обвиняя его в не достаточном политическом рвении. Я же всячески поддерживал Аркадия, ибо как раз в это время, и заметьте зарабатывая себе физическим трудом хлеб насущный, он проделывал над собой громадную работу, запоем читал; много писал и почти каждый день приходил с новыми мыслями и формулами. На моих глазах в Париже Аркадий рос в большого теоретика пролетарской культуры.

В течение войны я любовался им. Не только потому, что, в отличие от столь многих, он сразу определил свою позицию, как революционно интернационалистическую, но и потому, что, будучи мобилизован и попав, с весьма скудным знанием языка, в среду французских рабочих землекопов, он сумел изумительно выдвинуться среди них. Русский столяр избрал целый ряд приспособлений, которые были потом широко приняты при работах по укреплению Парижа, а в то же время неуклонно вел свою пропаганду и, приезжая на побывку, говорил с доброй усмешкой: „Смешные французы, ни о чем не хотят подумать, живут изо дня в день, работают, как им прикажут, только плохо. Но правда интересуются: покажешь ли что-нибудь, или расскажешь, как умеешь—он доволен, оживет немного“.

Вот вам варвар среди культурных европейцев.

До октябрьского переворота Аркадий в Петербурге работал в профессиональных союзах, продолжая неуклонно теоретическую работу по вопросам пролетарской культуры. После переворота я, само собою разумеется, пригласил его в коллегию порученного мне Наркомпроса и передал ему идейное и, практическое руководство делом помощи самостоятельным пролетарским культурным организациям, в первую очередь—пролеткультам.

И уж, конечно, это не была переоценка его сил. Я их далеко не дооценил. Только в последние перед его смертью месяцы московского периода, мы, руководители Наркомпроса, поняли какого несравненного организатора мы имеем в его лице. Мало-по-малу в его руках сосредоточилась вся организационная работа, и он богатырски и сгорая от увлечения и жажды работы принялся рационализировать и строение и функции Наркомпроса.

Я утверждаю, что это страстное увлечение огромной и захватывающей работой, эта непомерная готовность все сделать, всюду поспеть, была одной из причин такой ужасающе ранней смерти молодого борца, выросавшего в огромную величину, в первоклассную для Советской Республики руководящую и организующую силу.

И если все уважали его ум, волю, работоспособность, то и все любили его милую душу, его простую доброту, его тихую веселость, его внимательную ласковость ко всякому.

Я пишу эти строки и еще раз больно сжимается сердце. Пустее стало на свете для тех, кто знал этого чудесного человека.

II. Но могила...

Не помню, кто передал мне первые рассказы Бессалько. Это были небольшие очерки из жизни сибирских ссыльных. Не все они были ровны по интересности сюжета и исполнению, но многие из них написаны были так свежо, что я тотчас же сказал посреднику, чтобы он привел этого молодого рабочего писателя.

Бессалько, застенчивый и угрюмый, явился ко мне. Кажется, он остался недоволен, как моим недостаточным восторгом перед первыми пробами пера его, так и тем, что я оказался бессильным помочь ему в напечатании его вещей.

В то время Бессалько изживал еще свой период интенсивной ненависти к партийной интеллигенции. Он принадлежал к меньшевистской организации, но по духу был скорей всего анархо-синдикалистом.

Вскоре, однако, отношения между ним, а с другой стороны мною и моей женой сделались настолько дружескими, что Бессалько все еще немного угрюмый милостиво заявил мне что „выделяет меня из интеллигенции“.

Большой работой того времени был у Бессалько роман „Катастрофа“. Этот роман, или вернее серия сцен из тюремной жизни, с одной стороны объясняет неприязнь Павла к интеллигенции, с другой стороны со всей резкостью ее выражает. Бессалько не мог, не поблуднев от негодования, вспомнить, как недостойно вели себя партийные интеллигенты в 906 году в Екатеринославской тюрьме, когда всем заключенным грозила смертная казнь. И эту кошмарную историю он сумел местами с мучительным мастерством перелить на страницы своей мрачной и желчной эпопеи.

Но то были последние тучи рассеянной бури. Он отбросил интеллигентные

На глазах у меня Бессалько менялся. Все больше огня было в его глазах, все чаще на его губах расцветала улыбка. Он чувствовал талант, он отдыхал в Париже, он нашел там дружбу и любовь.

Писал он в то время свои воспоминания, теперь опубликованные в виде ряда отдельных глав большой биографии Кузьки — самого Павла, конечно.

Здесь краски были уже значительно светлее. Но и эта была дань прошлому. Совсем не то роилось в голове молодого рабочего-южанина, с большим темпераментом и страстной жадой жизни веселой блестящей изысканной.

Как-то вдруг разрешил он себя от поста нарочитого реалиста и набрал на свою палитру самых ярких и разнообразных красок. И тогда вдруг раздалось совсем новые песни: Иуда Гавлониц, выдавливающий себе глаз в каменистых окрестностях Иерусалима, весь по обстановке и по тону выдержанный в полубиблейских тонах; „Алмазы Востока“, где рядом с чудесными легендами, написанными узорными эмалевыми словами, встречается такая гомерическая вещь, как Вулкан; рассказы, написанные с легкостью самых лучших произведений Мопассана из жизни парижской богемы, — словом, огромный диапазон фантастически развернулся в душе Бессалько.

Я с восхищением следил за расширением русла его вдохновения. Его любовь к ярким краскам, исключительным переживаниям, к героическому, к сказке, к мифу, как нельзя лучше подтверждала мою всегдашнюю идею о том, что пролетарским художникам доступно будет все; что прошлое и будущее, природа и душа человеческая во всей необятности станут их объектом, но что все это они осветят своим пролетарским светом.

Так это было с Бессалько. Нет у него не одного произведения, которое придирчивый критик не назвал бы тенденциозным. Все эти радужные золотые стрелки, трепеща, показывают один и тот же полюс: пролетарскую идею торжества труда, свободы и человеческой гармонии.

В России я постарался тотчас привлечь Бессалько к работе, и он заменил Федора Калинина в Петрограде, как руководитель Отдела помощи самостоятельным пролетарским культурным организациям по отъезде Калинина в Москву.

После отъезда моего из Петрограда я меньше наблюдал Павла. Но знаю, что дружба с Мгебровым и близость к героическому театру была новой полосой в его жизни. Театром он увлекся страстно, мечтал о целом ряде пьес. Об этом мечтании мы с ним вместе рассказывали друг другу сюжеты задуманных нами драм, и в последнее наше свидание, как никогда почувствовали мы оба и сказали это друг другу, как мы близки и как параллельна наша работа в области искусства.

Ехал он спокойный, уверенный. И вот бессмысленный тиф скосил этот прекрасный пролетарский цветок.

А. Луначарский.

Трудовая армия.

Гражданскую войну в Советской России можно считать законченной. Буржуазная контр-революция во главе с Колчаком, Юденичем, Деникиным и другими разбита наголову, а жалкие ее остатки трусливо хлопочат перед Советской властью за свою белую кожу через английских адвокатов в роде

Керзона. Международное положение упрощается: империалисты всего земного шара с развитием международной пролетарской революции все более и более вынуждены отказываться от своих агрессивных намерений по отношению к России и вступать с ней, хотя и со скрежетом зубным, в определенные экономические отношения.

И в этот момент, наибольшего укрепления коммунистической революции, рабоче-крестьянская власть, естественно, переходит к борьбе с экономической разрухой, унаследованной нами от империалистической войны и закрепленной контр-революцией, переходит к мирному, органическому строительству. В этих целях, по мере возможности и надобности Красная армия переводится на положение Трудовой армии.

Производится социальный опыт, какого еще не знала история, — и нам следует относиться к нему с наивысшим вниманием, как с точки зрения теоретической, так и с точки зрения непосредственных результатов, несмотря на все временно несовершенные условия этого грандиозного опыта.

I.

Капиталистическое хозяйство характеризуется индивидуализацией производства, его анархией, регулируемой непонятными производителю законами рынка и конкуренции. Коммунистическое хозяйство, наоборот, должно представлять строгую систему, регулируемую экономической жизнью как со стороны непосредственно производства, так и со стороны учета и распределения рабочей силы. Если в буржуазном обществе пролетарий целиком зависит в своей жизни от слепых сил конкуренции и от комбинации их вынужден быть в борьбе за существование метаться от одного хозяина к другому, то в коммунистическом обществе перемещение рабочей силы будет обуславливаться не погоней голодного за куском хлеба, а строгой учетной экономической необходимостью общества сосредоточить известное количество определенной рабочей силы в той или иной области производства.

Создание Трудовой армии есть первый шаг к будущему регулярному и точному распределению рабочей силы в интересах общественного организма, а не отдельных предпринимателей-эксплуататоров. Первые начинания будут, несомненно, робки и чреваты ошибками, но, несмотря на все, мы должны упорно продолжать наш опыт, который диктуется современным хозяйственным положением и приближает нас к постановке действительно коммунистического хозяйства.

Приходится нередко слышать возражения, что коммунизм предполагает свободный труд, а не милитаризованный, основанный на принуждении. Тут кроется целый ряд недоразумений. В период диктатуры пролетариата, в период ломки старых общественных отношений, в переходный момент от одной культуры к другой совершенно невозможно рассчитывать, что все члены способны страхнуть с себя индивидуалистические цепи буржуазной культуры и что они в своем революционном порыве без всякой общественно-принудительной организации выполнят хозяйственную задачу. К этому мы придем в будущем, может быть, через десятки лет, а общественное хозяйство требует его организации сейчас, и нам с исторической неизбежностью приходится идти через общественно-принудительную организацию труда, если мы не хотим потерять завоеваний октябрьской революции.

Самая форма принуждения по существу своему далеко не та, что в буржуазном обществе. Нам, воспитавшимся в буржуазном обществе, кажется странным и непонятным, как это государственная власть может заставить меня работать то в одной роли, то в другой, то в одном месте, то в другом. В капиталистическом же мире мы с этим миримся и как-то не замечаем этого принуждения, считая его естественно-неизбежным; а теперь же, когда этот процесс идет в интересах общественного коллектива, равноправным членом которого является каждый гражданин, многие говорят ратно каком-то принуждении вместо того, чтобы помнить о своих обязанностях.

ностях по отношению к новому обществу и выполнять их. Да и это новое общественно-неизбежное принуждение будет становиться все мягче, все понятнее, все приемлимее, по мере того, как люди, разбитые по своим семейным и профессиональным конурам в буржуазном обществе, осознают себя активными членами новой большой семьи—общества и, естественно, загорятся стремлением установить в этом обществе урегулированную, радостную для всех жизнь. Новое политехническое образование даст им возможность ориентироваться во многих видах труда, а при отсутствии собственности и необходимости искать для себя и семьи куска хлеба перемена места жительства не только не будет пугать, но будет вносить в жизнь разнообразие впечатлений, расширяя человеческий опыт.

И как бы некоторые ни пытались доказывать, что милитаризация труда является несовместимой с коммунизмом, мы решительно утверждаем, что путь милитаризации труда—первая ступень организации обобщественного труда; и мы склонны этот милитаризованный труд назвать не только неизбежным, но общественно-свободным, как бы это ни показалось для некоторых парадоксальным.

II.

Трудовая армия представляет большой интерес и цену и с точки зрения складывающейся пролетарской культуры.

Переживаемый момент с точки зрения политической характеризуется политическим блоком пролетариата и крестьянства, иначе и не могло быть в нашей крестьянской стране, в капиталистическом отношении слабо развитой и отсталой. Но, укрепляя политический блок, пролетариат не отказывается и не может отказаться от полной своей гегемонии в области культуры, в области идеологии и других областях духовной культуры. Он стремится мелко-буржуазную идеологию и психику промежуточных общественных групп и в первую очередь крестьянства, как элемента трудового, приблизить к себе и по мере развития нового общественного хозяйства растворить в себе. Трудовая армия как раз и явится первым опытом в этом отношении.

Состоя преимущественно из крестьян, но руководимая пролетариатом и в частности коммунистами, Трудовая армия выравнивает идеологию и психику ее членов по линии промышленного пролетариата. Вырывая мелко-буржуазные, индивидуалистические взгляды частного мелкого хозяйства, Трудовая армия неизбежно будет прививать точку зрения общественного хозяйства, коллективного труда, а это в свою очередь поведет к отрицанию капиталистических инстинктов и индивидуалистических настроений.

Если в капиталистическом обществе развитие техники и объединение выходцев из деревни вокруг фабричного станка перерабатывало сознание масс, давая им классовое пролетарское направление,—то теперь, в Трудовой армии, организованной на началах, исключающих капиталистические принципы,—эксплуатацию, и чисто исполнительский труд,—а также сознание общественной необходимости и полезности данного труда, в том числе и для самого члена Трудовой армии, намечающиеся коллективный труд и коллективная жизнь неизбежно поведут к созданию новых человеческих отношений, к неизвестным капиталистическому обществу, поведут к созданию нового бытия на основе коммунистических предпосылок, больше, поведут к созданию нового человека, разрывающего и совлекающего с себя духовные одежды буржуазной культуры, человека-коммуниста не только в политике, но во всей жизни, коммуниста не только разумом, но глубоко и по чувству.

Преодолеть мелко-буржуазные индивидуалистические привычки различных общественных групп исключительно путем агитации, хотя бы усиленной, наивная мечта. Мелко-буржуазную мещанскую стихию мы можем преодолеть, главным образом, путем вовлечения ее в обобщественное производство, где, выражаясь словами К. Маркса, само бытие определяло бы и перерабатывало бы их сознание,—а пропаганда только отшлифовывала бы создающееся мироотношение. Трудовая армия и является первым звеном в новой цепи

бытия; через нее сама жизнь понесет свои новые принципы по городам и весям бесконечной страны с ее захудалыми уездами, медвежьими углами крестьянских пространств.

Предостерегающие голоса, что пролетариат может раствориться в этой крестьянской массе трудовых армий и утратить свое коммунистическое сознание, говорят скорее о безверии в силу пролетариата, как творчески-революционной энергии, созданной историей, и торжестве которой также неизбежно, как торжество солнечного света над бледным отблеском луны. Новое бытие ведет пролетариат к высшему сознанию, чем классовое, — к коммунистическому, незнающему классов; а в данный момент новое бытие делает пролетариат проводником своей идеологии, чтобы объединить все человеческое общество, создав из него всемирную братскую Трудовую армию.

И эта Трудовая армия будет бороться не с ненавистными общественными отношениями, несущими одним господство, а другим рабство, а с природой, с внешним миром. В своей героической борьбе с разрухой и в организации нового хозяйства, Трудовая армия будет бороться не за заработанную плату, не за обеспечение себя куском хлеба на черный день, об этом позаботится рабоче-крестьянское государство, а над преодолением препятствий, стоящих на пути к осуществлению коммунистического хозяйства. И в этих условиях опасаться, что пролетариат, растворится в крестьянской массе, а не увлечет ее за собой, — значит, не понимать развертывающегося исторического процесса.

Являясь крупной экономической силой, Трудовая армия неизбежно будет и крупной культурной силой. И обязанность каждого коммуниста нести в ее ряды свое внутреннее содержание.

III.

И 3-й Съезд Всероссийского Совета Пролеткульта был глубоко прав и последователен, когда в резолюции о работе в Трудовой армии сказал: „Трудовая армия, выполняя коллективно-организованную, общественно-свободную работу, есть первый шаг к коммунистической организации труда и быта, перерабатывающей психологию и идеологию своих членов в пролетарском направлении“. А раз так, то вполне естественно, что съезд зовет организации Пролеткульта принять активное участие в культурно-творческой работе Трудармии.

До сих пор, в силу исторических условий и неизбежных условий момента, в работе Пролеткульта чувствовался недостаток в наблюдении, изучении и собирании бытовых элементов новой жизни, которые лучше всего могли бы определить направление работы и в области литературы и в области театра, а равно и в других областях. И теперь этот недостаток мы в известной мере сможем восполнить своей работой в Трудармии.

Надо твердо помнить, что в то время, как Красная армия укреплявшая завоевания революции, была армией *разрушающей*, разрушающей хотя бы и контр-революцию, была коллективом спаянным полем *борьбы* и борьбы исключительно военной, Трудовая армия является армией *созидающей*, — творческой, и все члены ее объединены идеей *коллективного производственного труда*, который лежит в основе пролетарской культуры, на котором строится все коммунистическое общество, за которое наши товарищи героически боролись и героически умирали.

Трудовая армия по мере своего развития будет все большей и большей базой для работы Пролеткульта, и ей мы должны отдать часть своих сил

Валерьян Полянский.

Очерки организационной науки.

Устойчивость организационных форм¹⁾.

1. Количественная и структурная устойчивость.

Капля воды в пересыщенной или в ненасыщенной водяным паром атмосфере послужила для нас примером положительного и отрицательного подбора. Ее же можно взять за иллюстрацию двух основных понятий, относящихся к организационной устойчивости форм.

Если воздух не насыщен паром, капля подвергается испарению, теряет свои элементы в окружающую среду. За некоторый промежуток времени она, при этих условиях, должна совсем исчезнуть: кризис разрушения данного комплекса. Предполагая, что степень влажности атмосферы и ее температура не меняются, продолжительность существования капли зависит от ее величины: большая капля сохранится дольше, чем маленькая. Комплекс, охватывающий более значительную сумму элементов, тем самым характеризуется, как более устойчивый по отношению к среде, но, очевидно, только в прямом количественном смысле т.е., как обладающий большей суммой активностей-сопротивлений, противостоящих этой среде.

Положительный подбор, очевидно, ведет к возрастанию этой „количественной устойчивости“, отрицательный — к ее уменьшению; или даже, точнее, положительный подбор тождествен с ее увеличением, отрицательный — с ее убыванием, потому что первый определяется как перевес ассимиляции над дезассимиляцией, т.е., как возрастание суммы элементов комплекса, второй — противоположно этому.

Но действительная, практическая устойчивость комплекса зависит отнюдь не только от количества сконцентрированных в нем активностей-сопротивлений, а еще от способа их сочетания, от характера их организационной связи. Мы знаем, что при положительном подборе, рядом с величиной капли, возрастает неоднородность ее строения, и, напр., механический разрыв капли может достигаться относительно легче и легче, а на известном пределе для него оказывается достаточно тяжести самой капли, так что она распадается на две. Это — уменьшение „структурной устойчивости“ комплекса. Напротив, отрицательный подбор, рядом с убыванием размеров капли, обуславливает возрастание однородности ее строения; и поскольку это так, тот же, напр., разрыв капли требует приложения относительно большей силы: „структурная устойчивость“ возрастает. Разумеется, и это только в тех пределах, пока основное строение капли остается прежним, т.е. до кризиса, к которому неизбежно приводит отрицательный подбор, если он продолжается дальше и дальше, — в данном случае, до кризиса „исчезновения“ капли, как жидкого тела.

Структурная устойчивость сама представляет величину, и всегда может быть выражена количественно. Так, в механике всевозможные коэффициенты сопротивления гнатию, разрыву, кручению и пр. являются именно численным выражением структурной устойчивости разных тел по отношению к определенным внешним воздействиям. Что же касается коэффициентов „массы“ и „энергии“, то они характеризуют количественную устойчивость.

Два комплекса одного и того же типа, составленные из однородных элементов-активностей, можно прямо сравнивать по их количественной устойчивости, не считаясь с конкретными воздействиями среды: если в комплексе А сумма элементов больше, чем в В, то эта его устойчивость во всяком случае соответственно больше при одних и тех же воздействиях, какие бы они ни были. Напр., поскольку организм растет, постольку его сопротивление отравляющему действию ядов во всяком случае увеличивается; — какой бы яд ни

¹⁾ Это — четвертый в ряду „Очерков“.

применялся, для дезорганизации большего количества тканей его потребуется больше. Напротив, о структурной устойчивости можно говорить всегда только по отношению к тем или иным воздействиям, а не по отношению ко всяким вообще: одному яду организм оказывает более значительное сопротивление, другому—более слабое, и т. п.; для каждого разрушающего влияния коэффициент особый.

Впрочем, нередко понятие структурной устойчивости должно применяться в не столь определенном виде. Если комплекс *A* находится в более или менее постоянной среде, под некоторой совокупностью воздействий, изменяющихся лишь в известных границах,—человек в его социальной среде, животное или растение в его обычной стихийной обстановке, и т. п.,—то можно образовать суммарное представление об устойчивости по отношению ко всей этой системе условий. Так, сравнивая две разные политические или культурные организации, живущие в рамках одного и того же общества, можно найти, что одна из них по своему строению является более приспособленной, чем другая, т. е. структурно более устойчива. Но если общественные условия испытают необычное изменение, в роде революции, войны, экономического кризиса, то соотношение окажется вообще иным, иногда прямо противоположным.

Нынешние теории строения материи предполагают, что атомы вообще постепенно разрушаются в своей мировой среде, хотя ясного понятия о характере разрушающих влияний еще нет. Но мы знаем, что для радия средняя продолжительность жизни атомов около 2500 лет, для тория—около 40 миллиардов лет, для мезотория—около 8 лет, а для некоторых эманаций—минуты, секунды, малые доли секунды. Эти цифры и представляют суммарные коэффициенты структурной устойчивости данных форм вещества в тех обычных условиях, при которых нам их приходится наблюдать, и из границ которых эксперименты до сих пор еще не могли выйти. Когда удастся выяснить те воздействия, от которых зависит разрушение атомов, и планомерно изменять его скорость для различных тел, тогда не только будет решен теоретический вопрос об условиях их структурной устойчивости, но и практически—человечество получит возможность располагать гигантскими количествами активностей „внутри-атомной энергии“.

Понятие о структурной устойчивости в пределах ограниченно-изменяемой среды имеет огромное значение для тектологической практики. Вся среда жизни на земле, вся среда, в которой действует и развивается человечество, с ее обычной амплитудой колебаний различных ее условий в астрономических, атмосферических и иных циклах, может рассматриваться, как ограниченно-изменяющаяся; а это означает именно такую, изменения которой заранее научно учитываются, или в своей совокупности, или в широких суммарных комбинациях.

В частности, очень важны положения о том, как на структурную устойчивость влияет прогрессивный подбор, положительный и отрицательный. Мы видели, на примере капли росы, что при положительном подборе, параллельно с возрастанием неоднородности внутренних связей комплекса, идет уменьшение этой устойчивости, а при отрицательном, с возрастанием их однородности, ее увеличение. То же самое верно по отношению ко всякому комплексу в среде с неопределенно-изменяемыми и разнообразными воздействиями: в первом случае имеющиеся структурные противоречия сохраняются, и с ними присоединяются, со вступлением новых элементов; еще новые; во втором случае идущее разрушение отрывает от комплекса прежде всего наименее прочно связанные с ним элементы, разрывает наиболее противоречивые связи, наиболее смешанные с частичными дезингрессиями. Напр., рост живой клетки, подобно росту капли росы в пересыщенной атмосфере, ведет к накоплению внутренних дезингрессий, которое и здесь выражается, наконец, в распадении клетки на две; в биологическом развитии это распадение используется, как „размножение“; но ведь и капля, распавшаяся в пересыщенной атмосфере, является „размножившейся“, потому что ее части, „капли-дочери“, продолжают при тех же условиях расти, как и она, до нового распадения; так же и в случаях „размножения“ жидких кристаллов, и проч.

Особенно наглядно выступает эта закономерность в жизни организма и общества. Когда, напр., человек долго находится в особенно благоприятной обстановке, то, несмотря на количественное накопление энергии, общая сила его сопротивлений среде начинает понижаться, он, как говорят, „изнеживается“, а это и означает понижение структурной устойчивости против неблагоприятных влияний. Напротив, во многих случаях вслед за умеренным голоданием, не чрезмерной потерей крови, также вслед за острыми лихорадочными заболеваниями наблюдается поздоровение, идущее выше того здоровья, какое имелося до периода отрицательного подбора; а „здоровье“—это обозначение той же структурной устойчивости организма¹⁾. Массу примеров того, как накаплиются скрытые противоречия при „процветании“, т.е. под положительным подбором, дает капитализм, с его кризисами. При особенно длительном процветании противоречия начинают бросаться в глаза. Так, Англия в эпоху своего господства на мировом рынке, после целых столетий процветания, отличалась и развитием экономических крайностей—рядом гигантских богатств и глубочайшей нищеты,—и сохранением отсталых идеологий одновременно с прогрессивными, как страна наибольшей религиозности, устаревших политических традиций, и т. под. А если специально брать классы, живущие в исключительно благоприятной обстановке, т.е. господствующие, эксплуататорские классы разных эпох истории, то они обыкновенно и кончали вырождением. Напротив, суровая обстановка часто вела к оздоровлению жизни народов; из тяжелых войн, после большой растраты сил, они выходили как бы обновленными, более сплоченными внутренне и более активными в труде, быстро восстанавливали растраченное и поднимались выше прежнего²⁾.

Суммарная устойчивость комплекса по отношению к данной его среде есть, очевидно, сложный результат *частичных* устойчивостей разных частей этого комплекса по отношению к направленным на них воздействиям. Надо поэтому исследовать, какова именно связь между устойчивостью отдельных частей и того целого, которое из них образовано.

II. Закон наименьших.

Пусть имеется цепь, состоящая из звеньев неодинаковой прочности. На этой цепи подвешиваются тяжести. Большинство звеньев способны, не разрываясь, выдержать вес до 1000 килограммов, некоторые до 1500, а одно звено—только до 500 кил. Спрашивается, какой наибольший вес может выдержать цепь, как целое? Очевидно, только 500 килогр.; при большей тяжести она разорвется в наименее прочном звене. Структурная устойчивость целого определяется *наименьшей* его частичной устойчивостью. Эта схема относится не только к механическим системам, но решительно ко всяким: физическим, психическим, социальным. Если организации людей, напр., армии, приходится преодолевать разрушительные воздействия, то и ее устойчивость зависит от наименьшей из частичных; и точно так же логическая цепь доказательств рушится, если одно из ее звеньев не выдерживает ударов критики.

Но на практике обыкновенно система подвергается не равным и не равномерным воздействиям в разных своих частях. Даже в нашем примере с цепью, ее верхние звенья должны выдерживать, кроме подвешенной тяжести, еще вес всех нижних звеньев, что может иногда составить решающую равницу; фронт армии подвергается ударам не равной силы в разных пунктах и в разное время, и т. под. Поэтому приходится ввести понятие об *относительном сопротивлении*. В механизме, называемом сложным блоком, при поднятии тяжестей одна веревка должна выдерживать, напр., тысячу килогр., между тем как другая—всего 500, третья 250, четвертая 125, и т. д. Если

¹⁾ Разумеется, такое поздоровение бывает далеко не всегда: отрицательный подбор связан все же с постепенным разрушением, количественная устойчивость при нем понижается; вопрос в том, как далеко зайдет разрушительный процесс; а достаточное его развитие приводит вообще к дезорганизации.

²⁾ Здесь тоже сама собой подразумевается предыдущая оговорка.

первая из них способна противостоять натяжению в 1500 килгр., то ее относительное сопротивление будет $\frac{1500}{1000} = 1\frac{1}{2}$; если для второй предельное натяжение 600, то ее относительное сопротивление $1\frac{1}{5}$; если для третьей оно всего 250, то относительное сопротивление равно 1; произойдет полная дезинграция между сцеплением ее частиц и действием тяжести, при чем, как мы знаем, веревка разорвется. Тем более она разорвалась бы, если бы в какой-нибудь части относительное сопротивление оказалось меньше единицы.

Если изменяется величина внешних воздействий, или структурное состояние самой системы, то достаточно, чтобы в какой бы то ни было ее части на какой бы то ни было краткий промежуток времени установилось относительное сопротивление ниже единицы, и разрушительный процесс произойдет, насколько значительный и глубокий, это, конечно, зависит от всей суммы организационных условий. Заснувший на минуту богатырь может быть убит ничтожным карликом. Достаточно, чтобы на поверхности тела человека эпидермис был поврежден ранкой в $\frac{1}{10}$ миллиметра длины и ширины—что составляет меньше сто-миллионной доли его поверхности,—и чтобы болезнетворные микробы всего одну секунду имели фактический доступ в эту ранку,—и организм заражен, быть-может, смертельно.

Устойчивость целого зависит от наименьших относительных сопротивлений всех его частей во всякий момент,—закономерность громадного жизненного и научного значения.

Между прочим, именно на ней в организационной практике—технической, политической и всякой иной—основывается грозный момент „ответственности“. Руководитель мог целые годы правильно и целесообразно вести дело, по всей линии поддерживая своевременным, умелым вмешательством достаточную устойчивость организации; но в одном вопросе ему изменила его интеллектуальная энергия, или просто на минуту ослабело внимание,—и получается часто непоправимый ущерб, иногда, как в боевой обстановке, полное крушение¹⁾.

Надо помнить, что понятия „активностей“, или „воздействий“, и „сопротивлений“ для тектологии всецело соотносительны, и взаимно меняются местами, когда точка зрения, исходный пункт анализа, переносится с комплекса на его среду. Поэтому схема „наименьших относительных сопротивлений“ разных частей комплекса вполне равносильна схеме „наименьших относительных активностей“ тех же частей, или „наибольших относительных воздействий“ среды, или наибольших относительных ее сопротивлений; и под ту же формулу подходят многие случаи, которые не укладываются, внешним образом, в первое приведенное нами ее выражение.

Так, пусть имеется эскадра, состоящая из судов разной скорости, разной осадки в воде и разной вместимости угольных трюмов. Скорость линейных броненосцев, допустим, 30 километров в час, крейсеров 40 км., контрминоносцев 50 км. Какова будет общая скорость эскадры в дальнем плавании? Скорость корабля—это мера *преодолеваемых сопротивлений* его водной среды, или мера *собственных активностей* комплекса; наименьшая относительная величина этих активностей есть то же самое, что наибольшая относительная величина противостоящих им сопротивлений, и, очевидно, выражается наименьшей скоростью—30 км. Действительно, такова необходимо должна

¹⁾ Переходя еще далее к частностям,—этим же определяется неизбежная историческая ограниченность „авторитарного“ типа организаций. Он характеризуется тем, что „организаторская функция“, т.е. структурное приспособление всей системы, зависит всецело от индивидуального мозга „авторитета“ или властителя, тогда как масштаб организационной жизни, конечно, коллективный. Следовательно, частичная и хотя бы кратковременная индивидуальная недостаточность отражается, иногда непоправимо или даже гибельно, на всем коллективе.

быть общая скорость эскадры, наибольшая при которой она еще может сохранять свою связь и единство действий; те суда, которые в течение достаточного времени будут развивать более значительную скорость, оторвутся от броненосцев, и эскадра распадется.

Далее, пусть у броненосцев подводная часть углубляется на 10 метров, у крейсеров на 8, у контр-миноносцев на 5. Эскадре предстоит проходить через сравнительно мелкие воды каких-нибудь проливов. Каков будет наиболее мелкий доступный для нее фарватер? Здесь удобнее всего говорить о наибольших относительных сопротивлениях среды; ясно, что они соответствуют наибольшей осадке—10 метров; где пройдут броненосцы, там пройдут и другие суда, но не обратно¹⁾.

Аналогичным образом, если одни суда имеют в угольных ямах запас на 10 дней пути, другие на 15, третьи на 20, то наибольшее расстояние на их пути от одной угольной станции до другой не должно превышать 10-дневного, и т. д.

Надо иметь в виду, что тектологическое понятие „части“ гораздо шире, чем обычное значение этого слова. Пусть, напр., через некоторое отверстие, сопротивление стенок которого непреодолимо для наличных активностей, приходится протаскивать тело определенной формы: вносится мебель через дверь, или узник пролезает через подпиленную решетку, и т. п. Приходится брать „наибольшие относительные сопротивления среды“; а они всего значительнее для наибольших поперечных сечений тела, и даже точнее—для наибольших измерений каждого поперечного сечения. Следовательно, тело лишь в том случае пройдет, если ни в одном измерении поперечных его сечений оно не превзойдет соответственного измерения отверстия, — иначе в этом измерении относительное сопротивление среды больше единицы, или непреодолимо. Поперечные сечения, т.-е. „площади“, и даже их измерения, т.-е. „линии“, являются тектологически частями комплекса—тела²⁾.

Часто относительные активности-сопротивления комплекса и его среды приходится рассматривать, как изменяющиеся во времени, исследовать комплекс—процесс. Тогда все моменты этого процесса выступают в виде звеньев одной цепи, временной, и к этим звеньям, как частям целого, надо применять все ту же точку зрения. Напр., пусть имеется ограниченная территория, и поставлен вопрос об ее емкости в смысле населения: сколько народу, при данной, конечно, технике, может на ней жить? Ответ будет такой: столько, сколько может прокормиться в самые неблагоприятные годы, при самом низком урожае, и т. п., — в годы наибольших относительных сопротивлений среды.

Если в мастерской продукт проходит через руки нескольких работников, или в бюрократическом учреждении деловой посетитель через руки нескольких чиновников, то количество изготовленных штук продукта и отпущенных посетителей будет зависеть от работника и чиновника, выполняющих

¹⁾ Известен анекдот об инженере, который предлагал машинисту ехать через туннель, вышиною в 10 аршин на одном конце, 6 на другом, а в среднем 8 аршин, тогда как локомотив с трубой был всего 7 аршин вышины. Конечно, таких инженеров не бывает. Однако, прежние статистики нередко принимали за меру „народного благосостояния“ средние доходы населения. Рассматривая доходы, как меру социально-кристаллизованных активностей-сопротивлений, которыми люди располагают в поддержании своей жизни против стихийных сил,—за величину, выражающую уровень народного благосостояния, следует принимать именно доходы социальных низов.

²⁾ Огромное большинство нынешних математиков совершенно не в состоянии представить себе, что „площадь“ есть не что иное, как тело бесконечно-малой, или просто игнорируемой толщины, а „линия“—тело игнорируемой толщины и ширины. Такова еще сила схоластически-абстрактного мышления. Между тем достаточно сообразить следующее. Площадь *только* двух измерений, которую они, якобы, „мыслят“, равно как и линия *только* одного измерения, не могут существовать в восприятии, ибо они невидимы и неосознаемы; не могут поэтому существовать в представлении, потому что оно есть след восприятия; не могут тем самым существовать и в понятии, т.-е. „мыслиться“, потому что материалом понятий служат представления. На деле, конечно, математики „мыслят“ не то, что говорят в своих словесно-противоречивых определениях, а совсем иное—площади и линии, доступные зрению и зрительному представлению.

наименьшее число соответственных операций в час. Достаточно, чтобы из 10 один обладал ненормально низкой работоспособностью, и рабочая сила остальных 9 окажется в соответственной мере парализована.

Современный язык не приспособился до сих пор специально к точному выражению организационных связей, закономерностей; понятия об активностях—сопротивлениях часто смутны и неясны; как видно из приведенных примеров, иногда требуется особое усилие, чтобы представить себе, что именно в том или ином случае считать проявлением активностей комплекса, что—проявлением воздействий или сопротивлений его среды, а также—на какие части его анализировать. Для первой ориентировки удобнее брать самый закон в несколько иной, менее строгой словесной формуле: как закон *наименее благоприятных условий* или, короче, как закон *наименьших*. Подразумеваются наименее благоприятные условия, наименьшие положительные величины с точки зрения того комплекса, о котором идет дело.

Особенно целесообразен этот способ выражения в вопросах социально-организационной практики—экономической, политической, культурной.

Пусть, напр., имеется партия „блокового“ состава, два крыла которой образованы двумя общественными слоями или классами, более передовым и более отсталым. Какой из двух окажется на деле определяющим для программы и тактики партии? По схеме *наименее благоприятных условий*—более отсталый. Решение непривычное, и даже неожиданное, потому что по видимости, большей частью, передовой класс или слой „ведет“ за собой отсталый, по преимуществу вырабатывая лозунги, выдвигая руководителей, и пр. Да, но реальным пределом лозунгов и руководства является именно то, на что еще может соглашаться отсталая часть целого; при попытках же идти дальше блоковая связь начнет последовательно разрываться, как разрывалась бы в походе связь отряда, состоящего из пехоты и кавалерии, если бы кавалерия не ограничивала себя скоростью пехоты.

Принцип относительных сопротивлений не представляет, сам по себе, ничего нового для науки: в механике, в физике, в технических науках он формулирован давно и применяется с большой точностью. Но тектология делает его универсальным, распространяя на все и всякие комплексы, вплоть до психических и логических, при чем должна показать, как им пользоваться в новых, более сложных применениях. Это наука с первых же своих шагов сознательно практическая.

III. Закон наименьших в решении практических задач.

Как всякий научный закон, и закон относительных сопротивлений может являться выражением либо господства природы над людьми, либо власти людей над природою. Постройка рухнет, если неумелый архитектор не соизмерил прочности балок с наибольшим давлением на них; плотина, защищающая поля и жилища от наводнения, в ряду лет неизбежно подвергается губельному для них прорыву, если не принять в расчет наибольший возможный подъем воды вместе с наиболее неблагоприятным сочетанием силы течения и силы ветра; предприятие не выживет, если в его организации не были приняты во внимание невыгодные конъюнктуры, и т. д. Вся знаменитая триада национальной русской тектологии—„авось, небось и как-нибудь“—выражает не что иное, как игнорирование закона относительных сопротивлений, зависящее от недостаточности организованного опыта и его несвязности, того, что обычно называют „низкой культурой“. Напротив, планомерно и систематически пользуясь законом относительных сопротивлений, люди могут достигать наибольшей устойчивости своих собственных организаций, своих технических и идейных построений, освобождаясь от вечной угрозы стихийных сил. Задачи, в решении которых этот закон должен систематически, сознательно применяться, бесчисленны и бесконечно разнообразны. К нему сводится целый ряд важнейших методов, давно существующих в практике и в науке, не обобщенных, разрозненных, и потому прилагаемых лишь частично,

в той или иной области труда-опыта; за этими пределами они обыкновенно упускаются из виду, и вдобавок, усваиваются с лишним трудом, не экономя в смысле умственной энергии, по своей необобщенности, безсистемности.

В общем, все задачи, сюда относящиеся, разделяются на два типа. К первому принадлежат те, в которых требуется преодолевать *определенно-изменяющиеся* воздействия или сопротивления; ко второму те, в которых эти преодолеваемые величины являются *неопределенно-изменяемыми*. Примером первого типа может служить любое здание, любая машина, всякое орудие: разные их части подвергаются разным по силе давлению, трением, ударам, и пр., но так, что эти различия, на основании опыта и теоретического расчета, удается, в общем, выразить определенными коэффициентами. Примеры второго: ребенок, подготовляемый воспитанием к работе и борьбе в неопределенно-изменяющейся, заранее не учитываемой социальной обстановке; армия в оборонительном положении на временно установившейся линии фронта, при отсутствии объективных данных, определяющих тактику неприятеля; научное или художественное произведение, выпускаемое в малоизвестную автору „публику“, и т. под. Задачи того и другого типа решаются двумя соответственно различными общими методами.

Принципиальное решение для первого типа намечается само собою. Если известно, что данный комплекс или система в таких-то своих частях должен выдерживать воздействия или преодолевать противодействия такого-то рода и такой-то величины, то в этих частях и приходится концентрировать активности-сопротивления соответственного характера и в надлежащем количестве. Вся трудность заключается в том, чтобы *знать* род и величину активностей преодолевающих и *располагать* достаточными активностями против них. Первое достигается коллективным *опытом*, воплощаемым в науке, второе — коллективным *трудом*, дающим техническую власть над стихийными энергиями природы, возможность их эксплуатировать.

Можно сказать, что человечество вообще умеет решать подобные задачи. Строители и механики точными расчетами устанавливают материалы, формы и величины, в разных направлениях, разных частей моста, дома, станка, рабочего инструмента, и т. под. Если решение оказывается неудачным, как это все-таки бывает, и нередко, — то вина не в методе, а в других моментах дела: или неточны были данные, на которых строились планы, или в расчет вкрались ошибки благодаря несовершенству нервно-психического аппарата людей, его выполнявших, или явились новые обстоятельства, которые раньше не наблюдались, и потому не могли быть учтены. Если чего до сих пор не хватало самому методу, так именно — сознания его универсальности, и соответственно универсальной формулировки.

Однако и этот недостаток — вещь немаловажная. Он ведет к тому, что люди, которые умело и успешно пользуются данным методом в решении каких-нибудь технических задач, по существу более простых и легких, упускают его совсем или применяют несознательно, а потому и плохо, как раз там, где задачи всего сложнее и труднее: напр., в социально-организационном деле, в педагогике, в работе над художественным произведением, и т. п. Кроме того, самое знание усваивается не экономно, когда оно не достаточно обобщено: один и тот же метод в разных областях требует каждый раз особых усилий для усвоения, потому что воспринимается, как нечто иное, новое.

Вот, напр., правило военной тактики: „наступающий имеет преимущество“. Это — одно из бесчисленных частных применений принципа относительных сопротивлений. Тот, кто первый наносит удар, выбирает его место и момент, и, подразумевается само собою, концентрирует в них свои силы. Когда первый удар нанесен, относительное сопротивление в данном пункте уже оказывается пониженным; и если атака продолжается, ее шансы, конечно, повышены. Французские начальники, любезно предлагавшие в одном сражении англичанам стрелять первыми, были явно неправы хотя бы потому, что убитые этими выстрелами французы уже никак не могли отвечать на них.

Для того, кто понял правило „оффенсивы“ (наступления), как частный вывод из универсального принципа, сразу очевидно, что оно применимо и во всякой иной борьбе—экономической, политической, идейной. А между тем очень часто, как показывает опыт, те кто, создавая нечто новое в этих областях, не могут не предвидеть неизбежности борьбы за него, тем не менее лишь испытывают достаточное количество ударов усваивают все практическое значение оффенсивы.

Правило *концентрированного действия*, в других по внешности, но тожественных по существу применениях, господствует над всей техникой. Так, применение острых орудий имеет тот смысл, что вся сила действия переносится на чрезвычайно малую поверхность, на протяжении которой сумма молекулярных сил сцепления соответственно мала; для тупого ножа или топора эта поверхность больше, чем для острого, а значит, во столько же раз больше и сумма сопротивлений, которые требуется преодолеть. Удар при этом выгоднее простого давления острием потому, что он сосредоточивает действие на очень малый период времени. Допустим, что сопротивление в 10 раз превосходит активности, которыми мы располагаем за одну секунду, чтобы преодолеть его. Достаточно тогда эти же активности приложить не в секунду, а в одну двадцатую секунду, и относительное сопротивление за это время будет не 10, а всего $10/20$, меньше единицы, т.е. будет преодолено, — разрушение, которое намечено, произойдет.

Таков же смысл применения взрывчатых веществ. Энергия химического действия, заключенная в фунте динамита, вовсе не так огромна, как обыкновенно думают, и не на много превосходит ту, которая скрыта в фунте угля. Но если требуется, напр., оторвать и обрушить часть скалы, то, применяя, положим, паровую машину для ее разбиванья, надо сжечь, может-быть, сотни фунтов угля, чтобы получить такой результат, какой даст сразу взрыв одного фунта динамиту. Энергия сгорания угля распределяется на множество отдельных актов и на относительно большой промежуток времени, тогда как вся химическая активность динамита затрачивается в ничтожно-малую долю секунды, в одном лавинообразно разворачивающемся действии; за это время молекулярные связи горных пород оказываются разорваны, а потом они уже сами собой не возобновляются. Но если концентрировать энергию угля в один акт подобной же краткости, то и уголь проявляет столь же грозные свойства: так бывает при взрыве паровых котлов.

Легко понять, насколько важно правило концентрированного действия, напр., для всякой идеологической, культурной работы—в педагогике, агитации, пропаганде, в художественном творчестве, и пр. Но большей частью работники этих областей отдельно и независимо друг от друга приходят к его пониманию и планомерному применению, на своем частном опыте и ценою ряда ошибок, неудач. Неопытный лектор или пропагандист обыкновенно с большой полнотой, стараясь ничего не упустить, рассказывает своей аудитории все, что ей знать надлежит; и ее воспринимающие активности рассеиваются по многим направлениям, при чем сколько-нибудь прочно ничто не усваивается, производительность усилий той и другой стороны получается наименьшая. Древнее правило „*non multa, sed multum*“—не о многом, но основательно—является подходящей здесь частной формулировкой принципа концентрированного действия, и научная специализация своей положительной, прогрессивной стороной обязана тому же тектологическому характеру¹⁾: концентрация активностей на ограниченном поле приложения в познавательной борьбе с природою.

¹⁾ Она имеет и отрицательную сторону, которую еще придется выяснять в дальнейшем. Пока достаточно указать, что правило концентрации действия служит для решения задач, относящихся к *определенно-изменяющейся среде*; соответственно ее определенным изменениям (или различиям ее частей) и производится концентрирующее распределение активностей. Для среды *неопределенно-изменяющейся*, как уже было упомянуто, метод решения иной, а первый метод там недостаточен и не подходит, так что созданные им приспособления, в роде специализации, дают тогда неблагоприятные результаты.

Второй тип задач, это те, в которых среда, ее воздействия и сопротивления, изменяясь неопределенно, не могут учитываться заранее со стороны их неравномерности. Разумеется, задача может быть и просто неразрешима, — именно тогда, когда неопределенные изменения среды не заключаются в каких-нибудь границах, достаточно соизмеримых с наличными средствами решения, т. е. общим запасом активностей-сопротивлений, какой для него имеется. Напр., для муравьев неразрешима задача ограждения муравейника от нападения внешних врагов вообще, когда в числе их возможны такие существа, как люди, — но разрешима задача защиты от нападения других муравьев и иных насекомых. Люди же способны коллективно создавать крепости, удовлетворительно противостоящие всяким живым врагам, — но еще не в силах оградиться против геологических, а тем более космических кризисов. Мы же должны исследовать вопрос, очевидно, в рамках относительной его разрешимости.

Если любая часть системы может подвергнуться воздействию не учитываемой заранее силы, то ясно, что всякая неравномерность концентрации сопротивлений, в пользу одних частей, а следовательно в ущерб другим, совершенно беспечна. В то же время она до крайности опасна, ибо создает вероятность разрушительного результата даже со стороны сравнительно слабых воздействий, раз они придутся против наиболее непрочных частей системы. Максимум относительной устойчивости здесь достигается *равномерным распределением активностей-сопротивлений* между всеми угрожаемыми звеньями целого.

В таком смысле задача вообще и решается — стихийно природою, более или менее сознательно и планомерно человеческою практикой. Какая-нибудь раковина моллюска представляет приблизительно равномерную защиту поверхности его тела от механических и иных воздействий; если местами имеются отклонения от этой равномерности, то уже в зависимости от решения других специальных задач, — потому что жизненные задачи организма по необходимости решаются все сразу, при чем эти решения, естественно, отчасти ограничиваются одни другими. Аналогичным образом, угрожаемую поверхность, положим, крепости ее строители стараются оградить равномерно, не оставляя слабых пунктов, поскольку это допускается другими жизненными условиями системы; напр., когда города укреплялись стенами, в стенах все-таки приходилось делать и ворота для сношений с внешним миром; но вынужденное ослабление защитительной оболочки в этих местах восполнялось усилением стражи, и т. под. То же и во временной цепи организационных отношений: если шансы нападения не учитываются заранее, — дело идет, хотя бы об отряде исследователей, проходящем через незнакомую страну, населенную дикими племенами, — то необходима непрерывная и равномерная охрана; ее ослабление хотя бы на короткое время могло бы оказаться роковым, а усиление без достаточных оснований означало бы бесплодную растрату энергии, сбережение которой столь важно в этих условиях. Когда становятся недоступными учету на неопределенное время возможности продовольственного снабжения, все члены коллектива переводятся на равномерный минимальный паек, и т. под.

Очевидно, что задачи подобного рода возникают, вообще, тогда, когда в наличной системе уже есть определенное неравномерное распределение активностей-сопротивлений между ее частями или звеньями, которое и вредно для устойчивости системы в среде неопределенно-изменчивой. Типически, такое положение создается в тех очень частых случаях, когда система, которая формировалась в одной обстановке, в соответствии с ее разнородными, определенными воздействиями, попадает в другую обстановку, где соотношения иные. Напр., культурный европеец, выросший в городе, занимавший известное социальное положение, сообразно с которым и развились его „способности“, т. е. распределение активностей его организма, попадает в девственные степи или дикие леса. Там, среди бесчисленных незнакомых ему возможностей и опасностей, его специальное знание, положим, текстильного дела, математики, литературы или административной техники, оказывается

не только бесполезным для него, но гораздо более: будучи достигнуто путем особенной концентрации активностей на определенных функциях определенных органов, оно основано на понижении энергии других функций, других органов; оно связано с большой неравномерностью развития, какая была возможна и удобна в культурной социальной среде, но может оказаться гибельна на лоне стихийной природы, от слепых активностей которой он теперь не защищен культурно-техническим аппаратом общества. Задача выступает в виде необходимости напряженной работы самых различных органов, при чем активности организма должны перераспределяться от наиболее гипертрофированных функций к менее развитым. В дальнейшем, по мере того как он будет справляться с положением, уже и эта среда из неопределенно-изменяющейся будет превращаться для него все более в определенно-изменяющуюся: стоит ему устроить хижину, и отпадет неопределенная изменчивость условий температуры и влажности; когда он возделает кусок земли, более определенный характер приобретут условия питания, и т. д. Тогда и организационная задача его жизни меняет свою форму, переходя шаг за шагом к первому рассмотренному нами типу. Из этого видно, что между обоими типами есть все промежуточные ступени; вернее, они постоянно комбинируются—в одних отношениях, в проявлениях одной группы активностей среда выступает как определенно-изменяющаяся, в других отношениях как неопределенно-изменяющаяся.

Пусть две армии стоят друг против друга. Та, которая захватит в свои руки инициативу, первая перейдет в наступление, должна будет решать задачу на определенно-изменяющиеся сопротивления. Район наступления должен явиться, естественно, районом наибольшего противодействия; выгиб фронта сам по себе увеличивает поверхность соприкосновения наступающих частей с неприятелем; притом эти части выходят из-за прикрытий, что увеличивает относительную силу неприятельского воздействия, а враждебная армия, конечно, начнет сосредоточивать, какие для нее возможно, новые части к пунктам атаки. Следовательно, первая армия должна концентрировать достаточную сумму своих сил в этом районе, а в других поддерживать такое их количество, какое может потребоваться для сопротивления возможным контр-маневрам, для развития результатов прорыва, и пр. Если все это рассчитано хорошо, и относительное противодействие оказалось, где надо, меньше единицы, то задача решена, неприятель частично или вполне побежден.

Если неприятель только отнесен, и держится прочно на своих позициях, при относительном сопротивлении равном единице, то задача выступает в новом виде. При этом может быть два случая. Либо силы достаточны для попытки повторного удара; тогда следует заново, в изменившейся обстановке, организовать решение того же типа, как и первое; либо силы истощены, резервов мало, приходится на время отказаться от offensивы; тогда, пока она не наметится со стороны неприятеля, задача будет второго типа,—равномерное закрепление фронта, перераспределение сил в пользу более слабых частей фронта.

Из этих примеров ясно, что, во 1), решение задач на определенно-изменяющиеся сопротивления тектологически выгоднее, соответствует большей плановости; во 2), переход к этому типу от другого может зависеть отнюдь не только от среды, воздействия которой из менее определенных становились бы более определенными, но и от активного отношения самой системы к этой среде: воздействуя на среду, данная система, тем самым, как бы выбирает ее сопротивление.

Воспитание ребенка представляет чрезвычайно важную социально-организационную задачу. Это, в сущности, процесс введения нового члена в общественную систему. Оно prepares человека к той жизненной функции, вернее—к той сумме функций, которая ему в обществе предстоит. Эти функции, обстановка, в которой они будут выполняться, сопротивления, с которыми они должны будут иметь дело, частью могут быть предопреде-

лены заранее, частью лежат вне предвидения воспитателей. Следовательно условия задачи двойственны: с одной стороны, среда определенно-изменяющаяся, с другой—неопределенно-изменчивая. Соотношения двух сторон задачи в разных исторических системах различны.

Более древние типы социальной организации отличаются консерватизмом быта; таковы первобытно-родовые общины, развившиеся из них авторитарно-родовые, а затем феодальные общества; в значительной мере ту же особенность сохраняют первые феодально-меновые формации—рабовладельческие разных видов, крепостные, и даже ремесленно-городские. Бытовой консерватизм закрепляет за детьми социальное положение и функции родителей: сын военного организатора—феодала должен стать таким же вождем дружин, сын зависимого крестьянина—таким же несвободным земледельцем; сын кузнеца—кузнецом, и т. д. Общественная роль предопределена в наибольшей доле, и соответственно определена задача воспитания: оно развивает активности ребенка по образу и подобию отца или матери, в домашнем, иногда в корпоративном обучении. Педагогические принципы очень просты: все сводится к подражанию или механическому заучиванию, а затем специальным практическим упражнениям; особого воспитательного аппарата либо вовсе нет, либо он находится в зачаточном состоянии. Пока социальная обстановка устойчива, этого вполне достаточно: жизнь стереотипно повторяет от поколения к поколению те же технические и социально-организаторские воздействия, которыми преодолеваются те же сопротивления стихийной или человеческой природы. Зато, если человек попадает в непредусмотренное положение, он оказывается в огромном большинстве случаев бессилен и беспомощен. Если же меняется общая природная или социальная обстановка, непригодность широко охватывает всю жизнь консервативного коллектива. Так, при вынужденных переселениях диких и варварских племен обычным являлось вымирание их в значительной доле, на первых, по крайней мере, порах. А вымирание остальных народов при самом даже мирном соприкосновении с цивилизованными выступает часто еще резче, при чем иногда трудно улавливаются его ближайшие причины. Но причина основная и общая одна: консервативно сформированные организмы устойчивы только в консервативной среде; когда она становится изменчивой, тогда неизбежно в тех или иных частях, в тех или иных функциях этих организмов относительные сопротивления должны время от времени оказываться ниже единицы.

Смена консервативных социальных структур структурами, носящими в себе условия прогрессивного развития на основе противоречий,—авторитарных меновыми капиталистическими,—в корне изменяет условия и задачи воспитания. Тенденция к сохранению за детьми социального положения и роли их родителей все более и более ограничивается, все чаще и чаще практически парализуется стихийными силами общественной жизни; но даже и в тех случаях, где она реально проявляется, детям приходится выполнять свои функции в изменившейся и продолжающей изменяться социальной обстановке, т. е. иметь дело с сопротивлениями иной величины, а частью и иного характера; стереотипное воспитание по образцу прошлого и тогда оказывается недостаточным. Следовательно, задача воспитания в наибольшей доле неизбежно должна решаться в расчете на неопределенно-изменяющиеся условия.

Но она не может вся сводиться к этому, и вот по какой причине. Поскольку само общество противоречиво-прогрессивного типа лишено цельности и анархично, поскольку в отношениях его элементов значительное место принадлежит борьбе, дезинтеграциям, постольку человек в нем удерживает за собой социальное положение и функцию лишь на основе какого-нибудь определенного и устойчивого преимущества перед другими. А такое преимущество является, конечно, лишь в результате решения задачи на определенно-изменяющиеся сопротивления. Значит, необходимо, чтобы и это давалось воспитанием. Но каким путем?

На одной из предыдущих иллюстраций мы видели, что переход от первого, тектологически менее выгодного типа задачи ко второму зависит не только от среды, но и от активного отношения к ней самого противостоящего ей комплекса, в данном случае—человека: возможен с его стороны *выбор* ее сопротивлений, разумеется, лишь до известной степени, в ограниченном масштабе. Этот выбор воспитания может предопределить в форме *специализации*.

Действительно, специализация на той или иной работе, с ее особыми материалами и орудиями, предreshает и характер и величины тех сопротивлений, с которыми человеку придется иметь дело, позволяет наиболее точно и определенно соразмерять затраты его активностей с противодействиями объектов труда, планомерно достигая рассчитанных результатов. Всего очевиднее это в технике—организации вещей; но таково же значение специализирующей стороны воспитания в деле организации людей и идей. Развертывая возрастающую сумму энергии в борьбе с избранными и все более доступными его расчету сопротивлениями, человек-специалист достигает возрастающих результатов; это и образует основное и устойчивое преимущество, на которое он опирается в поддержании своей социальной роли и позиции. Кузнец в своей трудовой сфере имеет дело с определенно-изменяющимися сопротивлениями металлов, огня и пр.; в этом он превосходит других людей: те, поскольку они сталкиваются с такими же сопротивлениями, напр., пользуясь металлическими вещами, которые ломаются, гнутся, портятся, так или иначе нарушая их ожидания,—вынуждены относиться к ним, как комплексам сопротивлений неопределенно-изменчивых. Но моряк обладает вполне аналогичным превосходством в деле решения другой группы задач, связанных с сопротивлениями водной среды, которые для кузнеца и прочих людей является неопределенно-изменчивыми, и т. д.

Однако, это только одна сторона воспитательной проблемы: за пределами своей специальности, во всей остальной своей среде, социальной и природной, человек все-таки должен считаться с общей задачей на неопределенно-изменчивые условия. Ей соответствует другая сторона воспитания, направленная к развитию органов и функций „вообще“, безотносительно к каким-либо заранее намеченным специальным обстановкам и частным целям. Сюда входит большая часть того, что называют „физическим воспитанием“, и так называемое „общее образование“. Физическое воспитание существовало, конечно, и в консервативных системах; но, поскольку оно не относилось к заранее предопределенной социальной функции человека, напр., укрепление мускулов будущего воина и закалывание его тела против непогоды и походных невзгод,—оно не ставилось, как воспитательная задача: оно проводилось стихийно, „само собою“, в детских играх и детском труде семейной и между-семейной жизни. Общество же нового типа, противоречиво-прогрессивное, вынуждено было все более сознательно выдвигать эту сторону общего воспитания, как особую и важную цель,—именно потому, что „сама собою“ она достигается все меньше и все хуже при возрастающей социальной дифференциации, с неизбежным ее последствием—сужением воспитательной среды. Стоит только представить себе, насколько исключено стихийно-воспитывающее влияние природы из обстановки городских детей, даже господствующих классов, в какой мере страдает их физическое здоровье от одних миазмов и пыли воздуха новейших крупных центров, до какой степени односторонне развивается тело детей и подростков, работающих на фабриках, и т. д. И этим ослабленным во многих частях и функциях, нестройно сформированным организмам могут предстоять неопределенные колебания среды от привычной обстановки мастерской до прихотливейших комбинаций новейшей войны, сухопутной, морской и воздушной! Вопрос о равномерном, на всевозможные случаи, укреплении этих организмов все настойчивее выдвигался самой жизнью перед социальной педагогией и она уже давно разрабатывает методы его решения—гигиенические, спортивные и иные.

Вполне подобное значение имеет и вопрос об „общем образовании“, т.е. воспитании нервно-психической системы для не определяемых заранее возможностей. Человек, положим, родился, жил и вырос в столице, где соприкосновения для пространственной и временной ориентировки сведены к ничтожно-малой величине надписями на улицах, номерами на домах, электрическими часами и проч.; и вот, ему приходится в военных условиях, пробираться с отрядом по незнакомым местам, в лесах и болотах, среди опасностей от людей и стихий; определять направление он вынужден по карманному компасу и карте,—а если и того нет, по солнцу и звездам, и по ним же соображать время; без некоторых знаний в географии, астрономии он был бы обречен на гибель, а с ним и его спутники. Или, напр., из безмятежно-сонной провинциальной жизни человек попадает в ураган социальных стихий революционной эпохи, с ее неожиданно-меняющимися потоками разрушительных активностей; как устоять, куда направить свои усилия, не находящие привычных объектов? Счастье его, если он сможет опереться на достаточное общее знакомство с историей и социальными науками... Это иллюстрации на сравнительно крайних случаях; но в меньшем масштабе подобные вещи происходят на каждом шагу; да и эти крайние случаи хоть раз встречаются в жизни большинства людей, а погибнуть один раз довольно для всякого.

Развитие педагогической задачи не оканчивается на этой двойной ее постановке, подчиненной принципу относительных сопротивлений; но для понимания следующего этапа нам понадобится сделать еще один шаг в изучении тектологических закономерностей. А пока остановимся на том, в какой же мере достигается реальное решение задачи обществом, не осознавшим эту задачу, как организационную, его педагогией, смутно унитывающей тектологический опыт.

Прежде всего, тут обнаруживается постоянное запаздывание воспитательного материала и методов по отношению к меняющимся условиям социального бытия. Так, много времени спустя после крушения авторитарно-консервативных основ экономического быта, мещанская семья, и даже школа продолжает вести детей в духе строгой авторитарной дисциплины, убивающей инициативу и критику. Между тем такое воспитание, вполне подходящее для общества, в котором человеку всю жизнь приходилось идти по предопределенным другими путям, приносит большой вред в мире анархической борьбы всех против всех, с его изменчивыми направлениями и сочетаниями человеческих сил, при необходимости то и дело производить объективную переоценку условий и самостоятельно действовать, не упуская момента. Жизнь требует непрерывного решения новой задачи второго типа, а подготовка дается для решения устаревшей задачи первого типа¹⁾.

Другая иллюстрация—долгое, упорное сохранение древних языков в средней и высшей буржуазной школе. Значение той и другой—подготовка организаторов социальной практики, в разном масштабе. Для известной эпохи классицизм был хотя бы частичным, но важным моментом в решении задачи на организаторскую специализацию, поскольку она лежала в рамках определенности. Латынь была языком международного общения, и вообще коллективного обобщенного опыта, опыта „научного“, как его называют, по преимуществу организаторского. Развитие новых общественных отношений, меновых и торгово-капиталистических, на каждом шагу ставило организаторские классы, как старые, так и выдвигавшиеся им на смену, перед новыми положениями, новыми противоречиями и трудностями. Чтобы успешно преодолевать их, приходилось опираться на весь социальный опыт прошлого,—тут всего больше давала греко-римская древность,—и настоящего,

¹⁾ Преподавание религии, „закона божия“ в школах относится именно к пережиткам авторитарно-консервативной педагогики. Религия учит относиться к жизни, как к установленному высшей властью порядку, где каждый выполняет предопределенное ему назначение, смиренно и покорно, т.е. без инициативы и без критики.

научные приобретения которого публиковались тоже на латинском языке. Поэтому от знания древних языков зависело преодоление огромной массы жизненных сопротивлений в организаторской работе. Но в развитом буржуазном мире эти условия исчезли; и громадная масса труда, которая затрачивалась в колледжах, гимназиях, лицеях, университетах и т. д. на изучение древних языков, перестала служить средством решения реальных жизненных задач: вся эта масса энергии отвлекалась от линии действительных сопротивлений, с которыми людям предстояло сталкиваться¹⁾.

Очень часто также нарушается принцип относительных сопротивлений и в деле учебной постановки новых языков. Дети образованных классов очень часто с раннего детства обучаются, еще в семье, а потом и в школе, двум-трем иностранным языкам. Это отнимает, поистине, огромную долю свободных сил их психики. Много ли таких профессий, в которых столь же большое место занимают соответственные жизненные сопротивления? Очень немного: дипломаты, переводчики, коммерческие и литературные, отчасти моряки, некоторые группы ученых. Но родители и воспитатели обычно и не ставят вопроса таким образом; для них дело идет вовсе не о подготовке к предстоящим реальным сопротивлениям, а просто о традиционной-условной „образованности“.

Подобное же отсутствие организационной точки зрения обычно и в деле физического воспитания. Постановка гимнастики, детских игр и теперь еще редко исходит из вопроса, для каких реальных процессов жизненной борьбы могут служить подготовкою те или иные применяемые приемы; и выбор их в этом смысле бывает зачастую очень нецелесообразный. А „закаливание“ детского организма, этот случай, казалось бы, наиболее сознательного приложения принципа относительных сопротивлений. Иные родители, считающие необходимым закалять детей против холода, одевают их в холодную погоду гораздо легче, чем одеваются сами. Но если, как естественно предположить, дети, выросши, будут одеваться так же тепло, как теперь их родители, то к чему будет им эта повышенная степень закалики? А она чего-нибудь стоит организму, отвлекая значительное количество крови к кожным покровам и ведя к гипертрофии их сосудов. Характерен широко распространенный в Европе обычай или упорная мода — заставлять детей гулять с обнаженными икрами, тогда как у взрослых эти части тела всегда хорошо укрыты.

Каждому ребенку предстоит в эпоху наступления половой зрелости преодолевать жестокие бури психо-физиологической стихийности его собственного организма, имеющие глубокое влияние на всю дальнейшую жизнь. Но до сих пор далеко не часто встречаются воспитатели, которые заранее считались бы с этим, заботились бы о подготовке юного существа к неизбежным потрясениям.

Самую любопытную иллюстрацию игнорирования закона относительных сопротивлений представляют семьи многих интеллигентов-идеалистов: воспитание в духе крайней „гуманности“, чрезвычайной мягкости и заботливости, отстраняющей от детей по возможности всякое страдание, всю грубость и жестокость жизни. Что противопоставят эти тепличные растения суровым ударам подлинной действительности? Это — почти заранее обреченные на гибель. Как видим, уже одна область воспитания дает сколько угодно примеров практической важности изучаемого принципа, того, как он тягостно господствует над людьми, когда они не владеют им сознательно.

¹⁾ В защите пережитков прошлого часто выдвигаются новые обоснования и оправдания; напр., школьный классицизм отстаивали под тем предлогом, что он помогает общему развитию логических способностей, или развитию идеализма в детской душе, и т. п. Нет надобности считаться со всеми этими аргументами: они имели бы значение лишь в том случае, если бы было доказано, что тех же положительных результатов нельзя достигнуть другими педагогическими путями, реально подготовляющими организм к условиям его социальной и природной среды; только тогда можно было бы рассматривать классицизм, как дорого стоящее, но необходимое решение воспитательной задачи в ее неопределенной части (т. е. относящейся к неопределенным изменениям среды).

Для нашей же эпохи, может-быть, больше чем для всякой другой драгоценно и его объяснительное значение. Он один способен разрешить целый ряд мучительных культурных загадок времени, подрывающих как-будто всякую веру в развитие социальности человечества — основной смысл цивилизации.

Многомиллионные стада людей, принадлежащих к самым культурным нациям и к самым передовым их классам, на наших глазах бросались истреблять друг друга с тем же зоологическим ожесточением, как их далекие звероподобные предки. Лондон и Париж, великие центры мировой культуры, устраивали такие же дикие патриотические погромы, как полу-азиатская Москва. Войска самых передовых наций совершали такие же чудовищные жестокости, как курды или казаки, ингуши или марокканцы. Джентльмены-офицеры свободной Англии расстреливали военнопленных русских революционеров сообща с генералами царско-деспотической России. Не только жрецы отживших религий, но и высшая интеллигенция, поэты, артисты, даже люди науки гордо шли во главе всеобщего озверения, и т. д. Не значит ли это, что существует только прогресс техники, и внешних форм жизни, но нет прогресса человеческой природы, — достаточно вихрю истории сорвать с европейца бумажный плащ гуманной цивилизации, чтобы под ним обнаружился извечный троглодит?

В действительности это не так, и объяснение поражающих глаз противоречий дает закон наименее благоприятных условий.

Новейшее капиталистическое общество в высшей степени разнородно по составу, и представляет, по выражению одного немецкого профессора, „градацию самых различных существований“. При этом ступени нисшие по развитию социальности различаются в разных странах гораздо меньше, чем средние и высшие: разности малых величин, естественно, не могут быть велики, — лондонский хулиган из буржуазных классов и темный дикарь из глухих кварталов по способности и склонности к разрушительным действиям приблизительно сходны с соответственными типами русских столиц. Предположим, что в Лондоне из 6 миллионов жителей всего один процент, т. е. 60 тысяч подобных элементов; когда какая-нибудь общественная катастрофа даст им лозунг и возможность объединения на один момент, этого вполне достаточно, чтобы произвести жестокий погром, напр., против всех лондонских немцев. Возможно, что в Москве из 2 миллионов было 90 процентов людей, стоявших на этом уровне, т. е. миллион восемьсот тысяч; при аналогичных условиях они производят такой же погром, при чем величина разрушения не больше, потому что объект его не значительнее, чем там. Огромное неравенство культуры будет замаскировано равенством нисших комплексов культурной системы.

Этого мало. Современный культурный человек, взятый в отдельности, также не есть однородное целое. Его психомоторная система включает также градацию наслоений, от нисших до высших, от звериных инстинктов пещерного предка до чистого социального идеализма в разных его формах, свойственных разным классам. И опять-таки, когда внешнее воздействие достаточной силы, направленное на нисшие комплексы психомоторной системы, преодолает их инерцию и выведет их из равновесия, два человека могут проявить себя одинаковым стихийным разрушением, хотя в психике одного низшая группа реакций образует, может быть, одну десятую, а в психике другого — девять десятых.

Такое „равнение по нисшему“ особенно ярко выступает в стадных действиях и эмоциях толпы. Толпа есть собрание индивидуумов, связанных, на основе физической близости, непосредственным подражанием. А его действие концентрируется на тех группах психических реакций, которые являются наиболее одинаковыми для всех; но таковы именно нисшие группы; высшие, с их сложной дифференциацией, расходятся гораздо больше. Поэтому в толпе человек, сохранивший только небольшие остатки зоологического наследия

в своей психике, может совершать такие же зверства, как другой, в котором это наследие преобладает над социальностью; и человек мужественный, при нормальном возбуждении высших комплексов своей психики безбоязненно смотрящий в глаза смерти, может поддаться паническому страху на ряду со слабыми трусами, и т. д.

Закон наименее благоприятных условий сурово властвует над человечеством, пока оно не овладеет им. Здесь для тектологии возникает вопрос — как овладеть им в культурной сфере, чтобы не получалось такого равнения по нисшему, которое подчиняет цивилизацию пережиткам дикости, хотя бы они были количественно гораздо слабее накопленных ею активностей. Это вопрос об организационном переходе от нисших величин к средним; его принципиальное решение требует еще одного шага в тектологическом исследовании, — формулы наименьших тут недостаточно¹⁾.

IV. Структура слитная и четочная.

Структурную устойчивость любой системы можно рассматривать еще с одной точки зрения. Ее среда воздействует на нее, как и она на свою среду, непосредственно лишь там, где обе они *соприкасаются*, в „пограничной области“, понимая это слово тектологически, а не только пространственно. Величина пограничной области, т. е. количество соприкосновений, может возрастать или уменьшаться. Напр., когда черепаха втягивает голову и лапы, или человек „сжимается“, количество это становится меньше; когда политическая организация рассылает агентов и агитаторов в такие пункты или социальные круги, где раньше не работала, оно увеличивается; также и в том случае если научная теория распространяется на новые группы фактов, и т. п. Два комплекса, две системы, подобные и равные в прочих отношениях, могут различаться именно в этом. Возникает вопрос, как такие изменения или различия отражаются на структурной устойчивости.

Вот простейший случай. Из двух равных количеств одинакового металла сделаны два стержня, равной длины, положим, в метр, — но один и равной толщины на всем протяжении, а другой — „четочной формы“, с попеременными сужениями и расширениями. Свойства того и другого окажутся в целом ряде случаев различны. Сопротивление излому меньше у четковидного; если среда такова, что окисляет их, то и проржавеет он скорее. В среде холодной он будет быстрее терять теплоту; зато в теплой быстрее будет и приобретать ее. Его статическая электроемкость больше, сопротивление току значительнее, и т. д. Все — это следствия увеличенной поверхности, большей суммы соприкосновений со средою.

Очевидно, что идет ли дело о физической поверхности, как в данном случае, или об иных соприкосновениях со средою, все равно, чем их больше, тем меньше концентрация активностей-сопротивлений, приходящаяся в среднем на единицу такой „пограничной области“; и притом в четочных формах эта концентрация еще неравномерна, представляет от пункта к пункту больше колебаний. Следовательно, по закону относительных сопротивлений, разрушение связи этих форм, их дезорганизация, совершается легче.

В более общей форме можно выразить это так: отрицательный подбор интенсивнее проявляется для форм „четочных“. Напр., охлаждение стержня есть отрицательный подбор его тепловых активностей; оно и происходит быстрее для четковидного стержня, чем для ровного.

Строение более „ровное“, менее разветвляющееся, вообще, противоположное „четочному“, мы обозначим термином „слитность“.

Итак, для комплексов более слитных отрицательный подбор менее интенсивен. А положительный? Но очевидно, что и он тоже. Там, где происходит нагревание, т. е. тепловая энергия больше ассимилируется, чем дезассимилируется, четковидный стержень в равное время приобретает больше

¹⁾ См. „Тектология“, ч. II, стр. 72—86, и следующий наш очерк.

тепловой энергии. Через большее количество соприкосновений со средою ассимиляция из нее соотносительно больше.

Отсюда общее решение вопроса о том, какая структура благоприятнее для сохранения и развития комплексов: *под отрицательным подбором благоприятнее слитная, под положительным — четочная.*

Это знает и черепаха, которая втягивается при всяких отрицательных с ее точки зрения условиях, и человек, который сживается от холода. Но научная, тектологическая формулировка дает возможность простого и легкого решения многих организационных задач, представляющихся сложными и трудными в обычной постановке. Примером может служить вопрос о преимуществах „централистического“ или „федеративного“ типа организации при различных условиях.

Из этих двух типов централистический, как его обыкновенно понимают, т. е. характеризующийся наличием центра, к которому тяготеют и с которым тесно связаны, подчиняясь ему, все прочие части системы, является более слитным; федеративный с более слабой связью частей, относительно автономных, представляет случай четочных форм. Напр., царская Россия, бюрократически-республиканская Франция были централистичны; до-военная Англия, Соед. Штаты, Швейцария были, по сравнению с ними, федеративны; в партии усиление власти руководящего центра выражает тенденцию к слитности, усиление автономии местных и специальных организаций — к четочности; религиозная секта с определенной и строгой, всеми разделяемой догмой более слитна, чем научная или философская школа, включающая разные оттенки или течения, и т. под. Этих характеристик и нашей общей формулы достаточно, чтобы убедиться, что „федеративная“ структура выгоднее при благоприятных жизненных условиях, под действием положительного подбора, „централистическая“ — при неблагоприятных, когда подбор отрицательный. В первом случае автономия частей позволяет им лучше развернуться, свободнее развиваться, полнее использовать приток энергии, доставляемой средою, социальной и природною; во втором их — связи, более прочные и тесные, дальше удерживаются против разрушительных влияний. Это можно иллюстрировать на бесчисленных примерах.

Государственный строй Швейцарии, Соединенных Штатов, Англии с ее широким местным самоуправлением внутри и с ее колоннально-федеративными связями, был возможен только благодаря исключительно-благоприятным жизненным условиям, в какие их поставила историческая судьба. Наоборот, государства, развившиеся в долгих, жестоких войнах, окруженные врагами, могли держаться только на централистических основах; таковы были восточные деспотии, Россия, Франция. Для политических партий обнаруживаются такие же соотношения: тяжелые внешние условия легче переносятся при более слитном строении, напр., разделение на фракции тогда особенно вредно, о чем свидетельствует и опыт российских партий за времена реакции. При особенном ухудшении обстановки, связи центральных и местных организаций, выражающие „четочную“ сторону партийного строения, неизбежно рвались, и партия превращалась в ряд практически-разрозненных групп. Если единство удерживалось, то лишь как единство программы или догмы, которое тогда было тем строже; это — тоже слитный тип, но другого рода, именно идейно-слитный.

Иллюстрацию из психологии дают те состояния, которые Аристотель называл „макроспихией“ и „микроспихией“, расширением и сужением души. Приятные, радостные ощущения, соответствующие повышенному притоку энергии в нервно-психическую систему, располарают к развращиванию во все стороны общения со средою — к усилению деятельности внешних чувств, увеличению подвижности, повышению „симпатических“ тенденций, и т. под. Напротив, тягостные болезненные ощущения, выражающие отрицательный подбор, вызывают как бы свертывание души, ослабление внимания к окружающему, ослабление всей воспринимающей деятельности, пониженное обще-

ние с другими людьми, стремление к покою, и пр. Так организм, приспособляясь, переходит от более четочных соотношений к более слитным и обратно, — психика человека по тому же закону, как тело черепахи.

Термины „четочная“ и „слитная“ форма — приняты нами только условно, потому что не нашлось лучших. Их недостатки не ограничиваются тем, что они внушают представление о физическом строении, тогда как дело идет о каких угодно организационных сочетаниях. Но и для физических комплексов „четочность“ и „слитность“ вовсе не обязательно соответствуют тем конкретным образам, которые этими словами невольно вызываются. Дело идет, надо помнить, об относительном количестве соприкосновений со средою, и только об этом. Если сравнивать два цилиндрических стержня одинакового объема и одинаково ровных на всем протяжении, без всяких расширений и сужений, то между ними может все-таки быть та же разница. Один короче и толще, другой длиннее и тоньше: тогда у первого поверхность меньше, у второго больше, и второй обнаружит, сравнительно с первым, все „четочные“ свойства: легче ломается, быстрее нагревается и охлаждается, скорее ржавеет, и пр. Но если укорачивать и утолщать первый цилиндр до того, что он примет вид диска, то у него тоже выступят „четочные“ свойства. Наиболее высокую слитность представляет однородный по внутреннему строению шар.

Значит, четочность характеризуется вообще *неравномерными связями в разных частях комплекса или в разных направлениях*; чем выше их равномерность, тем больше „слитность“.

Интересно и важно, что эти понятия вполне применимы не только в пространственных, но и во временных структурных отношениях.

Так, многие комплексы активностей изменяются во времени волнообразно, как бы расширяясь и сжимаясь. Все колебательные процессы — психические и вообще органические, молекулярные, эфирные — можно представить в виде потоков, то расширяющихся, то суживающихся на своем пути; изображая это графически, получим, очевидно, четочные формы. И все выводы об этих формах тут остаются в силе. Напр., если сравнивать волны одинаковой природы, положим, эфирные световые, то из них четочный характер резче выражен, очевидно, в более коротких. Раз возникши в мировой среде все волны, так или иначе, поглощаются разными ее комплексами — веществом, рассеянными в ней, а может быть, и самим эфиром, — следовательно, находятся под отрицательным подбором. А отсюда следует, что для их устойчивости более благоприятны формы менее четочные, т. е. такие, в которых длина волны больше. И действительно, чем короче вибрации, тем легче они поглощаются мельчайшими непрозрачными частицами; более длинные не поглощаются, как бы огибая эти частицы, по законам так наз. дифракции. Поскольку происходит частичное поглощение энергии лучей от неполной прозрачности среды, постольку лучи фиолетовые, из всех видимых отличающиеся наиболее короткой длиной волны, должны ослабляться по сравнению с другими, особенно же красными. Так это и принимается физической теорией; спектральный анализ, повидимому, это подтверждает: в спектре наиболее отдаленных звезд фиолетовые лучи относительно ослаблены, как показывает его сопоставление со спектром более близких звезд того же типа¹⁾.

По типу вибраций идет и жизнь нашего организма: днем он развивает больше активностей, чем ночью, летом больше, чем зимою, — ряд расширений и сужений. В жизни человечества в целом преобладает, вообще, положительный подбор: оно растет, силы его увеличиваются. При таких условиях четочность во времени должна быть выгодна для него; и действительно, ценой ночного понижения работы организма достигается дневное увеличение интенсивности ее; чем значительнее размах этого колебания, чем выше,

¹⁾ Прежние данные об этом за последнее время некоторыми оспариваются, но тут дело может идти только о величине коэффициентов поглощения, а не о самом его характере.

следовательно, дневная интенсивность работы, тем легче люди преодолевают сопротивления природы. Но если организм окажется в условиях отрицательного подбора, напр., хронического недоедания, то соотношение будет иное: чем больше размах суточного колебания, т. е. чем интенсивнее дневная жизнь организма, тем меньше он сможет выдержать; и русский крестьянин, у которого этот размах меньше, выдержит при прочих равных условиях дольше, чем английский рабочий.

Здесь, как и во многих других случаях, организационные свойства времени не отличаются от тех, которые обнаруживает пространство.

Надо заметить, что вопрос о значении четкой и слитной структуры мы рассматривали применительно к неопределенной среде, к условиям положительного и отрицательного подбора вообще, принимая разнообразные и изменчивые влияния, не сосредоточенные специально на тех или иных частях комплекса. Там же, где имеется такая устойчивая концентрация внешних активностей или сопротивлений, получается, конечно, задача на определенно-изменяющиеся условия, и вопрос уже не сводится просто к большему или меньшему количеству соприкосновений. Если, напр., отрицательный подбор наиболее сильно проявляется для одной части системы, тогда для сохранения целого выгодно, чтобы эта часть была значительно более развита; т. е. и при отрицательном подборе благоприятнее оказывается определенная *неравномерность* связей. Так, во всех машинах части, подвергающиеся усиленному трению, давлению, кручению, растягиванию, делаются или массивнее, или из более прочного, т. е. тектологически, более связанного материала; а это, конечно, придает всему комплексу более четкий характер; равномерность же была бы невыгодна. Но это только означает, что *определенные* и *частные* соотношения всегда ограничивают, видоизменяют применение схем общих, выражающих неопределенные соотношения.

V. Системы равновесия.

Выражением структурной устойчивости является „закон равновесия“, сформулированный Ле-Шателье для физических и химических систем, но в действительности тектологический, т. е. универсальный.

Системой равновесия можно назвать такую, которая сохраняет свое данное строение в данной среде. Обычная иллюстрация — весы в их спокойном состоянии. Если на одну чашку их произведено давление, напр., положена гирька, то эта чашка начинает опускаться, а другая подниматься, и коромысло из горизонтального становится наклонным: структурное изменение. Но по мере того как оно происходит, в самой системе возникает противодействие ему: чашка с гирькой падает с замедлением, и только до известного предела, за которым начинается даже обратное движение, и после ряда колебаний устанавливается новое, измененное равновесие, определяемое простыми механическими условиями.

Иллюстрация более сложная: вода и лед в одном сосуде при 0°C , т. е. при температуре замерзания и таяния. Если нагревать сосуд, то часть льда поглощает притекающую тепловую энергию, переходя в воду, и этим противодействует нагреванию: температура смеси поддерживается прежняя, пока не растает весь лед. А если, вместо нагревания, ту же смесь подвергнуть повышенному давлению, то часть льда, переходя опять-таки в воду, объем которой меньше, тем самым противодействует повышению давления внутри смеси. Смесь жидкой и твердой ртути в случае нагревания реагирует также таянием, противодействующим изменению температуры; но на повышенное давление реакция противоположная — часть ртути замерзает. Почему? Потому что ртуть, как и огромное большинство тел, в твердом виде занимает объем меньший, чем в жидком, и следовательно, росту давления в смеси противодействует не таяние, а замерзание ртути; оно и происходит; вода, по исключению, представляет противоположные отношения объема, поэтому то же противо-

действие достигается обратным путем¹⁾. Если в электрическом проводнике циркулирует постоянный ток, то всякое изменение этого тока вызывает так назыв. самоиндукцию, которая направлена противоположно этому изменению, уменьшает его, и т. под.

Закон Ле-Шателье формулируется так: *если система равновесия подвергается воздействию, изменяющему какое-либо из условий равновесия, то в ней возникают процессы, направленные так, чтобы противодействовать этому изменению.*

Уже давно из опыта известно, что закон этот действительно не только для физических и химических систем, но и для многих других. Так, живые организмы в обычных условиях относятся к внешним воздействиям подобным же образом. Если человеческое тело подвергать охлаждению, в нем немедленно начинают усиливаться окислительные и другие химические процессы, развивающие теплоту; если же нагревать его, то повышается потоотделение с испарением, поглощающим теплоту. Таков же смысл „сезивания“ от холода, при чем уменьшается поверхность охлаждения; и когда черепаха прячется, при всяких неблагоприятных влияниях, в свой щиток, это, опять-таки, уменьшение поверхности внешнего воздействия. — Согласно закону Вебера—Фехнера, по мере роста внешнего раздражения ощущение растет не в такой же мере, а только пропорционально его логарифму, т. е. сравнительно все медленнее²⁾; это означает, что вместе с силой внешнего раздражения возрастает, все быстрее, сопротивление ему, так что до нервных центров энергия наиболее сильных раздражений доходит в наименьшей доле; иначе эти центры, с их тонкой чувствительностью, зависящей от нежного строения, быстро разрушались бы. Так, наше зрение еще воспринимает свет звезды 6 величины; но световое раздражение от солнечного диска приблизительно в четыре миллиона миллионов раз значительнее; какой мозг был бы способен выдерживать непосредственно такие различия силы воздействий?

Можно путем простого анализа показать, что закон равновесия применим ко всякой системе, сохраняющей свое данное строение в данной среде. Начнем со сравнительно простого и весьма типичного примера, системы — „вода и лед при 0° С“. Пусть она подвергается нагреванию. Согласно современной научной символике, это значит, что колебания молекул в окружающей среде становятся более энергичными, и их удары, передающиеся молекулам воды и льда — более сильными. Эта энергия движения частиц, выражающаяся в их „температуре“, есть активность одного порядка с их сцеплением, способна с ним конъюгировать, парализуя его. Так здесь и происходит.

Нагревшиеся молекулы воды своими усилившимися ударами передают избыток своей энергии движения пограничным молекулам льда. Избыток этот парализуется активностями сцепления льда, пока не уравнивается с ними; а тогда получается полная дезингрессия, которая, как мы знаем, вызывает разрыв связи: поверхностная частица льда отрывается, переходит в массу жидкой воды. Вся избыточная тепловая энергия, приобретенная частицею до того момента, ушла на борьбу с активностями сцепления, на то, чтобы парализовать их; поэтому кинетическая энергия самой частицы оказывается не больше, чем была, и попрежнему измеряется температурой 0°. То же происходит и со следующими частицами льда. Таким образом, при нагревании общей массы воды, в пограничной со льдом области поддерживается прежний уровень 0°, противодействуя этому нагреванию, пока не исчезнет весь лед.

1) Исключительные свойства воды объясняются тем, что жидкая вода не есть простое химическое соединение, а *раствор льда* в пропорциях, изменяющихся с температурой и давлением, подчиненный, следовательно, закону растворов.

2) Иначе: если первое увеличивается в геометрической прогрессии, напр., 1:2:4:8:16:32 и т. д., то второе — в арифметической, т. е. напр., соответственно 1:2:3:4:5:6... Соотношение лишь приблизительное.

Если дело идет не о нагревании, а о повышающемся давлении, то это означает, что кинетическая энергия частиц окружающей среды в среднем для каждой частицы не увеличивается, но увеличивается число их ударов, действующих на пограничную область данной системы. И здесь, от частиц к частицам прибавляющиеся активности давления передаются внутрь ее. Они увеличивают частоту столкновений между частицами, стремясь тем самым уменьшить размах их движений. И опять-таки, эти вливающиеся активности способны конъюгироваться и вступать в дезингрессию со сцеплением молекул льда; при дезингрессии они, как и в том случае, их отрывают и присоединяют к жидкости, а так как объем воды меньше, чем объем льда, то давление тем самым уменьшается.

Но, как уже упоминалось, вода—исключение. Если взять другую подобную систему, напр., „твердая ртуть—жидкая ртуть“, то наблюдается прямо противоположное. Добавочные активности давления вступают в дезингрессию не со сцеплением частиц твердого тела системы, а с активностями, противодействующими сцеплению в жидкости. Давление уменьшает амплитуду (размах) движения частиц жидкости, так что эта амплитуда становится меньше расстояния между частицами, и они колеблются уже не заходя друг за друга, не перемешиваясь свободно, а удерживаясь около одного среднего положения: так именно движутся частицы твердого тела. Происходит замерзание некоторой доли жидкости; при этом объем ее, однако, уменьшается, что, как в предыдущем случае таяние льда, уменьшает давление.

Почему же активности одного рода—сила давления—парализуют, путем дезингрессии, в двух разных случаях не одинаковые, а прямо противоположные активности, как бы *выбирая* те, которые надо по закону Ле-Шателье?— Дело именно в выборе и есть, только не в сознательном, разумеется, а в *стихийном подборе*.

Молекулярные движения научная теория представляет в виде бесчисленных и разнообразно направленных „бесконечно-малых“ активностей. Если в систему вступают извне новые такие активности, то, очевидно, следует принять *всевозможные* их сочетания с прежними, *всевозможные* элементарные их столкновения, их конъюгации, дезингрессии. Но из этих сочетаний одни будут устойчивы, другие неустойчивы; первые будут удерживаться, вторые—устраняться подбором.

Так, в системе „вода—лед“ активности внешнего давления должны вступать в дезингрессию частью с движением молекул жидкости, переводя их в твердое состояние, частью со сцеплением молекул льда, расплавляя его. Но так как лед занимает больше объема, чем вода, из которой он получился, то в случаях первого рода от этого давление будет возрастать, в случаях же второго рода оно будет уменьшаться. Спрашивается, какие из этих изменений окажутся устойчивее?

Ответ зависит от строения системы, в которой эти процессы происходят; пока оно неизвестно, не исключена ни та, ни другая возможность. Но надо вспомнить, что такие же точно процессы шли в системе и раньше, до вступления новых активностей: отдельные частицы воды переходили в лед, увеличивая внутреннее давление, отдельные частицы льда—в воду, уменьшая давление. Если бы те или другие из этих изменений были более устойчивыми, то вся система отнюдь не являлась бы системой равновесия, ее структура непрерывно преобразовывалась бы, в первом случае в одну сторону, во втором—в другую. Этого не было: те изменения, которые переходили известную границу, немедленно оказывались менее устойчивыми и устранялись подбором. Структура систем равновесия, для современного научного мышления, тем и характеризуется, что они заключают в себе противоположные процессы, взаимно нейтрализующиеся на некотором уровне. Дело представляют таким образом, что на этом уровне напряжения противоположно направленных активностей равны; когда же один из двух процессов, усиливаясь, поднимается над этим уровнем, то напряжение соответственных активностей ста-

новится более значительным, и поток их направляется в обратную сторону, как вода, поднявшись выше своего среднего уровня, падает вниз. Так поддерживается равновесие, а с ним устойчивость системы, в обычных условиях.

Теперь можно судить заранее о том, что получится, когда вступающие извне активности давления в различных конъюгациях и дезингрессиях обусловливают превращение некоторых частиц воды в лед, некоторых частиц льда в воду. Изменения первого рода, еще увеличивая давление, создают новую разность напряжений, которая направляет поток активностей в обратную сторону; следовательно, эти изменения неустойчивы, подбором устраняются. Изменения второго рода, уменьшая давление, которое уже повышено над средним уровнем, уменьшают и разность напряжений, и обратного потока активностей не вызывают; а потому они устойчивее первых, подбор для них благоприятнее. Результат именно тот, какой соответствует закону Ле-Шателье: обнаруживается процесс, уменьшающий эффект внешнего воздействия, как бы противодействующий ему.

В примере с твердой и жидкой ртутью, напротив, переход твердых частиц в жидкое повышает давление, переход жидких в твердые—понижает. Поэтому при внешнем давлении процессы первого рода, как увеличивающие разность напряжений, будут менее устойчивы, процессы же второго рода, как ее уменьшающие—более устойчивы. Общий результат подбора—обратный предыдущему, опять в согласии с законом Ле-Шателье. И то же, очевидно, должно иметь место для всякой системы равновесия, какие бы активности ее не составляли, какие бы противоположные процессы в ней ни нейтрализовали друг друга. Напр., в нашем организме постоянно происходят процессы освобождающие и поглощающие теплоту, в приблизительном равновесии по отношению к данной среде; если она изменяется в сторону нагревания—усиливаются процессы, поглощающие теплоту, если в сторону охлаждения, то противоположные—теплообразующие.

Но все это относится именно к *системам равновесия*. С неуравновешенными системами дело обстоит совершенно иначе. В них если и идут изменения одновременно в двух противоположных направлениях, то одна из двух групп их устойчивее, а потому целое преобразовывается шаг за шагом в ее сторону. Какие же результаты получаются при внешнем воздействии на такого рода комплексы?

Иллюстрацией может послужить смесь водорода и кислорода, называемая также гремучим газом. При обыкновенной температуре она кажется вполне уравновешенной системой, никакими внешними методами нельзя непосредственно обнаружить в ней происходящего химического изменения. На деле оно, однако, происходит: смесь превращается в водяной пар, т.е. процессы соединения водорода с кислородом преобладают над обратными. Но реакция здесь идет так медленно, что нужны, по приблизительному расчету, основанному на наблюдении хода ее при высоких температурах и формуле изменении скорости реакций Вант-Гоффа, сотни миллиардов лет, чтобы она завершилась. Это—система *ложного равновесия*, как ее обозначают; она не уравновешена химически, а также в смысле температуры, потому что при реакции выделяется теплота, и смесь должна, хотя неуловимо, само нагреваться.

Пусть к ней прилагается внешнее воздействие—нагревание. Внутренние изменения комплекса в эту сторону уже были устойчивее противоположных, то же относится и ко вновь присоединяющимся. Не только не возникает противодействия им, но ход соединения водорода с кислородом ускоряется, обуславливая еще прибавочное нагревание смеси,—как раз обратное тому, что бывает с системами равновесия. При температуре, близких к обычным, это, опять-таки, ничтожная, неуловимая величина; но чем выше температуры, тем более она возрастает; на уровне около 600° С. она становится так велика, что ускоряет процесс до степени взрыва, в свою очередь дающего нагревание

в несколько тысяч градусов¹⁾. Этот взрыв, однако, не есть нечто новое тектологически,—он продолжение того процесса, который шел раньше; изменен только его темп.

Таково „ложное равновесие“. Под этими словами подразумевается, следовательно, два факта: во-1), равновесие непрерывно нарушается в определенную сторону, комплекс находится в процессе преобразования; во-2), мы непосредственно не замечаем этого благодаря несовершенству наших органов восприятия и методов наблюдения. Когда же мы говорим об „истинном равновесии“, то и это отнюдь не означает точного, полного равновесия, но только—тенденцию к нему в двухсторонних колебаниях. Если кристалл соли находится в ее насыщенном растворе, то это—„истинное равновесие“, совершенно так же, как вода и лед при 0°. Между растворением частиц кристалла и осаждением других из раствора, между таянием льда и замерзанием воды нет точного равенства во всякий данный момент; но если сейчас перевеши- вает первый процесс, и отклонение от уровня получается в одну сторону, то в следующий момент преобладание перейдет ко второму, и колебание направится в другую сторону, и т. д.

Различие между системами равновесия в этом смысле и неуравновешенными, а особенно системами „ложного равновесия“, имеет огромное значение не только в познании, но и в практике жизни. Чрезвычайно важно *распознавать* тот и другой тип, чтобы правильно предвидеть возможности, существующие для той или иной системы. И особенно это важно там, где закон равновесия до сих пор точно не формулировался и планомерно не применялся, в области сложнейших явлений жизненных, психических и социальных. Иллюстрируем это на примерах.

Если травоядной греческой черепахе нанести легкий удар, она немедленно прячет в коробку свою голову, лапы и хвост. Этим уменьшается доступная враждебным силам поверхность, а следовательно, и их непосредственное действие, что вполне соответствует закону Ле-Шателье. Значит, по характеру своих психо-двигательных реакций организм черепахи соответствует системам равновесия, тяготеет к устойчивости, консервативен. От черепахи нельзя, поэтому, ожидать, напр., прогрессивного развития деятельности, активного завоевания окружающей среды, к чему способны организмы иного типа.

Предположим, что черепаха вела бы себя иначе,—на внешнее насилие отвечала бы ударами лап и челюстей. По обычному словопотреблению, это и есть настоящее „противодействие“; но было бы величайшей ошибкой видеть в этом соответствие закону равновесия: это нечто прямо противоположное, и тут надо с самого начала устранить словесную путаницу. Своими „противодействующими“ встречными движениями черепаха *непосредственно* не уменьшала бы, а увеличивала бы ту разность механических напряжений, от которой зависит прямой результат внешнего воздействия; только по дальнейшим последствиям, уничтожению или бегству врага, это могло бы повести к реальному уменьшению вредной активности; но могло бы также—когда враг сильнее—повести и к обратному эффекту. На этом основана известная грубая западня на медведя,—бревно, привешенное так, чтобы оно мешало ему добраться до улья, и могло качаться, как маятник. Медведь отталкивает его один раз за другим, и получает удары все большей силы, т.-е. возрастание механической разности сохраняется и накапливается. В законе Ле-Шателье дело идет о внутренних процессах системы, о внутренних перегруппировках ее активностей, *непосредственно* уменьшающих результат внешнего воздействия. Акты борьбы против причины или носителя этого воздействия отнюдь не таковы; и потому они указывают на то, что дело идет не о системе равновесия.

¹⁾ Как раз при этих температурах водород, кислород и водяной пар образуют уже настоящую систему равновесия, в которой реакции соединения нейтрализуются параллельно идущими реакциями разложения. При 3000° С. таково сочетание из 88% гремучего газа и 12% водяного пара.

Как упоминалось, человеческий организм на усиленное нагревание извне отвечает усиленным испарением воды, при котором теплота поглощается; это вполне согласно с принципом Ле-Шателье и показывает, что в прямых термических отношениях со своей средою организм является системой равновесия. Но часто одновременно с такой реакцией выступают иные, нервно-мускульные: человек начинает обмахиваться веером, открывать окна и т. п. Эти движения сопровождаются переходом химической и механической энергии в тепловую, а следовательно, сами по себе, т. е. взятые независимо от дальнейших результатов, ведут к еще большему нагреванию тканей тела. Отсюда ясно, что по отношению к двигательным нервно-мускульным активностям организм есть комплекс не уравновешенный. И надо помнить, что вообще одна и та же система всегда может со стороны одних входящих в ее состав активностей быть системой равновесия, со стороны других—явно или скрыто неуравновешенной. Так, тот же гремучий газ, химически представляющий при низких температурах ложное равновесие, в смысле механическом может рассматриваться, как находящийся в истинном равновесии: на повышенное давление он реагирует увеличением плотности, и обратно.

Рассмотрим такой случай: человека преследуют неблагоприятные воздействия среды—обиды, угнетение, потери, разные удары судьбы. Как он будет реагировать на все это? Здесь наблюдается два основных типа.

В одних натурах обнаруживаются тенденции к самоограничению: терпение, покорность, смирение; часто еще сокращение потребностей—„аскетизм“, и даже сношение с другими людьми—„отшельничество“. Каков смысл этих реакций? Внешняя среда своими враждебными силами уменьшает жизненные активности психической системы; а она суживает свои активные проявления, область своих соприкосновений с внешней средою; этим непосредственно уменьшается сумма неблагоприятных воздействий среды, как в нашем примере с черепахой. Очевидно, здесь выступает принцип Ле-Шателье; это тип систем равновесия.

Другие натуры становятся в боевое отношение к среде, энергично борются против ее враждебных сил, расширяя свои активные проявления, увеличивая их напряженность. Потери энергии, вызванные отрицательными воздействиями извне, еще увеличиваются новыми ее затратами на борьбу,—а сумма соприкосновений с внешней средою, глубина проникновения в нее, вообще то, что можно назвать „уязвимой поверхностью“, еще возрастает. Это как раз противоположно принципу Ле-Шателье, и указывает на комплекс неуравновешенного типа.

Ясно, что натуры первого рода неспособны к практическому прогрессу, развитию своей силы, к победе над средою; натуры второго рода способны или к развитию, к прогрессивным победам над внешними силами, или к деградации через поражения; часто и то и другое смешивается в разных соотношениях,—напр., нередкое среди артистов творческое развитие, соединенное с разрушительным прожиганием жизни; еще чаще одно сменяется другим, неуравновешенность подъема неуравновешенностью регресса, когда, напр., среда меняется в резко неблагоприятную сторону; но возможна и обратная смена. А натуры, тяготеющие к равновесию, будучи неспособны развивать свое сопротивление среде, по мере его истощения, естественно переходят к деградации.

В русском языке есть особое слово для обозначения этого типа, именно—„обыватель“. Народное сознание, в своем стихийном коллективизме вырабатывающее язык, часто выражает в нем глубокий опыт, ускользающий от сознания индивидуального, даже весьма развитого. В понятии „обыватель“ заключается образ бытия *колеблющегося* („бывать“—многократный вид от „быть“), и притом *около* некоторого уровня (значение предлога „о“). Обывательский характер—это как раз отсутствие боевых реакций на воздействия среды, терпение, покорность и пр.,—внутреннее смягчение ударов извне.

Но, опять-таки, надо помнить, что все тектологические определения относительны. Человек, тяготеющий к равновесию в одних областях своей жизни, может являться положительно или отрицательно неуравновешенным в других: „гражданин“, даже „революционер“ в политической жизни, „обыватель“ в семейных отношениях, или, напр., обыватель во всех соприкосновениях с обществом, самодур внутри своего хозяйства и т. под.

Преобладание тех или иных психических типов зависит от социальных условий—от строения общества, от направления и темпа его развития, в целом и в отдельных группах или классах. Таким образом, и в социальных идеологиях отражаются тенденции, соответствующие этим типам. И так как завершением каждой идеологии, высшей ее характеристикой служит *жизненный идеал*, то в нем особенно ярко выступает тенденция того или другого типа. Тяготение коллектива к равновесию воплощается в идеалах пассивности и безразличия; самый чистый и законченный из них, это — „нирвана“ буддистов, абсолютное равновесие души, ее полное успокоение в ничем не возмущаемом созерцании вечности. Сюда же относятся идеалы—мечты; таков христианский с его представлением о справедливости на том свете, о награде страдающим, смиренным и покорным, о наказании злым и гордым, при чем и награда и наказание осуществляются не усилиями самих людей, а божеством, высшей мировой активностью, восстанавливающей нарушенное в земной жизни равновесие. Подобные приятные мечты—одна из психических реакций на враждебные воздействия среды, реакция „самоутешения“, вполне соответствующая принципу Ле-Шателье: внутреннее противодействие психики той боли, которая причиняется разрушительными силами извне.

Другая группа—идеалы социально-практические; активно-организационные. Таков в наивысшей степени идеал трудового коллективизма.

Первые—свойственны обществам, группам, классам, жизненно-застывающим в сложившихся формах или уже теряющим свою позицию, неспособным успешно ее отстаивать; вторые—коллективам растущим, побеждающим стихийные и социальные сопротивления.

Системы равновесия, путем структурных изменений, часто не заметных для прямого наблюдения, могут переходить в неуравновешенные, и обратно. Эти переходы практически очень важны; их чаще всего возможно уловить по изменению реакций системы. Во взаимоотношениях людей и организаций правильные оценки тенденций того и другого рода, особенно в их смене, могут спасти от величайших и непоправимых ошибок. Такие оценки на каждом шагу и делаются людьми, на основе „житейской мудрости“, т. е. обыденной, обывательской тектологии. Из нескольких наблюдений того, как человек реагирует на те или иные толчки извне, выводят заключение об его общем складе, застойном, тяготеющем к равновесию, или же напротив, инициативном, порывистом, боевом, — и с этим соотносятся в дальнейших отношениях к нему. ¹⁾ Подмечала народная тектология и типы ложного равновесия, о чем свидетельствуют пословицы в роде — „в тихом омуте черти водятся“. Научной же обработке этот смутный, неточный и неустойчивый опыт не подвергался, и каждый должен был за свой счет его усваивать и оформливать.

Еще важнее распознавание обоих типов в отношениях между организациями — государственными, партийными, экономическими, культурными, военными, в создании сотрудничества между ними и в расчетах на победу в случае борьбы. Здесь недостаток „практической мудрости“ организаций или их руководителей может иметь роковое значение для них.

Вот, положим, армия, которая на неприятельское наступление отвечает сокращением фронта и переходом на более защищенные позиции, а не наступательными контр-маневрами: она имеет вид системы, тяготеющей к рав-

¹⁾ Так, во времена подполья организаторы-вербовщики революционных партий делили весь человеческий материал на „активных“ и „не активных“, при чем последние конечно, сразу выбрасывались из расчетов.

новесию. Но это может и не быть ее действительной тенденцией, а только маскировкой; тогда ее подлинное состояние может быть уловлено на мелких проявлениях ее „духа“, по характеру частичных взрывов ее „активности“. Но если она на самом деле неспособна к инициативе и прогрессивному разрыванию боевого действия, то, выиграв время для перегруппировки, накопления и концентрации сил, она все-таки может вновь превратиться в систему противоположного типа, а противник, потерявший это время, проиграть все там, где имелись условия для полного выигрыша.

Другой пример. „В отсталой стране сильное прогрессивное движение, складываются и растут демократические организации. Затем надвигается реакция—ряд стеснений, репрессий, ударов, вообще—внешних инсультов (враждебных толчков) для этих организаций. Как они отвечают на инсульты? Допустим, расширением и обострением своей деятельности, углублением лозунгов, переходом к более радикальным формам борьбы. Это характеризует данные организации, как системы второго типа, т.е. указывает, что возможность их развертывания и победы не исключена.

„Но в идущей борьбе истощаются накопленные силы. И вот наступает время, когда жизненный характер этих организаций как будто меняется. На растущее давление они начинают реагировать уже ограничением своей работы, отказом от более острых форм борьбы, сужением лозунгов. Эти процессы суть внутренние изменения, ослабляющие частично эффект внешних воздействий, т.е. соответствуют типу Ле-Шателье, выражают тенденцию к равновесию. Тогда вопрос решен, дальнейшее торжество враждебных им сил обеспечено: исчезает самая возможность успешной борьбы, впредь до новых структурных изменений социальной среды в ее целом“¹⁾.

Пусть в этом случае какой-нибудь чуткий, опытный политик уловил сущность положения, по аналогиям с тем, что он знает лично из жизни или истории. Но ни этого знания в целом, ни жизненной чуткости он не в состоянии передать другим, и потому его выводы не убедительны для других. И, может быть, как раз наиболее живые элементы продолжают затрату сил в ошибочном направлении, против совершающегося поворота колеса истории. Только научная организация опыта допускает настоящее *доказательство* подобных выводов.

При всей своей широте и важности, принцип равновесия не является особым, самостоятельным тектологическим законом. Он есть частное применение, в определенных условиях, уже выясненного нами принципа—„аналитической суммы“.

В комплексах равновесия всегда имеются антагонистические активности, взаимно нейтрализующиеся на некотором уровне, как, напр., в системе „вода—лед“ молекулярное сцепление и тепловое движение частиц, в организме физико-химические процессы, развивающие и поглощающие теплоту, в обывательской психике противоположные, взаимно обуздывающиеся группы стремлений, и т. под. Если такой комплекс подвергается воздействию, это значит, что в него из внешней среды вступают новые активн. сти, соответствующие той или другой из этих антагонистических групп. Пусть эти группы α и β , внешнее воздействие β_1 , однородно со второй из них. Может ли оно полностью и без потери, без частичной дезингрессии, с нею слиться, следовательно, произвести прямые, непосредственные изменения системы в своем направлении на всю свою величину? Как мы знаем, этого быть не может, идеально-гармоничное сочетание прежней и новой группы активностей не наблюдается, в том или ином масштабе дезингрессия неизбежна. Следовательно, действующая сумма этой группы активностей будет не $\beta + \beta_1$, а меньше на некоторую величину β_2 , т.е. $\beta + \beta_1 - \beta_2$. К первоначальному β реально прибавилось $\beta_1 - \beta_2$, что и выражает произведенное изменение в си-

¹⁾ „Тектология“, ч. II, стр. 111—112. Большинство предыдущих иллюстраций взяты также отсюда, но в новой переработке.

стеме. Оно, как видим, меньше действовавшей активности, т.-е. дело обстоит именно так, как если бы в системе произошли процессы, „направленные к противодействию“ этому нарушающему влиянию, — о чем и говорит закон Ле-Шателье. Сущность же явления просто в том, что „аналитическая сумма всегда меньше арифметической“, как мы знаем из предыдущего.

К неуравновешенным комплексам этот расчет не относится, потому что новое воздействие там изменяет *ход уже идущего* структурного преобразования.

Так вещи, самые отдаленные друг от друга в обыденном опыте, могут объединяться тектологическими законами, охватывающими все действительные и возможные преобразования форм.

А. Богданов.

Две поэзии.

Идея пролетарской культуры, с энтузиазмом воспринимаемая рабочими массами, сплотила вокруг себя довольно сильную группу пролетарских писателей и поэтов, которые смело и уверенно сказали свое первое новое слово, твердо сопротивляясь гневному и ласковому натиску „талантливых представителей умирающего общества“, неприемлющих идей грядущей пролетарской культуры.

Буржуазная литература XX века и несколько раньше, естественно, имеет много общих точек соприкосновения с литературой рабочего класса. Та и другая развилась в период наивысшего расцвета капитализма, и нет ничего удивительного, что буржуазные поэты, воспевая торжественное и победоносное шествие капитала, вместе с поэтами-рабочими останавливают свое внимание и на городе с его противоречивой, крикливо-кипучей жизнью, и на фабрике с ее машиной, с ее развивающейся техникой, и на социальных отношениях различных общественных групп, и т. д.

Нередко произведения отдельных авторов проникнуты глубокой симпатией к пролетариату, к его полной энтузиазма социальной борьбе. Но если такие произведения, например, „Зори“ Э. Верхарна, романы Шарля Луи Филиппа, „Космос“ Барнаволя, — с известными разъяснениями и оговорками и могут быть причислены к пролетарской литературе, то все же надо сказать, что литература большого города, машинизма, поэзия сил и движения, отнюдь не может быть вся целиком отнесена к пролетарской литературе.

Пролетарская литература, в частности пролетарская поэзия, рождающаяся в пламени социалистической революции и отражая порывы, страсти, борьбу, чаяния, гнев и любовь рабочего класса в его общественном строительстве, подходит ко всему со своим особым взглядом на мир, на жизнь, на движущие силы истории. Она всегда полна незыблемой и непоколебимой веры в силу пролетариата и его конечную победу.

Пролетарскую поэзию всегда отличишь от буржуазной, как бы ни были близки, родственны и даже тождественны их темы и сюжеты. Выяснить это мы и попытаемся в данной статье.

В романах Золя, Вергстрема, Уэльса и многих других вы найдете блестящие картины развития капитализма, — и в стадии первоначального накопления, и в стадии синдицирования, трестирования, и господства финансовых королей. И поскольку капитал сосредоточивает свою жизнь и энергию в промышленных центрах, крупных городах с их банками, акционерными компаниями, биржами, портами, железными дорогами, ожесточенной классовой борьбой и т. д., постольку литература указанного выше времени неизбежно должна была отразить и отразила всю многогранную жизнь большого города.

Поэты воспевают эти промышленные города, как города золота и труда; они любят город, как источник силы, энергии, движения и творчества. Размагниченные, растрепанные, безвольные буржуазные поэты в исступлении кричат „осанна“, восхищаясь промышленным Мангеймом, или портом Гамбурга; наивные, они живут верой, что современный город наполнит их опустошенную грудь красотой, хотя бы и механической, железного, электрического города. Они воспевают его величие, блеск и борьбу, богатство и нищету, избранных и толпу, дворец и притоны нищеты, утренний час, когда слышны фабричные гудки, и вечерний час, когда люди труда, измученные дневной работой, спешат домой на отдых, а буржуа отдаются наслаждениям жизни.

Всех опередили, конечно, футуристы. Прельщенные бурным вихрем городской жизни, они, высунув язык, высмеивают Венецию, собираются сжечь ее гондолы и грозят каналы „гниющего города“ завалить обломками „зачумленных дворцов“.

Наши отечественные поэты тоже, конечно, не забыли города. В. Маяковский подслухивал в городе все „шумики, шумы, и шумищи“, подглядел в нем все „каналы перекрещенных дум“, но не заметил одного — людей, творцов и двигателей жизни, грядущих хозяев „и трамвая и площади и царства шумов“.

По эхам города проносятся шумы
На шопоте подошв и на громах колес,
А люди и лошади — это только грумы,
Следящие линии убегающих коз.

В. Маяковский жестоко ошибся. Это были не грумы, а порабощенные самсоны, полные сознания своей исторической силы и победы; теперь они уже строят новую жизнь, в которой маяковские ничего не увидят и ничего не услышат.

В. Инбер побывал в Генуе; хорошо там погулял и многое, кажется, видел — но что он заметил там? Занимаясь любовью, фланируя по городу, он с неудовольствием отметил, как зол лакей был арсенаж в кафе еще неубранном и сонном, и что контора Кука помещается в розовом дворце.

Писатели с социальными тенденциями обычно изображают город, как центр растущего богатства или ужасающей нищеты.

Вот город В. Келлермана: „Кругом сияли огни, сверкавшие в темносинем, знойном мраке ночи. С первого взгляда трудно было решить, были ли то огни земные или небесные. С крыши отеля видна была часть Бродвея, прорезывавшего Нью-Йорк, точно глубокое ущелье длиной в 20 километров. Он весь казался раскаленной плавильной печью, в разноцветном пламени которой носились микроскопические частицы пепла — люди... Отдельные небоскребы возвышались, как белые привидения, на залитой красным светом площади... В разных местах возвышались сорокэтажные башни, на которых горели матовые огни. Это были сады на крышах больших отелей... Фонтаны света и снопы разноцветных лучей поднимались с улиц и уносились в небеса... Рекламный воздушный корабль с двумя огненными глазами быстро пронесся, работая прожектором. На его корпусе попеременно являлись освещенные буквы и слова: „Здоровье!.. Успех!.. Влияние!.. Богатство!.. Пайн-Стрит, 14“. А далеко внизу, у подножия 36-этажного отеля, гудела толпа репортеры, агенты, маклера и просто любопытные, обливаясь потом от удрушающей жары, не спускали глаз с крыши здания, окруженной гирляндой огней... Однако и тем, наверху, на крыше отеля, царил возбуждение... Аллан достал из кармана кусок мела и провел две линии на доске, стоявшей позади него. Вот тут Америка, а вот Европа. Он обязуется в 15-летний срок построить подводный туннель, соединяющий два континента, Америку и Европу, и поезда будут в 24 часа пробегать расстояние, отделяющее новый свет от старого... Представители капитала задумались... Тридцать капиталистов заработали мозгами с величайшим напряжением и отчетливостью“.

Другую картину города дает социалист-интеллигент Д. Лондон в своих очерках „Под гнетом империализма“: „Кажется, на всем земном шаре нет более удручающего и зловещего уголка, чем могильно-мрачный Ист-Энд, со всеми его кварталами, Уайтчепелем, Хокстеном, Ветнолем-Грином, Уопрингом и другими. Жизнь здесь тускла и бесцветна. Окружающее поражает своею жалкой беспомощностью и грязью. Грязь на улицах, грязь в домах, грязь на теле его обитателей. О приспособлениях для мытья здесь так же мало известно, как о каком-нибудь новейшем открытии. Когда дует ветер, то он несет с собой запах тухлятины и гнили, и даже дождь мало походит на настоящий освежающий дождь, потому что капли его мутны и грязны, словно кто-то опрокинул ушат сальной воды. Булыжник блестит от жары... Конечно, вы и здесь имеете право спросить чашку кофе, но вам подадут такую бурду, что вы и не притронетесь к ней. Посетителями упомянутых кофейен являются преимущественно рабочие. Скатертей и салфеток тут нет и в помине. Обедки со столов не убираются, полы не подметаются, так что они временами представляют собою настоящее месиво из грязи, жира и корок... Во время пребывания своего в одной из Калифорнских тюрем я питался значительно лучше, чем питается лондонский рабочий в кофейне“.

Поэт из буржуазного мира порою глубоко ненавидит страшный город; он не мирится с тем, что миллионы людей осуждены на каторжный труд от рождения до смерти, и мечтают о новом городе, городе будущего, в котором, по словам Водюэна, великие слова: любовь, труд и истина, — будут начертаны не только на стенах, но и в сердцах.

Наблюдая борьбу двух городских жизней, сытой и голодной, Маринетти, вождь итальянских футуристов, в одном из своих манифестов вещает: „мы воспоем огромную толпу, движимую жадной жаждой труда, наслаждения и бунта; многоцветные приливы и отливы революций в столицах, ночную вибрацию арсеналов и верфей, освещенных ярким светом электрических лун“. Но в этой борьбе его интересует не исход борьбы, не народные массы, а самый процесс, внешняя сторона, — как и на войне, он далек от человеческих страданий, но зато его вдохновляет картина боя, орудия уничтожения, позиция и прочие условия человеческого истребления.

Как много ни говорят буржуазные поэты о городе, однако ни у одного из них вы не найдете указаний, — откуда и как, в каких муках и в какой славе явится город грядущего. А сердца их полны тревоги и смертельного ужаса перед теми, кто приходит „требовать оплаты кровью написанных счетов“. Они прячутся в подвальные этажи и проклинают мир, „когда мятежные волны восставших, выходя из предместий, с живым рокотом подступают к их храмам, судилищам и чертогам, готовые все сокрушить и смести в своем непреклонном стремлении к победе“.

В пролетарской поэзии мы тоже найдем указанные выше мотивы. Это исторически неизбежно. Эксплуатация в капиталистическом обществе сближает трудовые слои городской демократии с пролетариатом и нередко одинаково окрашивает их чувства и переживания под „железную пяту“ буржуазии, но не в этом дело. Суть в том, что никто не понял, а главное не почувствовал города так, как поняли и почувствовали его поэты рабочего класса. Город не только источник вдохновения для увядающего сердца, не только источник „геометрической и механической“ красоты, он путь к освобождению поработанного человечества, он мост к новой жизни, и через этот мост со всеми его муками и страданиями идет пролетариат.

„Я люблю тебя, город, за то, что ты великий мост к освобождению и торжеству человека.“

На зов твоих певучих сирен, на блеск ослепительных огней, со всех сторон спешат к тебе миллионы людей, чтобы отдать свое тело, кровь и мозг, чтобы сгореть в твоём великом преобладающем костре. Я слышу стук несметных согласных молотков — это гигантская кузница, где выковывается новая радостная жизнь, это могучие симфонии труда, железа и стали...

Опрокинутые в небо огромные трубы источают фимиам новому богу-человеку.

Я вижу расцвет небывалой пленительной зари.

Я слышу голоса грядущего.

Я люблю тебя великий, всепобеждающий город“,

пишет В. Кириллов.

А. Поморский, обращаясь к городу, как к „чудовищу с горящими глазами и недремлющему дракону“, который давит все своими железными тисками, гневно бросает слова:

„Молчи, тиран, увенчанный глупцами,

Дракон с обезображенным челом.

Ты будешь наш. Пред скорбными рабами

Ты сам падешь униженным рабом!

И Илья Садофьев любит „мятежный Петроград“;

„..... как светоч тьму сжигающий,

Поцелуй солнца страстные,

И весеннее цветенье“.

„..... как рокот вод играющих,

Как раскаты грома властные,

Бури гневное движение“.

Это, конечно, не город Б. Келлермана, Ж. Тогормы, В. Брюсова, В. Маяковского и многих других. Пролетарский поэт на себе испытывает прелести капиталистического города, но он не расписывает сантиментально и высокопарно своих страданий среди „механической и геометрической красоты“ футуристов; он знает их историческую неизбежность, он их констатирует, но он также знает, что город объединяет пролетариат для борьбы за грядущий город социалистического общества. Пролетарские поэты воспевают не город наслаждения и страданий, а город борьбы, освобождения и воспевают в нем все, что организует эту борьбу и победу, также неизбежные, как смена ночи днем. Пролетарский поэт не скорбит, не плачет, а гневно приветствует этот город, как последний этап борьбы за свое будущее. И он определенно указывает, что освободителем явится пролетариат; оставив пустые мечты о лазурном небе, он здесь, на земле, в этой кузнице, начнет ковать человеческое счастье, разбивая своими могучими руками рабство и пошлость жизни. Буржуазный поэт черпает в городе капитала личную силу и вдохновение, а пролетарский поэт черпает в нем силу революционную, волю для борьбы с ним, как со врагом, спрутом, сосущим человеческую кровь и мозг.

И только у Э. Верхарна мы можем найти наши мотивы. Недаром его так и любят пролетарские поэты.

В своем „Городе“ он дает яркую потрясающую картину города-спрута, в котором

„Жизнь алкоголем заквашена,

Бары разверзает на тротуары

Зеркальные скинии,

В которых дробятся оьянение и буйство.

Слепая продает свет у стены

По копейке—коробку.

Голод и блуд обнимаются в дальних углах,

И черный порыв ярости плотской

Пляшет танец смерти в глухих переулках“.

„Это город-спрут“ —
 Осминог пламенеющий,
 Гордый скелет на распути.
 И все дороги отсюда
 Ведут в бесконечность
 К городу.“

И в этих городах-спрутах бельгийский поэт восхищен не шумом пропеллеров, не грохотом поездов, не sireнами автомобилей, не звонками трамваев; в этом городе Э. Верхарн слышит приход „Грядущего“, он слышит, как оно

Рвет землю и ломает своды в этих
 Городах из золота и черни, где пожары
 Рышут, как лев с пылающей привой“.

Наблюдая социальные битвы, поэт проникает в их сущность, верит в победу труда; он знает, как она придет и что принесет с собой; он видит:

„Все движется — и сами горизонты идут на нас.
 Мосты, аркады, башни
 Потрясены до самых оснований,
 Внезапные порывы множеств
 Варывают города;
 Настало время крушений и свержений
 И жестов молнийных и золотых чудес
 На высотах Фаворовых, осиянных“.

Полный энтузиазма, порыва, певец человеческого счастья в кровавое лицо мира эксплуататоров бросает такие жестокие слова: „онагд“

..... толпа, возвысив голос свой,
 Вдруг выхватит безжалостной рукой
 Какой-то новый мир из мрака и крови,
 И счастье вырастет, как на полях цветы,
 И станет сущностью и жизни и мечты;
 Все будет радостно, все будет ново“.

Как ни близок нам Э. Верхарн, все-таки он не вполне наш. Бельгийский поэт в качестве бунтующей силы против города-спрута выставляет толпу, стремительно-мягко рвущуюся к „скрытому в туманах идеалу“, поэты рабочие ясно говорят о революционере-пролетарие, сознательно и политически воспитанном, который точно знает, чего он хочет.

Враг сломлен. Разбит.
 Сквозь полог туманный и дымный
 Лучи свои солнце струит,
 А толпы — восторги и гимны.
 Знамена. Плакаты.
 И лозунги, бурей рожденные!“

(В. Александровский).

II.

Пролетарские настроения в стихах, посвященных городу, отразились с большой силой, яркостью и красотой в стихах, обращенных к заводу, фабрике, к машине и труду. Известная ограниченность темы обязывает к большей ясности и полноте выявления своих мыслей и чувств во встающих пред поэтом образах.

С развитием капитализма неизбежно играет все большую и большую роль техника, она держит в своих руках судьбу промышленности и отдельного предприятия; и вполне понятно и закономерно, что интеллигенция, выделяя из своей среды значительные кадры специалистов—инженеров и техников,—начинает воспевать эту технику и ее творцов. Машина—вот источник счастья человека.

Расправляясь с Малларме и Верленом, Маринетти прославляет любовь к машине, Фальгоре чувствует мысль машины, как песнь, плывущую по океану безбрежности. Уэльс в своем увлечении машиной доходит до мысли о человеке—машине, об одухотворенном механизме. Его марсиане удивительные машины. Они дожили до искусства облекать интеллекты в такой механический организм, какой требуется в данную минуту для выполнения данной задачи. Маринетти мечтает о сердце-моторе; а один его соратник по перу даже изобразил, как будет родиться грядущий „механический тип“.

Всех этих невцов машинизма увлекает мысль, что им удастся подняться над землей, вырваться из ее тисков и унести к новым горизонтам, зажить светлой мечтой о высоком и далеком.

Но характерно, что буржуазные поэты совсем не посвящают стихов фабрике и заводу. И это не случайность. Машина, вырванная из завода, взятая в отвлеченности, особенно аэроплан и автомобиль, легко становится под их пером символом движения к высшему и прекрасному, т. е. „говoreния глухой ерунды и чепухи“, как в рассказе М. Горького „Озорник“, наборщик Гвоздев разъяснил слова передовицы: „наше фабричное законодательство всегда служило для прессы предметом горячего обсуждения“.

Разве не социальная чепуха вот эти выкрики неустрашимого Маринетти. Бурностремительный бог железной расы, автомобиль, опьяненный пространством, страшное китайское чудовище с огненными глазами, жаждущее горизонтов и звездной добычи, вот я расковыряю твое сердце, бьющееся дьявольским ритмом, и твои гигантские легкие, дабы ты мог понестись в пляске по селым дорогам мира, я даю волю твоим металлическим возкам и ты, пьяный, бросаешься навстречу освобождающейся беспредельности. Скорее, еще скорее! Пусть мотор удесатирует свою стремительность. Ура! Я не соприкасаюсь больше с землей, я поднялся в воздух и лечу плавно по опьяненному простору звезд, сверкающему на безбрежном ложе небес“.

Завод, где работает машина, завод, как производственный организм, не дает возможности умолчать о пролетариате, о классовой борьбе и т. п. Стих о заводе требует ответа на проклятые и коварные вопросы. Об них лучше умолчать.

Поэт буржуа, в иступлении воспевающий машину, воспекает преимущественно средства передвижения, носясь в автомобиле „по опьяненному простору“ и не соприкасаясь больше с землей. Устроение жизни на земле с ее экономическими стремлениями для него „глупая и скучная история“, другое дело—„безбрежное ложе небес“.

Поэт рабочий, наоборот, любит завод прежде всего, как силу производства, без развития которой немислим общественный прогресс на нашей „грязной земле“, орошенной потом, кровью и слезами рабочего класса. Рабочий поэт пишет:

„Люблю куски стальных болванок,
Меж вальцев превращенных в змей.
Люблю, когда над паром молот
Сжимает сталь в снопах лучей.
Люблю ковать, силен и молод,
У пасти огненных печей“.

И поэт глубоко убежден, что завод, как высший тип организации производства, силою своих машин и волею трудовых масс, преодолет земледельческую, мистическую культуру.

От хат соломенных селений,
 Где жизнь смиренная горда,
 На грозный зов сиренных пений
 Пришли в стальные города.
 Был каждый в пламя горна брошен,
 Кипящей сталью опален...
 Обвенчен факелом завода,
 Его зарницей озарен...
 Обрызган искрами металла,
 Крещен в купели чугуна,
 И вот остальной стала
 Златосоломенная струна.
 Как сон, смиренная забыта
 Преклонно-войная межа,
 Душа горящая облита
 Звонящим валом мятежа.

И после того, как в заводе

„Стал каждый пламенным баяном,
 Кующих звонов, красных струн,
 Грозово-вскрыленным титаном,
 Зари грядущего трибун“.

Поэт, знает, что заводу, как источнику творчества новой жизни, удастся преодолеть всю буржуазную культуру, переступив через все страдания и испытания.

„Пускай туман клубится зыбкий,
 Печаль по ней ползет без сил,
 Мы видим—огненной улыбкой
 Завод ненастье опалил!“

Как видите, поэт восхищается заводом и машиной, не просто как машиной, а движением и силой, не как таковыми, а как верным, исторически предугазанным, предопределенным средством к осуществлению своего социалистического идеала. Мысль о социальном перевороте никогда не оставляет рабочего-певца машины. Он знает:

„...красный флаг коммуны
 Над миром будет пламенеть“

(М. Герасимов).

Эту же мысль выразил и другой поэт-рабочий В. Кириллов. Это место любят цитировать, и я, без опасений упреков в злоупотреблении цитатами, проведу его:

„Я подслушал эти песни близких радостных веков
 В гулком вихре огнеликих необятных городов,
 Я подслушал эти песни золотых грядущих дней
 В шуме фабрик, в крике стали, в злобном шестесте ремней...
 Чем сильнее звонкий молот будет бить, дребить, ковать,
 Тем светлее будет радость в мире сумрачном сиять,—
 Чем проворней будут двигаться приводы, шестерни,
 Тем пленительней и ярче загорятся наши дни“.

Если раньше народолюбивая интеллигенция протестовала против марксистских теорий о выварке в фабричном котле и рассматривала завод, как источник эксплуатации, то певцы пролетарской культуры со времен октябрь-

ской революции смотрят на него иначе. Поэт-рабочий передает свои новые настроения, восторженно говоря:

„Я сегодня лишь почувствовал, сегодня лишь узнал,—
Здесь, в заводе, каждодневно шумный праздник—Карнавал.
Каждодневно, в час урочный, пара пеньем, приглашение,
Гости в праздничном наряде, звон и грохот, танцы, пенье,
Звон и грохот, звучномерный говор звуками без слов...
Танец стройный и ритмичный хмельно-радостных шкивов...
Каждодневно быть в заводе, быть в заводе наслаждение...
Понимать язык железный, слушать тайны откровенья.
У машин станков учиться буйной силе—разрушать,
Ярко—новое, другое непрерывно созидать“.

(И. Садофьев).

Раз быть в заводе наслаждение, то рабочий-поэт проявляет свою влюбленность по отношению ко всему, в чем складывается и формируется новая социальная сила и элементы грядущей жизни. Для него машина—это верный товарищ, а не дар богом, чтобы подняться „все выше“, как уверяет буржуазный Бодозн.

Мы слились со своими железными товарищами, мы с ними сплелись, мы вместе создали новую душу движения, где работник и станок неразлучны. За то и „дерзкие штормы машин отбивают свой решительный ритм:—мы с вами, мы с вами“.

И этот крепкий союз пролетария с машиной, заводом потому заключен, что, завод „несется от горизонта к горизонту и все, что есть на пути—тоскующие поля, тихие селенья, молчаливые города, все разит, все разносит и колет, наполняет спящие равнины канонадой молота и мотора, заставляет перекликаться вечно немые горы, заливают пропасти озерами света и, весь полный стальной своей непобедимой гордыни, угрожает стихиям земным... небесным, мировым, и трудно понять, где машина, где человек“.

(А. Гастев).

Это, как видите, не „мелодия сфер“ фон-Коля, с его наскучившими людям реалистического взгляда на жизнь благоглупостями о святом духе прогресса, боже, который полон любви ко всему живущему.

Это и не „Ода авиатору“ Бодозна с его мечтами о человеке, уже покорившем вселенную и даже смерть... но не покорившем еще повелителей этих авиаторов, сеющих смерть с лазурной выси и орошающих землю слезами отцов, матерей, братьев и сестер убитых и раненых.

Нам могут возразить, что мы, сравнивая две поэзии машинизма, больше останавливали свое внимание не на машинах, как буржуазные поэты и буржуазные критики, а на заводе. Это, конечно, не по недостатку материала для сравнения, а из определенных теоретических соображений.

Поэт А. Гастев, а вернее мыслитель, в одной из интересных своих статей о „Новой индустрии“ резюмирует свои рассуждения по этому вопросу в следующих положениях, которые мы предпочитаем передать словами самого автора: „мы видим, как машина постепенно отвоевывает у человека всю его ручную работу, и как смело вторгается в самую затаенную работу интеллекта. Тип кабинетного мыслителя уходит в область прошлого; технически мыслить теперь, это значит „работать“, и работать в мастерской, оборудованной машинами. Мы теперь можем себе представить, как машина постепенно становится могучим рычагом производственного развития. Под именем машины мы теперь уже представляем не только отдельную машину—орудие, но и машину, мастерскую и, наконец, сам завод вырастает в гиганта-машину. Машинизм постепенно будет пропитывать не только чисто производственную жизнь человечества, но он будет сцеплять одно предприятие

с другим, он будет пропитывать все фазы житейского быта, он будет создавать такие могучие постройки, которые мы смело назовем машиной городом¹⁾.

И это не город-зверь П. Андреева, а город, в котором

Все, что раньше было робкой сказкой грезы,
Стало дивным солнцем, озаряя мир!
Труд полей и фабрик, братство и свобода,
Вот эмблема жизни, новых дней скрижаль"

С. Заревой

И прав был. Ф. Ницше, когда говорит: „изгнанниками вы должны быть из страны отцов ваших. Страну детей ваших любите“.

Вполне понятно, что слияние пролетария с машиной и его сознание, что „мы растем из железа“, одухотворяет в заводе каждую часть его, каждый кусок металла.

„Металл, словно лед серебристый, сверкает,
Толпа в восхищении! Толпа не узнает,
Что здесь в этом блеске туманятся взоры,
И слышатся вздохи, немые укоры,

И пот раскаленным дождем упадет“

(А. Самобытник).

Так было в городе купцов, банкиров и промышленников; но поэт не только это увидел,

В железе есть нежность,
Игривая снежность,
В шлифованном светит любовь;
Закатная алость,
Порыв и усталость,
В изломе заржавленном — кровь.
В железе есть сила —
Гигантов взрастила
Заржавленным соком руда;
Железною ратью
Вперед, мои братья,
Под огненным стягом труда!

Заводская труба. Раньше она застилала только небо и своим медким дымом отравляла воздух. Не то теперь. Это ей рабочий поэт посвящает строки:

„Трубой заводской искры сеет
В сердца рабочих и крестьян...
Труба, как факел исполина,
В железном сжатом кулаке.“

(М. Герасимов).

Труба — факел, она сеет искры, зовет к восстанию, она жизнь труда и „посох исполина“. Не даром тот же поэт говорит:

„Люблю я труб заводских струны,
Гудок, будивший паром медь“.

Поэт буржуа восхваляет машину; но самый физический труд, да и не только он, но и самый призыв к нему, зачастую навевает на него скорбные настроения и вызывает плаксивые строки. Порой вторит ему и поэт-рабочий:

¹⁾ „Вестник Металлиста“ № 2. Январь 1918 г. Петроград

Немного сна, — прозвительный гудок, —
 Проснется жи-нь в скрывающихся домах,
 И пролетарии с проклятием на губах
 Позволят высосать машинам жизни сок“.

(В. Александровский)

Для рабочего поэта наших дней, певца пролетарской культуры, гудок — не только „прозвительный“ призыв для каторжного труда, это „Утренняя молитва“ коллективного труда.

Нет призывной, полновластной, —
 Чище пламенной, звучней, —
 Вдохновенней и прекрасней,
 И победней и вольней —
 Ранней утренней молитвы слитно-стройных голосов,
 В бой зовущих, тьму пугающих, ликующих гудков...

Хор гудков — язык вселенной,
 Гимн единства, гимн труда,
 Пробужденные мысли пленной,
 Сердца к сердцу провода“.

Словом, в заводе среди машин, у горна, рабочий коллектив творит свою новую социалистическую жизнь, и творит ее не в мечтах, не в звездной вышине, а здесь, на нашей земле, окровавленной и загрязненной, от которой бегут поэты буржуа. Они не способны к борьбе, у них нет знания и сил, чтобы создать на земле гармоничный порядок, радостный, светлый и торжественный. А рабочий... У него

„Мускулы тяжести просят...
 Руки не раз еще бросят
 Молот на красный металл“.

(В. Александровский).

Он весь с заводом, весь в труде. Почему? „Новые дам я скрижали“, отвечает поэт; в этом вся разгадка.

III.

Интеллигенция, состоя на службе у капитала, отдает ему все свои умственные и физические силы на развитие и усовершенствование техники производства и организационно-административного аппарата. В этом творческом процессе она вырабатывает свою материалистическую философию, отдельными своими положениями как бы совпадающую с философией революционного пролетариата; в этом творческом процессе буржуазная интеллигенция вырабатывает и определенный взгляд на труд, как на источник общественного прогресса.

Современное производство с его техникой несет колоссальные победы человека над стихиями природы; в этой победе буржуазная интеллигенция участвует односторонне, как научная, позитивно-эволюционная, сила; тем не менее в конечном счете она неразрывно связана с производством и естественно улавливает ценность и неизбежность труда, не участвуя в выполнении однообразно-скучного механического труда, а живя по преимуществу в области труда творческого с его восторгами и радостями. Интеллигенция воспекает этот труд, наслаждается его содержанием, его достижениями, поскольку хозяева жизни не развращают ее своими подачками в виде жалованья, наград и почестей.

Б. Келлерман в своем романе „Туннель“, ярком гимне машины и труда, в речи перед рабочими после страшной катастрофы в туннели устами

инженера Аллана, руководителя всеми работами и творца проекта туннеля заявляет: „труд это битва, а во всякой битве бывают убитые... Труд не является только средством насытить желудок. Труд—это идеал, это религия нашего времени“.

Это звучит так будто по-пролетарски. Талантливый и красноречивый инженер к тому же мечтает объединить „две культуры“ капиталистического общества; мечтает, по-своему, конечно, даже осчастливить народ.

Поэт-рабочий прежде всего не верит этому. Словами А. Гастева он требует: „пусть играет наша музыка“, т.-е. чисто пролетарская; „довольно с нас песен благочестия“, распеваемых буржуазными поэтами и моралистами. Пролетарий знает в капиталистическом обществе исключительно подчиненный тяжелый „физический“ труд, лишенный творческих радостей, но зато связанный с изнурением, полуголодной жизнью и преждевременной смертью. И естественно он хочет от труда конкретного, осязаемого счастья; аллановские мечты „осчастливить народ“ его не удовлетворяют. Это—бесплодные мечтания.

„Мы хотим, чтобы все на земле были сыты,
Чтоб не было слышно ни стонов, ни воплей о хлебе...
Медом чудесным наполним мы доверху соты,
Нашей планете найдем мы иной ослепительный путь“,

без колебаний заявляет В. Кириллов.

Если одна часть интеллигенции вместе с Алланом говорит о труде, как о счастье, источнике творчества и наслаждения, то другая часть устами Елены из романа Уэльса „Когда спящий проснется“ трагически отвечает Грезму: „миллиарды людей осуждены на беспросветный труд от колыбели до могилы. Справедливо ли это? Куда ни посмотришь—горе, труд, нищета, трагедия бесцельной и безрадостной жизни“. Тут, как видит читатель, нет и помину о радостном труде,—он стоит рядом с горем, с трагедией бесцельной и безрадостной жизни.

У поэта-рабочего, собирателя элементов пролетарской культуры, такой раздвоенности, как у интеллигенции, нет. На вещи он смотрит проще, реалистичнее. Он знает, что такое труд, в чем счастье и тяжесть его, и какими силами его реорганизовать в желательном направлении.

Пролетариат знает, что в своих достижениях он должен принести немало великих жертв. Но это его не смущает и не наполняет душу пессимизмом и страхом пред жертвами. Он горд, спокоен, силен и серьезен.

Он рассуждает: „Нам когда-то дали вместо хлеба молот и заставили работать. Нас мучили... И мы, когда-то рабы, теперь посягнули на мир. Мы не будем рваться в эти жалкие выси, которые зовутся небом. Небо—создание праздных, лежачих, ленивых и робких людей. Ринемся вниз! Вместе с огнем, и металлом, и газом, и паром... Мы зароемся в глубь, прорежем их тысячами стальных линий, мы осветим и обнимем подземные пропасти каскадами света и наполним их ревом металла. На многие годы уйдем от неба, от солнца, от мерцания звезд, сольемся с землей: она в нас и мы в ней. Мы войдем в землю тысячами, мы войдем туда миллионами, мы войдем океаном людей. Но оттуда не выйдем, не выйдем уже никогда... Мы погибнем, мы схороним себя в ненасытном беге и трудовом ударе. Землею рожденные, мы в нее возвратимся, как сказано древним, но земля преобразится“.

(А. Gaumes).

У рабочего-поэта тяжесть труда и неизбежность гибели не вызывают мистически настроений, размышлений о смерти, о кратковременности жизни, о вечности духа и тому подобное.

„Земля преобразится“, и ради этого он готов на все.

„На темных могилах, из праха бывшего,
Из крови и слез изнуренных сердец,—

Мы, гордые, строим,—мы, гордые, строим—
Мы строим Рабочий Дворец".
пишет А. Поморский.

Но в своей гордости пролетариат сознает колоссальность поставленной пред ним историей задачи; он знает, что одному человеку, как бы он ни был гениален, не разрешить ее, и он говорит о труде коллективном. В исторической неизбежности его пролетариат убеждается в самом процессе производства. По мере развития техники машинного производства и объединения ряда машин в один производственный организм, уменьшаются физические функции рабочего; опыт его становится более однородным и сходимым; но эта однородность опыта и труда в производственном процессе требует коллективного усилия. Индивид вне коллектива беспомощен. Выступая против анархического производства и устанавливая связь сотрудничества пролетариата всего мира, рабочий класс создает товарищеское объединение труда, откуда несутся полные энтузиазма и побеждающей силы гимны коллективного труда.

"Под пенью острых сверл и свист локомотива
Мы труд упорный наш согласно доведем
До той поры, когда под звук иных мотивов
По новому пути мы к новому пойдем",
(И. Ионов)

говорит полный убеждения рабочий-поэт. Но и этот коллективный труд будет упорен, а, следовательно, и тяжел; и все-таки он будет радостен: он будет свободен, он объединит всех в единый коллектив, чтобы преодолеть все трудности, тут и смерть не страшна. И этот упорный, тяжелый труд будет без аллановских штыков, пулеметов, черных штрейк-брехеров, хотя бы и для счастья народа.

В своей агитации пред возбужденными катастрофой в туннели рабочими инженер Аллан гордо, с вызывом, бросает им: "Я ведь тоже рабочий, такой же, как и вы! Я ненавижу трусов! Пусть они уйдут. Пусть останутся только мужественные люди!"

Рабочие не верят предприимчивому инженеру; они знают, что Аллан лжет, что он не рабочий в том смысле, как они. Аллан представитель творческого, организаторского труда, а они представители труда физического, исполнительного, нудного, скучного,—они просто чернорабочие.

Аллан лжет, что они трусы. Аллан действует на их самолюбие, чтобы вызвать в них воодушевление работать, выполняя его планы принятые там, в Нью-Йорке, на одной из крыш небоскреба, финансовыми королями. Аллан знает, что без рабочих он не проведет ни одного аршина туннеля, но знают это и пролетарии.

Пролетарии не трусы, их дух закален и страданьем и грозной борьбой, но они хотят другого труда, в процессе которого они могли бы с восторгом повторять:

"Все—мы, во всем мы, мы пламень и свет побеждающий,
Сами себе Божеество, и Судья, и Закон".
(В. Кириллов).

Они хотят труда коллективного, в котором каждый чувствовал бы себя не только исполнителем чужой воли, но творцом великого дела, исполнителем-организатором воли своего пролетарского коллектива. И не буржуазной интеллигенции типа Аллана говорить о трусости пролетариата, когда он весь порыв и устремленье. Это он про себя говорит:

"Мы усилием непреклонным
Коллективного труда
Храм воздвигнем Апполону,
Мы воздвигнем города".
(И. Садофьев).

Пролетарские массы знают, что до сих пор они были, выражаясь словами Ф. Ницше: „во-первых, как расплывчатые копии великих людей на плохой бумаге, сделанные плохим клише,—во-вторых, как препятствия для великих,—в-третьих, как орудия великих, а в остальном,—поberi их чорт и статистика“. Теперь они не хотят быть простым предметом статистики, раз они создали свою великую историческую миссию. Теперь они, сознав свою коллективную силу, гордо и с правом заявляют: „Мы несметные, грозные легионы труда“ (В. Кириллов), „Мы все возьмем, мы все познаем“ (М. Герасимов), „Мы посягнули“ „Мы вместе“ (А. Гастев) И это „Мы“ коллективного труда устраняет буржуазное „Я“, которое обычно ставится в центре миро-создания.

На почве коллективного труда возникает идея мощи, идея власти; но эта мощь обуславливается и развивается в связи с вновь возникающими возможностями, возможностями вновь покорять силы природы. Буржуа-поэт говорит о трудовой мощи не в связи с ростом объективных возможностей, а постольку, поскольку приобретения, завоеванные человечеством, стали орудием личного возвышения. И если у пролетариата мы наблюдаем действительный пафос творчества коллективных усилий, у поэта-буржуа это пафос чужого присвоения. В лучшем случае буржуазная поэзия дает образцы смешенной психики, всегда с преобладанием присвоительного элемента, с чем, конечно, не мирится пролетарский писатель.

Коллективность труда несет коллективность сознания и борьбы; а все это вместе дает пролетариату глубокую активную веру в свою силу и в свою победу.

„Мы всеильны, мы все можем,
Разрушенья, достиженья—
И усилим, и умножим.
Плугом мысли коллективной
Новь поднимем, новь распахнем,
Опьяним восторгом дивным—
Лучше рая солнце краше“...
(И. Садофьев).

„Мы все возьмем, мы все познаем,
Пронизем глубину до дна“...
(М. Герасимов).

И от этого сознания ярко загорается душа пролетария.

„Как золотым цветущим маем
Душа весенняя пьяна!..
Как сладко пить цветущим маем
Животворящую грозу!“
(М. Герасимов).

Рассматривая труд, не как простое средство „пропитания“, а как источник и силу творчества социалистической жизни, силу организующую борющийся коллектив, рабочий не боится конкурентов по труду в своей борьбе за существование; в каждом новичке он видит прежде всего товарища в разворачивающейся борьбе двух миров.

А. Самобытник дал прекрасное стихотворение на эту тему. Вот отрывки из него:

„Ты пришел от мирных рос,
Светлых речек и полей...
Эй, товарищ, не робей!
Здесь безбрежное слилось,
Невозможное—сбылось,
На заре грядущих дней,—
Не робей!..“

Словно каменный колос,
 Стань у бешеных ремней..
 Эй товарищ, не робей!
 Пусть гудит стальной хаос—
 В цель еще звено впелось,
 Рать сомкнулася плотней.
 Не робей!

Такими словами заводский рабочий встречает нового товарища, несознательного крестьянина. Сколько глубокого социального смысла в словах: „в цель еще звено впелось, рать сомкнулася плотней“.

И надо с полным сознанием и гордостью констатировать, что только пролетарский поэт мог подняться до такого высокого понимания труда, его коллективности и той товарищеской связи, которая сплавляет всех в один мощный организм.

Инженер Аллан, тоже „рабочий“, как он величает себя, не может чувствовать, по-пролетарски. В себе подобных он видит нежелательных конкурентов,—тут он забывает и счастье народов,—а в действительных рабочих хочет видеть только силу, покорную его воле и его планам,—чего В. Келлерман и не скрыл в своем романе.

IV.

Минуя несколько частных вопросов, вытекающих из постановленной нами темы, которые могли бы придать большую яркость нашей статье, но не внесли бы по существу новых соображений, мы намерены остановить внимание читателя на выяснении взглядов о положении и роли писателя в обществе.

Буржуазный поэт стоит выше того общества, которое он представляет; он является для него путеводной звездой, он призван „жесть сердца божественным глаголом“. Поэт-вождь общества, или определенной части его, а общество, „чернь“, как писал А. Пушкин, не понимает поэта и часто не только не в состоянии подняться до высоты его духа, но создает такие условия жизни, что поэт гибнет, гибнет умственно, физически; так было с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем и многими, многими другими. Русское общество преступною рукой великосветского хлыща Дантеса убило Пушкина, одного из величайших людей. Убило, и даже не содрогнулось от этой мерзости. И разлад поэта с обществом временами бывает так глубок, что поэт вынужден уходить от этого общества в свой индивидуальный мир, замыкаться в себе. Презирая общество, поэт начинает витать в области чистого искусства, создавая свои художественные ценности, лишённые общественного значения и принижающие роль поэта до певца личных переживаний до простого искателя совершенных форм. Суровый приговор этому вынес еще В. Белинский в своей статье: „Стихотворения Апполона Майкова“; в ней он резко заявил: „время рифмованных побрякушек прошло невосвратно: ощущения и чувствованища ставятся ни во что: на месте того и другого требуются глубокие чувства и идеи, выраженные в художественной форме с рифмами, или без рифм—все равно. Для успеха в поэзии теперь мало одного таланта: нужно еще и развитие в духе времени. Поэт уже не может жить в мечтательном мире: он уже гражданин царства современной ему действительности: все прошедшее должно жить в нем. Общество хочет видеть в нем уже не потешника, но представителя своей духовной жизни; оракула, дающего ответы на самые мудреные вопросы; врача, в самом себе, прежде других, открывающего общие боли и скорби, и поэтическим воспроизведением исцеляющего их“. В другой статье „Речь о критике“, более спокойным тоном, но за то и более уверенным и убедительным, В. Белинский, продолжая свою мысль, пишет: „уже и теперь заметно новое требование от искусства—требование разумного содержания, которое соответствовало бы историческому духу времени“. В наше переходное время многие из пролетарских поэтов, в своем

желании щегольнуть формою и зашибить ею буржуазных поэтов, форму ставят выше содержания, поэтому мы не хотим отказать себе в удовольствии продлить цитату из замечательных строк великого критика: другие, „засев в разубранном тереме своего фантастического замка и смотря из него сквозь расщепленные стекла, поют себе, как птицы... Боже мой! человек делается птицей! Какое истинно овидиевское превращение... Что же из этого должно было выйти?—Гибель талантов, которые при другом направлении, оставили бы по себе в обществе яркие следы своего существования, могли бы развиваться, идти вперед, мужать в силах. Отсюда происходит это размножение микроскопических гениев, маленьких великих людей, которые обнаруживают много таланта и силы, но пошумат, пошумат, да и замолкнут, скончавшись в мале еще прежде своей смерти, часто во цвете своих лет, в настоящей поре силы и деятельности“.

Другое положение занимает по отношению к своему классу пролетарский поэт, — он не может жить и творить вне своего класса, вне его он мертв и не в состоянии, „жечь сердца божественным глаголом“. Рабочий класс и пролетарский поэт имеют одно сердце, одни думы, одни радости и печали, они слитны и неразделимы; первый во втором, но и второй в первом. Пролетарский поэт выделяется только из своего класса тем, что он скорее и лучше других умеет собрать и в художественных образах организовать чувства и настроения своего класса. Это прекрасно выразили И. Садофьев:

„Я—сын твой, брат и муж, твой воин и певец,
Твой чуткий слух и зор, и чувства и стремленья...
Ты в сердце у меня—миллионами сердец...
Я их биезем слитным—вечность измеряю
И чувствую движение иных эпох, времен“.

И эта органическая слитность поэта с классом спасает его от уклонения в сферу личных маленьких „чувствований и переживаний“, от увлечения формою в ущерб своего социального содержания. Если же это происходит, то значит, поэт порывает идеологическую связь со своим классом, хотя и живет внутри его. С ним совершается, как указал В. Белинский „овидиевское превращение“, или, как со всей стремительной страстью своего горячего темперамента писал Д. Писарев: поэт становится „ничтожным паразитом, потешающим других ничтожных паразитов мелкими фокусами бесплодного фиглярства“.

Если буржуазный поэт силен своим индивидуализмом, то пролетарский поэт выражением коллективности своей мысли, которая ведет к сознанию мировой связи, к растворению в новом обществе.

Об этом поглощении индивидуализма обществом писали и буржуазные поэты — У. Уитмен, Ж. Ромен и многие другие. Но под слиянностью с массой указанные поэты разумеют совершенно не то, что пролетариат. Одни из них проповедают свою слиянность с массой, толпой, городом, в силу „глубокого сознания своих социальных обязанностей“ воспеть страдания народа, который делает их своими делегатами; другие, затерявшись в бурлящих волнах капиталистической жизни, стонут и мрут в одиночестве, пропадая в тоске. Они ищут приюта и льнут к массам, чтобы наполнить жизнью масс свое опустевшее и потухшее сердце. Необходимо отметить, что все эти буржуазные поэты всегда сливаются с толпой, но никто из них глубоко и серьезно не обмолвился о слиянности с пролетариатом, как творцом грядущей жизни. Певцы слиянности, и Бодюэ и Ромен, обращаясь к Парижу, заявляют: „Ты есть я, как я есть ты. Мы составляем одну душу и одну мечту“. Поэт очевидно забыл, что этот Париж ведет свою борьбу со своими предместьями, что на улицах этого большого города проливается рабочая кровь. Пролетарский поэт не сливался с этим каменным жестоким городом, а он надеется и убежден в том, что город будет покорен.

Ты будешь наш. Пред скорбными рабами... Ты сам падешь униженным рабом...», восклицает А. Поморский.

Это далеко не та слиянность, о которой фантазирует и сентиментальничает Бедуэн и иже с ним.

Буржуазный поэт, сливаясь с массой, теряя в ней свою индивидуальность, надеется выйти из этой слиянности, переварившись в кипящем котле жизни, с удесатеренной силой, пролетарский поэт — наоборот. Он сам несет в город силу, силу — своего класса. Он пишет:

„Стихия я, я — смерть, я — ураган,
Я создаю и разрушаю,
Я успокою боль жестоких ран,
Воспламеняю робеющую душу.
Войду в жилища их, возьму их города,
Их мыслям и их снам завладею,
Огонь создам я из кристаллов льда,
Их мертвые сердца я пламенем согрею.
Их храмы красоты с забытыми богами,
Светильники с угаснувшим огнем
Я озарю нетленными мечтами,
И новый культ зажгу пред новым алтарем“

(А. Поморский).

И то время, как поэт пролетарий, „слившись“ с городом, овладевает его мыслями и чувствами и зажигает новый культ, буржуазные поэты скромно мирятся с тем, если им удастся гальванизировать их умирающее сердце.

Поэт-пролетарий чувствует свою силу и гордится ей, даже не окрепнув еще окончательно. Он знает, что он сын могучего творческого класса, призванного историей к великой роли мирового преобразователя. Вдохновляясь своей коллективностью, он не ищет с кем либо слиянности, а просто выражает свою неотделимость от своего класса.

Поэт-буржуа, сливаясь с разношерстной толпой, сливается с чуждой ему средой, порывая с той, из которой он вышел; самое большое, он находит в толпе свою социальную группу, только как маленькую частичку людского моря. И при всех своих стремлениях, он, конечно, не может слиться с этой массой. Добрыми пожеланиями, как говорится, выслан несь ад, — но пожелания пожеланиями, а действительность несет другое.

Буржуазный поэт слиянности, пришлец в толпе, хотя и принявший ее законы и отдавший ей свою индивидуальность.

Пролетарский поэт сын своего коллектива, его орган, его неотделимая часть. И ему не приходится ломать голову над проклятыми вопросами, отдать индивидуальность или нет, принять законы коллектива или нет: — в этом коллективе он законодатель и исполнитель; у него нет раздвоенности. И этим он силен.

Пролетарские поэты, пролетарские не по происхождению, а по своему внутреннему содержанию, полные сознания своей силы, пишут про себя:

„Мы первой радости дыханье,
Мы первой зелени расцвет...
Еще не нам, не знавшим солнца,
Вершиной гордою шуметь...
Но будет миг, порыв созреет,
Заблещет солнцем наша цель...
Поэта мощного взлелеет
Рабочих песен колыбель“

И это сознание спасает рабочего поэта от слиянности с толпой буржуазных искусников слова, а, следовательно, и от разрыва со своим классом. Это сознание дает ему силу развернуть свою индивидуальность со всей яркостью и сочностью в рамках классовой мысли и психологии, а в будущем и общечеловеческой.

Будет ли пролетарий певцом железа и стали, как А. Гастев,—пламенным певцом коллективного труда и социальных битв, как И. Садофьев и В. Кириллов,—или нежным лирическим поэтом отдельных моментов рабочего движения, как А. Самобытник, будет ли он разворачивать пред нами историю рабочего движения, как П. Вессалько,—он всегда останется верен своему классу.

И все говорит за то, что в недалеком будущем, когда пролетариат в мирных условиях начнет организовывать и устроить свою новую жизнь, с новым бытом, с новыми радостями и печальми, пролетарская литература сумеет разорвать последние нити, связующие ее с литературой буржуазной. Тогда пролетарские писатели сумеют дать не только новое яркое содержание, но и прекрасные формы, в которые они облекут свои образы и символы. Яркий свет художественного творчества озарит обновленную землю, и в его лучах рабочий класс будет созидать величественную культуру грядущего.

Валерьян Полянский.

Простота или утонченность?

Художественное творчество свободно. Предписывать, навязывать ему простоту формы или требовать утонченности—было бы нелепо. Но если мы знаем, из какого жизненного содержания художник исходит, для какого материала он ищет формы, то, опираясь на научную теорию, вполне возможно заранее определить, какая из двух тенденций является *естественной* в данном случае, а, следовательно, и наиболее соответствующей задаче; а отсюда получатся выводы о вероятности успеха и неуспеха работы, идущей в том или другом направлении. Таким способом научная критика может облегчить искания художника.

Пролетарская поэзия только нарождается; в своем развитии она неизбежно должна выработать новые, свои собственные формы; она еще не определилась, она—предмет исканий. Но уже известно, по крайней мере, в своей общей характеристике, ее основное содержание. Оно—вся жизнь рабочего класса: его мироощущование, миропонимание, практическое мироотношение, стремления, идеалы. Это именно то, что новый художник должен выражать, организованно воплощать в образах, создавая из их ткани новую живую связь для своего классового коллектива, связь, способную дальше расти и расширяться до общечеловеческой. Таково содержание, для которого требуются формы.

Исходить в выработке своих форм пролетарскому художнику приходится во всяком случае из чужих, из тех, которые даны старой культурой; иначе нельзя, потому что других нет: каждый класс учится у своих предшественников, чтобы, пользуясь их средствами, развить свою силу, свои новые средства труда и творчества,—и тогда, конечно, отбросить прежние. Но старое многообразно: где учиться, чего искать? И здесь выступает, в ряду других, вопрос о простоте и утонченности: та и другая широко представлены в художественных формах прошлого и настоящего. Практически, решить в пользу простоты, значит—учиться, главным образом, у великих мастеров прошлого, отделенных от нас рядом десятилетий, иногда целыми столетиями, таких, как, положим, Пушкин, Лермонтов, Байрон, Шиллер, Гёте,—и у тех, кто из позднейших ближе к ним в этом. Новейшие же школы старой культуры, сосре-

доточиваясь особенно на разработке формы, довели ее до такой сложности и утонченности, о каких и не помышляли их великие предшественники; стоит только сравнить хотя бы русских модернистов—Бальмонта, Брюсова, Блока, Белого и других—с их общим учителем—Пушкиным. И так, вот новое содержание, входящее в жизнь; оно огромно по масштабу, исходя из миллионных масс; оно грандиозно по значению, заключая в себе невиданно-революционную тенденцию в труде и борьбе всего человечества; оно ново, неразработанно, намечается грубо, проявляется сурово, стихийно. Как бы громадными глыбами обрушивается оно на старую жизнь, потрясая ее в самых основаниях. Что же, возможно вместить его в утонченные, филигранные формы, до которых довели свое искусство художники отживающего, внутренне пустеющего, мельчающего мира? Достаточно отчетливо поставить вопрос, чтобы ответ был ясен. Конечно нет. Только в могучей простоте форм найдет новый художник решение своей задачи; он не ювелир, он кузнец в мастерской титанов.

Валерий Брюсов издал, под названием „Опыты“, сборник образцов поэтической техники. Первый же из этих образцов начинается так: Моря вязкий шум, Вторая пляске дум, Злится—где-то, там, сти, Мнится: это к нам, Давний, дальний год, В ставни спальни бьет.

и т. д.—рифмы в каждом слове. А дальше—стихи с рифмами в середине, в начале, трехсложными, пятисложными, семисложными, с меняющимся ударением, и т. д.; самые необыкновенные размеры, стихотворения в виде треугольника, и такие, которые можно одинаково читать от начала к концу, или обратно, и пр. и пр. Мыслимо ли с подобными ухищрениями совместить не то что великое, а сколько-нибудь значительное, даже хоть просто разумное содержание? И если даже не идти до таких крайностей, но вообще стремиться к усложнению и тонкостям формы, то не будет ли это неизбежно лишней растратой сил, ослабляющей дух работы, и тем самым принимающей ее смысл? Разве не придется поэту, ради каких-нибудь трудных звуковых соотношений, жертвовать внутренней жизнью образов и идей, подбирая слова к словам?

Форма, художественная, как и всякая иная, имеет организационное значение. Это не что иное как способ стройно сочетать элементы содержания, т. е. организовать его материал. Всегда и всюду способ организации зависит от подлежащего ей материала; форма не может не зависеть от содержания. И если усложненность формы соответствует содержанию уже развитому, но мельчающему, упадочному,—то простота, характеризующая великих мастеров, связана именно с содержанием грандиозным и развивающимся, или высоко развившимся, но еще не приходящим в упадок. Гёте и Шиллер, а у нас Пушкин, Лермонтов отразили рождение и рост новых условий и новых сил жизни, под ем буржуазной культуры, оттеснявшей и подчинявшей себе старую, феодально-аристократическую. И с этой стороны они, конечно, более родственны работникам нарождающейся пролетарской культуры, которая, в свою очередь, должна сменить всю прежнюю, растворивши в себе ее лучшие элементы.

Как развитие капитализма заключало в себе рождение и рост не только капитала, но и пролетариата, так и буржуазная культура в своей восходящей фазе скрывала в себе, хотя еще тогда и неуловимые, зародыши и возможности иной, высшей культуры. Капитализм развивал связь мирового сотрудничества; и как ни маскировалось оно его анархической борьбой от сознания людей,—но великие организаторы чувства и мысли силою своего

гения разрывали иногда эту завесу и поднимались до предчувствия, до смутного понимания коллективистического идеала. Поразительнее всех Гёте. Он изобразил в „Фаусте“ скитания человеческой души, которая ищет гармонии с миром, стройно-целостного существования. В чем же она его, после долгих усилий и многих попыток, наконец, находит? В *труде*, и труде не для себя, а на пользу коллектива, человечества. Тут еще нет, разумеется, завершенной формы коллективизма, нет идеала товарищеской связи, — но есть такое приближение к нему, которое выходит далеко из рамок буржуазного сознания. Более того, Гёте способен был возвыситься до коллективистического понимания труда вообще, и даже там, где для индивидуалиста оно всего более недоступно и непринемлемо — по отношению ко всему делу своей собственной жизни. Вот что говорил он о себе за два месяца до смерти: „Что такое я сам? что я сделал? Я собрал и использовал все, что я видел, слышал, подмечал. Мои труды вскормлены тысячами различных людей, невеждами и мудрецами, умными и глупыми; детство, зрелый возраст, старость — все приносило мне свои мысли, свои способности, свои надежды, свой жизненный строй; часто я снимал жатву, посеянную другими. Мое дело — труд коллективного существа, и он носит имя Гёте¹⁾“.

Много ли даже теперь найдется социалистов, которые умели бы так объективно понимать роль своей личности в процессе труда и развития общества? И не ясно ли, что для нас, коллективистов, такие гении прошлого являются лучшими учителями, несравненно более близкими и родными, чем их вырождающиеся эпигоны?

Есть и новейшие великие поэты, близкие пролетариату, хотя и не являющиеся пролетарскими поэтами, — поэты трудовой демократии, социалисты интеллигентны: бельгиец Верхарн, латыш Райнис. Их связывает с рабочим классом общий идеал; но стать прямыми выразителями и организаторами пролетарского художественного сознания они не могли, потому что воспитались и выросли в ином мире. И они, конечно, для наших молодых пролетарских поэтов учителя гораздо лучшие, чем все наши новейшие декаденты, модернисты, футуристы и пр., хотя бы и перешедшие со вчерашнего дня на сторону революции²⁾.

Посмотрите, каковы даже крупнейшие из этих эпигонов, до чего они неустойчивы и ненадежны в своем содержании. Во времена спокойно-реакционные они заняты всецело индивидуальными переживаниями — эстетическими, эротическими, мистическими и т. д. Вспыхивает война, и они уже кровавые патриоты; приходит революция — и они охвачены нелом борьбой за высшие идеалы; затем злая реакция, — и снова эротика, вплоть до всевозможных извращений, мистика, теософия, и пр. и пр. Зинаида Гиппиус, лучше чем кто-либо их знающая, потому что сама принадлежит к их поколению, так характеризовала их поведение во время войны:

Хотелось нам тогда, чтоб помолчали.

Поэты о войне,

Чтоб пережить хоть первые печали

Могли мы в тишине...

Куда тебе! поделались зверями:

Война, войне, войны!

И крик, и клич, и хлопанье дверями,

Не стало тишины...

¹⁾ Приведено в печатающейся теперь работе тов. Лихтенштадта (Мазина), убитого в прошлом году на северо-западном фронте. Заглавие: „Гёте. Борьба за реалистическое мировоззрение“. Работа во весь рост рисует фигуру Гёте, как великого натуралиста и передового мыслителя своего времени.

²⁾ Верхарн у нас еще более или менее знают, по переводам Вал. Брюсова и других; Райнис же совсем мало известен, — есть немногие переводы в „Латышском сборнике“, изд. Горького. Но теперь печатается большая монография о нем тов. П. Г. Дауге, которая ближе с ним познакомит нашу публику.

Как ток, призыв сирены ранний
Пронзил неласковые дни,
А в корпусах фабричных зданий
Зажглись железные огни.
Электропламенные токи
Ее пылающей руки
Сведают снова с труб высоких
Мимоз венчальные венки.

И приблизительно так написана вся поэма. Читается в роде ребуса: есть образы, иные даже яркие, но связь их непонятна, а частью они непонятны и сами по себе, дешифрируй, кто хочет. Может быть, специалисты по новейшим школам „туманов“ и „марев“ сразу поймут, но много ли таких специалистов, и стоит ли для них писать? А если нет, то для кого? Или только для себя, чтобы „вылить свою душу“, „свое настроение“? Но тогда зачем печатать? И главное, *пролетарский* поэт, не изменяя себе, не может стать на эту точку зрения; она противоречит его классовой природе — *духу коллективизма*.

Поэт прежнего типа, по существу, также идеолог некоторого коллектива — класса или группы. Но как он относится к этому коллективу, своей „публике“? Сознает ли он свою связь с ним, отдает ли ему свою душу, понимает ли себя, как его выразителя и работника-организатора? Нет, потому что те классы и группы, построенные из обособленных личностей, чуждых друг другу, частью равнодушных, а частью и ожесточенно борющихся между собою за мелкие интересы, не могут порождать в своем идеологе чувства живого единства с коллективом. Там „публика“ для поэта либо просто неизвестная величина, либо отчасти известная, но входящая в его расчеты лишь как орудие его карьеры, нередко даже — „чернь“, неспособная вполне понять и оценить его творчество. Тете в посвящении к „Фаусту“ говорит:

Неведомой толпе пою я гимн священный,
Чья самая хвала чужда мне и страшна.
(Перевод Холодковского).

А вспомните как Лермонтов характеризовал ту ближайшую публику, которая окружала Пушкина и его самого, через головы которой они говорили к неизвестному читателю? „Презренные потомки известной подлостью прославленных отцов“. Понятно, что о такой публике желательно как можно меньше думать, в процессе творчества ее необходимо вполне забывать, „творить“ всецело из себя и для себя; и если поэт чувствует, что его дело шире и выше его маленького „я“, то приписывает его „вдохновению“, „Музе“, — фетишам, под которыми скрывается голос коллектива, его опыт, его стремления, идеалы.

Иное — поэт пролетарский. Он воспринимает свой класс через ближайшую товарищескую среду — своей фабрики, союза, партии; для него это не просто чужие люди и не досадные конкуренты, среди которых надо пробиться, а сотрудники в деле жизни; и так как он поэт, то он чувствует это непосредственное и сильнее других. Если же этого нет, то он сколько угодно может быть и пролетарием и поэтом, но пролетарским поэтом он не будет. Пролетарский поэт, следовательно, носит в себе свой коллектив, сливается с ним душою, с ним работает в поэтическом творчестве, как во всяком другом труде и борьбе. Стремление быть ясным для него неизбежно; ибо ясность — это доступность коллективу, это элемент коллективизма.

„Монна Лиза“ не есть произведение пролетарской поэзии, хотя она и написана пролетарием, хотя в ней есть и картины завода и прославление рабочего восстания, все, что официально полагается. Всего этого мало. Внутренним сотрудником автора, регулятором его работы не был живой образ его коллектива. Этот образ был замещен представленном о тех не-

В раньше приведенной главе с первых же строк: «фонари дрожали, а от них птицы в асфальтах скользят, и тут же опять — копыта долбят». Прямо раздражающее сплутывание времен, которое портит всякое впечатление; и оно повторяется чуть не на каждом шагу. Или, в седьмой главе: «А небо, чем земля печальней, притягивает и манит», и т. под. и т. д.

Пролетарскому поэту не легко справиться с технической грамотой своего дела, — это его несчастье на первых шагах, оно неизбежно в силу объективных условий классовой жизни. На первых шагах это, впрочем, и не так важно, пока читатель-пролетарий сам еще в зародышевом состоянии. Но затем это непременно надо преодолеть. И при живом общении в работе, — а наши поэты не одиночки, они группируются в студии, в кружки, — преодолеть не так трудно, досадные мелочи, искажающие форму, можно устранять заранее, до напечатания работ. В Европе пролетарские писатели уже давно покончили с привилегией полуграмотности.

Как отнесутся „великие мастера“ и близкие к ним критики к произведениям в роде „Монны Лизы“? Надо полагать, весьма снисходительно. Это для них приятное разочарование. Они с тревогой смотрели на идущих в литературу таинственных незнакомцев, у которых есть какая-то новая, чуждая точка зрения, какое-то новое, непривычное содержание. И что же? Оказывается, не так страшно. Приручаются, и выходят совсем милые, скромные ученики-подражатели. Мечтают конкурировать, — но не серьезные же это конкуренты, когда еще и грамотой не вполне овладели, а увлекаясь тонкостями, может быть, так и не овладеют. Чего же лучше! надо только поощрять их на этом пути. И, кажется, поощряют. Но торжествовать не придется. Единичны, может-быть, и совсем сойдутся с толку, это не исключено, хотя ничего непоправимого еще нет. Не в единичах дело, хотя бы и талантливых. А для нового, пролетарского художника вообще смешно будет и самая мысль состязаться в утонченностях с ювелирами формы, поставщиками самих лучших брильянтов из самого лучшего стекла. Конечно, сравняться с ними он никогда не мог бы. Но подняться безконечно выше их — дело другое, это для него возможно, и это будет.

Итак, простота формы наиболее естественна и нормальна для пролетарского художника, наиболее соответствует его социальной природе на современной ступени развития.

В одной статье о пролетарской поэзии я пытался ближе определить, исходя из условий труда, самый тип этой простоты, и высказаться в том смысле, что она, в общем, должна характеризоваться правильностью ритма. На фабрике и заводе господствуют правильные ритмы движения машин, на которых концентрируются трудовое внимание и воли рабочего. Среди этого „стального хаоса“, — говорил я, — переплетаются волны разных, но в общем механически точных ритмов; своими безконечно повторяющимися ударами, они выкупают по своей мере словесные образы рабочего поэта. Впоследствии, когда ему станут более доступны ритмы живой природы, где меньше механической правильности и повторяемости, это однообразие сгладится само собой¹⁾.

Эти мысли вызвали полемику со стороны В. Львова-Рогачевского в книге „Поэзия новой России“. Он их решительно опровергает, апеллируя к истине подавляющим авторитетам.

Первый, это Леон Базальжет, „один из лучших биографов Верхарна“, как его рекомендует критик. Базальжет пишет о Верхарне: „Тайна искусства его мне открылась, когда я пребывал среди гулов, ударов молотов пыхтеня машинного отделения, когда я вслушивался, как задыхается локомотив, и когда заатлантическая сирена разрывала воздух своим ревом“²⁾. И критик восклицает:

¹⁾ Искусство и рабочий класс, изд. Центр. Пролеткульт, стр. 74.

²⁾ Цит. по книге Львова-Рогачевского, стр. 160.

«В то время как Леон Базальжет свободный стих Верхарна с разнообразием ритмов почувствовал среди машин и гудков города, в это самое время А. Богданов основания „однообразия и правильности“ находит в тех же самых условиях. У него по-другому слышат уши, по-иному смотрят глаза».

Прежде всего, я спрошу, где фактически взял Верхарн свой „свободный стих“. На заводе? „в машинном отделении“? Так, повидимому, думает критик, и, может-быть,—по цитате не вполне ясно,—Леон Базальжет. Но это совершенно противоречит именно биографии Верхарна. На заводе он, как и всякий интеллигент, был только „гостем случайным“, не там жил, не там воспитывался. И, наконец, почему не спросить его самого, ведь, он-то, наверное, знает, откуда его стих. А как он отвечает? Увы! в неожиданном, но полном согласии с „совершенно чуждым вопросам искусства А. Богдановым“, он говорит: из ритмов живой природы. В своей поэме „Эско“ (книга „Вся Фландрия. Герои“) он с такими словами обращается к родной реке, Шельде Эско, „прекрасной и дикой“:

Ты телу мощь дала, душе дала горенье,
Движенье волн твоих—размер моим стихам...

(Перевод В. Брюсова).

Как же это так вышло? Недоразумение двух критиков легко будет разъяснить, но сначала надо остановиться на двух других авторитетных опровержениях.

Цитируется пролетарский поэт Илья Садофьев; „У врат грядущего“, из сборника „Динамо-стихи“.

Слепцы! помните, что все то, что замкнуто вами

В условную, беззубую, мертвую догму,

В размерную, ритмичную форму,

Уже не живет.

И что создается по старым законам,

Тотчас умирает.

Мы, восставшие, разбившие рабства оковы,

Призваны разрушить и старые догмы,

И формы.

Ибо созданная нами поэма

Сама—Жизнь...

„Этот отрывок,—говорит российский критик,—своего рода манифест пролетарских поэтов о характере их поэтики“. И опять впадает в скандальное недоразумение. В отрывке нет ни слова о „поэтике“. Критик просто не понял стихотворения, и его метафоры принял буквально. Там дело идет о реальной „Поэме из Поэм“. Так называет Садофьев не что иное, как Советскую Республику. Эта Поэма, „вписанная в историю кровью и железом“, сменяет старые „поэмы о покорности Року, Медным Всадникам, т.-е. старым порядком жизни и душевный строй масс. Эту Поэму представители прошлого,—в образе „учителя словесности“, „поэта любвей“, „жирного молаха“, „Литературных Знаменитостей“, возмущенно и злобно критиковали:

„Это не Поэма, а Повесть!

Скверная, грубая, нерашливая!

Безграмотная и безформенная!

Авторы не знают законов стихосложения,

Размера и ритма“...

„Динамо-стихи“. Изд. Петерб. Пролеткульт, стр. 13—15.

Всякий толковый человек, несмотря на метафоры, поймет, что тут дело идет острое реальных человеческих отношений, об экономике и политике, а вовсе не о „поэтике“. И даже „не чуждый вопросам искусства“ критик мог бы догадаться, что это не „манифест поэтики“, если бы заметил, что в том же сборнике „Динамостихи“ Садофьев пользуется больше правильными ритмами, чем свободным стихом.

Третья авторитетная цитата — из А. Гастева, стихотворение в прозе „Звоны“ (книга „Поэзия рабочего удара“), сопоставляющее весенние звоны природы со звонами машин на заводе. Не привожу его ради краткости; но все, что в нем относится к вопросу, может быть резюмировано так: в жизни завода есть много разнообразных звуков; большинство их, конечно, правильно-ритмичны (скрип проводов, вой моторов, скрежет подъемных цепей, „дробь“ шестерен, и т. д.); иногда эти ритмы расстраиваются, — именно, когда „не ладится завод“ в самой работе. Все это, может быть, ново для критика, „не чуждого вопросам искусства“, но не для „почтенного экономиста“, как он меня язвительно величает, подчеркивая мою некомпетентность. Ну, а вывод какой?

Поставим предварительный вопрос: образуют ли разные, но в общем правильные ритмы, переплетаясь между собою, что-либо в роде „свободного ритма“? Отнюдь нет.

Свободный ритм есть один непрерывный ряд с изменяющейся закономерностью, а не несколько сплетенных одновременных рядов. Если вам станут читать одновременно и параллельно несколько стихотворений различных правильных размеров, разве это образует музыку подобную той, какую дает чтение одного стихотворения со свободным размером? Русский критик, а может быть, и его французский авторитет, смешали „хаос звуков“ со свободным ритмом; а это вещи совсем разные.

Но и „хаос звуков“ завода, является хаосом только для случайно зашедшего туда интеллигента, который ничего не понимает в происходящем. Рабочий завода необходимо воспринимает *каждый ритм отдельно*: для него нет хаоса, все анализируется, все знакомо. И те ритмы, которые правильны, так и ощущаются, как правильные; а таких, несомненно, большинство, ибо машина — да будет это ведомо почтенному критику — есть не что иное, как механизм; и ее движения механичны, а не „свободны“.

Далее. Физиологическая психология говорит, что формирующее влияние на нервную систему имеет то, что воспринимается активно, что связывается с ее собственными ответными усилиями. Поэтому наибольшее такое влияние на каждого рабочего имеет именно та машина, на которой он работает, ритмы движения разных ее частей, к которым он прикован вниманием и волей. Правильность *этих* ритмов определяет гармонию его движений, вибраций его нервного аппарата; а неправильность означает врывающуюся *нарушение* хода работы, и есть сигнал для ряда усилий, направленных к *восстановлению правильности*.

Итак, вот научные основания, по которым правильные ритмы естественнее и ближе для индустриально-пролетарского поэта при *нынешней* организации производства, чем ритмы свободные. Но это отнюдь не означает, что первые обязательны. Если поэт чувствует, что содержание требует иного, — как это и есть в цитированном стихотворении Садофьева, где дело идет о революции, отменяющей все обычные ритмы жизни, — то он и станет писать иначе, будет ли это легче или труднее. Я высказывался только против *искания* трудностей, вытекающего из чрезмерного увлечения формой, которое вредит выработке нового содержания. И здесь критик с сознанием своего превосходства издается над моими „допотопными“ взглядами, над „наивным прописыванием более легкой формы“. Конечно, „новые формы труднее“, — говорит он, — но революция в содержании связана с революцией формы. Кто же этого не знает? Но если бы г. Львов-Рогачевский был „не чужд“ хотя бы вопросам о законах исторического развития, он знал бы, что революция со-

держания необходимо идет впереди революции форм, а не параллельно с нею.

Критик весьма одобряет борьбу с трудностью формы у Герасимова. Он в восторге от „Монны Лизы“, и говорит об этой поэме так:

„Поэт с редкой оригинальностью воспеваает красоту залитого светом завода; эта красота воплощается у него в образе той Монны Лизы или Джоконды, которую увековечил на своем полотне Леонардо да Винчи“ (стр. 147).

Вот яркая иллюстрация того, к чему ведет чрезмерная „трудность“ формы. Воображаю, что должен быть чувствовать бедный поэт, читая такую похвалу!

Воплатить красоту завода в Монне Лизе, это примерно то же, что воплотить величие американских небоскребов в Мадонне Сикстинской. От такого истолкования, как говорит пословица, у слона подкасаются задние ноги! А поэта, если он слабый, то и совсем убить можно.

Что угодно, только не это! Очень туманно написана поэма, но смысл ее не столь чудовищен. Я не берусь точно формулировать ее художественную идею. Повидимому, в Монне Лизе поэт символизировал именно ту красоту, который нет у завода самого по себе, которой ему не хватает, которая приходит к нему извне, должна дополнить его: красоту женственности, природы...

Поэт, повидимому, хотел именно повенчать очарование могучей техники с иными, более тонкими очарованиями... Но, теперь, я думаю, он сам видит, что это надо было сделать как-то яснее и проще. А „почтенный критик“ также должен убедиться, что „трудная форма“ поэзии даже для него имеет свои неудобства.

Но довольно о гг. Львовых-Рогачевских. Пролетарская поэзия — вещь более серьезная.

Чему должен учиться пролетарский поэт? Всему важному и глубокому, в природе и в обществе. Где учиться? У науки, организующей опыт прошлого и настоящего в понятиях, у искусства, делающего то же в образах. Кого брать в учителя? Тех, кому можно верить: в настоящем — свой родной коллектив с его революционной идеологией, в прошлом — тех, кто широко прокладывал ему пути своей великой творческой силой. Тогда нет опасности заблудиться.

А. Богданов.

Пути пролетариата в изобразительном искусстве¹⁾.

Изобразительное искусство, представляя собою всегда какую-либо обработку взятого извне материала, является прежде всего техникой. Но уже одно то, что этот вид техники имеет свое особое название, заставляет нас подозревать у него наличие таких особенностей, которые и делают его искусством. И в самом деле, в то время, как обычная техника имеет своей исключительной целью удовлетворение наших практических потребностей, искусство (напр., станковая живопись)²⁾ не только может игнорировать последние, но в свою очередь требует, чтобы каждый предмет, вышедший из рук художника, радовал нас своей формой, своими внешними чувственными признаками. Иначе говоря, искусство есть такой род техники, где любой продукт удовлетворяет нас совершенно непосредственно, помимо его применения, его цели, даже его практического смысла (отсюда, разумеется, не следует, будто искусство исключает целесообразность: древне-греческие вазы, будучи высоко-художественными, великолепно служили жителюским нуждам эллинов).

¹⁾ Статья печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

²⁾ Переносная, выражающаяся в рисовании картин на мольберте (станке).

Какое же условие, спрашивается теперь, необходимо для того, чтобы технический продукт был художественным произведением? Данное выше определение в качестве такого условия требует свободы творчества: лишь непосредственная деятельность может дать результаты, удовлетворяющие нас непосредственно. То, что ограничивает эту деятельность, убивает эстетическую ценность продукта; шаблон, подчинение заказчику, потребителю, механизму, — всякое внешнее принуждение является губительным для искусства, которое, таким образом, можно определить, как независимую, свободную технику, могущую поэтому всесторонне и гармонически выявлять человеческое творчество.

Такова потенциальная способность искусства, при чем, в зависимости от тех или иных исторических условий, она меняется, то увеличиваясь, то ослабляясь.

Пролетарская критика, задающаяся положительными целями в области художественного творчества и желающая наметить его пути в ближайшем и дальнейшем будущем, не может не остановиться с особенным вниманием на том художественном наследстве, которое досталось рабочему классу, а главное на тех причинах, по которым это наследство не может удовлетворить нынешних строителей жизни.

Нет более жгучей проблемы, нет более основного вопроса для философии искусства, чем проблема эстетической культуры. Искусство и жизнь! Как связать два столь разнородных, повидимому, понятия? Как влить, выражаясь высоким стилем, вино искусства в бокал жизни? Эти вопросы камнем преткновения стояли перед буржуазной наукой и буржуазной практикой, неразрешенные и неразрешимые в условиях капиталистического общества.

Действительно, как было указано ранее, искусство в качестве необходимого условия требует независимо-свободного труда. Между тем гибнущий сейчас строй или исключает такую возможность или отрешает свободное творчество от строительства жизни.

Эпоха машинного капитализма характеризуется, во-первых, скоплением орудий и средств производства в руках частной собственности, во-вторых, массовым механизированным производством и, в-третьих, анархической стихийностью экономического развития. Не рынок для человека, а человек для рынка, — такова парадоксальная формула капиталистического хозяйства. При таких условиях ни пролетарии, эти единственно подлинные, но зато подневольные строители жизни, ни собственники, являющиеся нетрудовым элементом общества, не могут стать создателями эстетической культуры. Рабочий подчинен машине, а фабрикант — железному закону конкуренции. Свободному творчеству нет места в частно-собственническом производстве, и, следовательно, основной поток общественного развития оказывается китайской стеной отделенным от художника. В руках последнего остается одно ремесло. Но если в цеховом обществе далекого средневековья художник и практик были связаны в одно целое общими орудиями труда (ремеслом), то в обществе капиталистическом художник должен или погибнуть в бесплодной борьбе или уйти на задворки жизни, творить вне ее. Мало этого: там он работал на потребителя, — здесь его произведения становятся рыночным товаром, а их автор непроходимой гранью отделяется от масс, вырабатываясь в утонченного индивидуалиста.

Так экономика диктует свою волю „надстройке“. И мысленно просматривая историю европейского искусства за последние столетия, мы должны констатировать постепенное умирание прикладного искусства, постепенное превращение законченных стилей в искусственную стилизацию, постепенное искажение конструктивной (т. е. практически-целесообразной) обработки предмета в произвольную и внешнюю декоративность. Одновременно с этим приходится отмечать непрерывный рост „чистого искусства“, а именно станковой живописи. Отсталая форма техники не может быть практически полезной: ее удел — специализированная виртуозность, ее путь — индивидуалистическое „комнатное“ творчество, за неимением реального витающее в заоблачных просторах фантастики или узких пределах подражания природе.

Одна архитектура, на первый взгляд, должна была бы избежать мертвящего дыхания капиталистического сирокко. Однако и тут грандиозный, стихийный рост городов и спекулятивная погоня за наживой превратили наши улицы в каменные коридоры, по бокам которых шабонизированными рядами вытянулись ящикообразные дома современности. Не художник, а инженер был теперь нужен домовладельцу. Художественная архитектура стала изучаться в академиях искусств, а инженерное строительство в политехниках.

Этот процесс начался еще в эпоху городского хозяйства. Лишь ранний Ренессанс во главе с гениальным итальянским архитектором Брунеллески (1379-1466 г.г.) сумел создать нечто самостоятельное в области конструктивных элементов архитектуры („рустика“); вся последующая история последней представляет собою лишь комбинированную переработку античных и других мотивов,—переработку выдержанную и стильную, пока у власти находилась родовая, строго хранящая традиции аристократия; а затем эклектическую и часто безвкусную. Но любопытно, что даже в первом случае все новое ограничивалось исключительно чисто декоративным моментом. Разучившись строить, стали украшать, и вполне понятно, что украшения эти оказались только внешними, только поверхностными: таковы „картуши“ бароко, таковы раковины и уски рококо. А разве парик, эта необходимая декорация человеческих голов того времени (бароко XVII в. и рококо XVIII в.) не является интересным представителем „обстановочного“, по преимуществу, искусства.

Господство буржуазии нанесло последний удар художественной архитектуре: французский *empire* („ампир“) (конец XVIII и начало XIX в.) был ее последней грустной улыбкой. Архитектор, не связанный с коллективной практикой, индивидуалист, живущий лишь собственными вожделениями,—его творчество не могло быть современно-жизненным. Тем более, что в XIX и XX веках художники приглашались для постройки только роскошных, типично выставочных зданий, а так как собственного, органического стиля не было, то перед нами вырастают храмы под Грецию, дворцы под Рим, музеи под Ренессанс. И все это размещается среди безобразного нагромождения нынешних домов, случайно, как попало, неорганично. Искусство стало розой, сорванной со своего куста, розой, украшающей навозную кучу.

Параллельно с умиранием художественного зодчества шло отделение от него скульптуры и живописи. Этому способствовал индивидуализм менового хозяйства и техническая специализация, при которой прежнему синтетическому единству всех искусств не было уже места: их дифференциация завершилась к XIX веку; больше всего отозвавшись на скульптуре. Представляя собою обработку поверхности материала во всех трех его измерениях, скульптура мыслима, как составной элемент или здания или зданий, т.е. улицы, площади и т. п. Но одновременно с процессом отделения скульптуры от зодчества развивался другой, не менее роковой процесс: широкая общественная жизнь, выносившая свои печали и радости, плоды своих вдохновений и результаты своих трудов на улицу, мало-по-малу сходила на нет; ее заменял узкий и эгоистический семейно-квартирный быт. Кроме того, как это уже было упомянуто, строительство городов определялось не свободной организованной волей людей, а безличными требованиями рынка. Что здесь было делать искусству? Скульптура или стала казенной и вульгарной демонстрацией классового господства в роде Sieges-Allee („аллея Победы“) в Берлине,—или, замкнувшись в мастерской художника, пошла на службу индивидуальной идеологии. Крупнейшие скульпторы последнего времени представляют собою или стилизаторов (А. Гильдебрандт)¹⁾ или философов (Роден)²⁾, или, наконец, пропагандистов-общественников (К. Менье)³⁾; все они меньше всего являются художни-

1) Немецкий скульптор (род. в 1847 г.)

2) Французский скульптор (род. в 1840 г.)

3) Бельгийский скульптор (1831—1904 г.)

ками, все они, как творцы прекрасного, должны были стать вне жизни, вращаясь в заколдованном кругу „литературных“ сюжетов.

В той же „сюжетной“ кабале оказалась и живопись, а „картина“ стала единственным поприщем красочных достижений. Правда, картины, т. е. изображения в красках, существовали и раньше. Но если джоттовские¹⁾ фрески служили наглядной передачей францисканских легенд, то не надо забывать, что в то же время они являлись линейной и живописной орнаментацией стеной плоскости; даже иконописное, по существу, станковое ремесло древней Руси или Италии исходило из тех же орнаментальных заданий. Совершенно иное положение занял живописец капиталистического общества. Его произведения — продукты замкнутого субъективного творчества, и художественная форма в них облекает не реальный предмет, а одну только иллюзорную видимость „содержания“ („нарисованного“ человека, „изображенное“ море, „сделанную“ лилию и т. д.) Вот отчего иной живописи не может себе часто представить даже революционное мышление, привыкшее к „видам природы“, „сценкам из жизни“, „психологическим этюдам“ и запутавшееся в трех соснах знаменитой проблемы о форме и содержании. Вот откуда и аристотелевская теория подражания и догматические требования натурализма.

Буржуазный художник, не имея возможности, а иногда просто не умея окрашивать („ремесленничество-маларам“), занимается „живописанием“. В громадном большинстве случаев перспективные эффекты и ухищрения светотени составляют его формальную задачу, „изображение“ — его сюжетную цель. Тройной обман! Тройная иллюзия! Так как, во-первых, плоскость (поверхность картины) не имеет трех измерений, так как, во-вторых, „изображенное“ не существует реально, и так как, в-третьих, художественная форма загоняется в дальний угол нашего внимания сюжетным построением автора.

Но оправданная эстетически даже в таком виде, станковая картина фатально лишается жизнеспособности: капитал не нуждается в красоте. И вдохновенные плоды гениальных художников находят себе приют только в мастерской, только на выставке, только в музее. Не условия обихода окружают их, а какая-то специальная, сценическая, выдуманная обстановка. Как характерно, что такая картина нуждается в рамке! Однако представим себе особенно благоприятное стечение обстоятельств: картина попадает в частное жилище, т. е. в самое нутро жизни. Если владелец этого жилища крупный капиталист, то он устроит из „своих“ картин галерею, проще говоря, тот же музей; если это — средний буржуа, то он повесит купленную вещь на стену какой-либо из своих комнат. Можно было бы спросить: на какую стену, в какой комнате? Но ведь это совершенно „безразлично“. В условиях рыночного товарообмена, разве связывает что-нибудь продавца с покупателем, кроме денежных отношений? И шедевр Тернера²⁾ оказывается по соседству с безвкусной олеографией, повешенный (!) на аляповатых обоях „шикарной“ гостиной, не сливаясь с ней, не вырастая из нее органически.

Тщетно художники прошлого пытались вернуться к старинному примитиву: история вспять не идет. После долгих, часто драматических усилий они впадали либо в явную стилизацию (Пювис-де-Шаванн³⁾), либо в утонченную игру символов, ничего общего с живописью не имеющую (Бери-Джонс⁴⁾, Овербек⁵⁾). И лишь в последнее время, после того, как импрессионизм довел до логического конца все устремления предшествовавших мастеров, европей-

¹⁾ Джотто — итальянский живописец (1267—1337 г.г.).

²⁾ Английский живописец-пейзажист (1775—1851).

³⁾ Французский живописец (1827—1898).

⁴⁾ Один из крупнейших представителей английской школы так называемых „прерафаэлитов“ 1833—1898). „Прерафаэлиты“ призывали вернуться к идеалам итальянских художников XIV и XV веков (т. е. до Рафаэля).

⁵⁾ Глава немецкой „назарейской“ школы (1789—1869) хотел соединить простоту формы христианскими сюжетами.

ское искусство повернуло к подлинному реализму. Количество переходит в качество. Субъективизм, обостренный вплоть до пресловутого „разорванного сознания“, убил в художнике всякий эстетический интерес к внешнему миру, как таковому; все больше и больше живопись отрешается от „изображения“, все откровеннее сюжет обнаруживается лишь в качестве подходящего повода к живописным, чисто формальным построениям. Недаром nature-morte, этот самый бесстрастный, самый мертвый из объектов художественного вдохновения, занял господствующее положение в картинах новейших школ. Однако и здесь неореалистическое оздоровление живописи идет, по вполне понятным причинам, путем крайнего индивидуализма. Дело в том, что возврат к созиданию конструктивной формы оказался в условиях буржуазного общества возможным опять-таки только в пределах комнатных измышлений, только на узком поле станковой картины, будучи неприложимым к жизни, оставаясь порождением субъективной фантастики, непонятной для масс и трагичной для художника (кубизм, футуризм и т. п.).

Капиталистическое хозяйство, не допускающее гармонического развития личности, заставляет человека творить красоту, которая есть выражение этой психо-физиологической гармонии, вне своего житейского пути, создавать, следовательно, фантомы, превращать художественное творчество в произвольную игру воображения.

(Само собой разумеется, что прекрасное от этого не перестанет быть прекрасным,—дело не в этом. Важно, чему оно служит; важно, на каком оно месте; важно, затушевывается ли оно посторонними, часто уничтожающими его смысл элементами. А в такой плоскости никакого сомнения в правильности нашего диагноза быть не может).

Искусство—иллюзия, искусство—игра, вот альфа и омега буржуазной эстетики. Иоган Фолькельт, один из характернейших ее представителей, пишет: „мир искусства несомненно мир призрачный“, и еще сильнее: „образцы искусства существуют и могут существовать только как призраки нашего воображения“¹). Немецкий ученый не сознает, какая самоуничтожающая критика всей идеологии его общества заключается в вышеприведенных цитатах. Призраки могут удовлетворять или больных психически или больных социально, тех, кто в реальной жизни не имеет возможности развернуть свои дарования, в данном случае, дарования художественные. Такой возможности не существует в условиях капиталистического хозяйства, и Фолькельт был бы только тогда прав, когда в обоих фразах перед словом „искусства“ добавил бы „буржуазного“.

Но никогда, быть-может, невольная ирония над собственным мировоззрением не достигала такой язвительной силы, как в словах другого немецкого исследователя, Карла Гросса. „Искусство“ (подразумевай: буржуазное Б. А.), пишет он, „в эстетическом смысле превосходит действительность прежде всего тем, что по отношению к созданию искусства игра внутреннего подражания обладает гораздо большею свободой, гораздо большим „простором“ для развития подражательных чувств. Произведение искусства является, так сказать, игрушкой для этой благородной игры и создано исключительно для этой цели. Действительность же существует не исключительно для игры и потому не всегда позволяет с собой играть. Нижеследующие слова могут показаться унизительными для искусства, и все же в них нельзя не видеть ясной аналогии: и ребенок очень охотно играл бы с большою живою собакою, но собака сейчас же огрызается, как только игра зайдет слишком далеко, поэтому ребенок охотнее берется за деревянную игрушку, которая боли не причиняет, которая существует только для игры, не огрызается и не внушает никакого страха. Действительность прежде всего требует к себе серьезного отношения и не всегда допускает игру...²). Здесь отрыв буржуазного художественного творчества от

¹) „Современные вопросы эстетики“, II, 1900, стр. 74.

²) „Введение в эстетику“ Киев, 1899 г., стр. 137—8.

жизни оказался не только осознанным, но и теоретически оправданным; классовое мышление с его догматической узостью приписало особенности своего времени искусству, как таковому, в то же время с разительной очевидностью опровергая взгляды тех идеалистически настроенных критиков, которые считают всякое искусство и во все времена творчеством жизни¹⁾.

Но, как мы видим, художник в капиталистическом мире отнюдь не является творцом прекрасной жизни; он только костюмер ее, только украшатель, и притом частичный и притом временный. В лучшем случае, он—тот ребенок Карла Грооса, который несчастливо пытается заигрывать с „настоящей“ кусающейся собакой. Буржуазная действительность сурово „огрызается“ на него, и ему приходится браться „за деревянную игрушку“. Музей—его храм, театральные подмостки—его жилище. Что вне этого, то вне буржуазного искусства. И художественные произведения лишь в редких местах цветистыми пятнами покрывают уродливые лохмотья буржуазного общества, легко спадающими повязками ложась на его гнойные язвы. Но язвы этим не излечиваются: они требуют операции. Многие художники, болезненно переживавшие трагедию своих неудовлетворенных исканий, не понимали необходимости этой операции, и путь их становился путем индивидуалистического страдания и тяжелого одиночества. Самоубийство Ван-Гога²⁾ и бегство Поля Гогена³⁾ из Парижа к таитянским дикарям,—что может красноречивее свидетельствовать о банкротстве старого общества.

Ныне, когда пролетариат, этот великий хирург человечества, совершает свою историческую миссию, более чем своевременным представляется наметить хотя бы в общих чертах те пути, которые согласно своей классовой роли должен будет пройти пролетариат в области искусства, а также те средства, которыми ему для этого придется воспользоваться. Ибо пролетариату выпало на долю закладывать фундамент нового мира, а фундамент этот определит собою и общечеловеческое дело социалистической культуры.

II.

Непосредственно-трудовое участие в производстве и товарищеское сотрудничество являлись теми характерными признаками, которые отличают пролетариат в любой сфере его деятельности, одновременно определяя и его психологию. Пролетарий всегда реалист-практик, пролетарий всегда коллективист; его творчество практически жизненно, его работа сознательно и тесно связана с общим строительством. В капиталистическом обществе ему не хватало свободы,—он отвоевал ее в процессе социалистической революции, только с нею получив возможность развернуть и провести в жизнь те свои особенности, которые были отмечены выше. Эти же особенности разрубают гордиев узел вопроса о проникновении искусства в жизнь. Основной ошибкой буржуазной науки было то, что проблема эстетической культуры решалась ею в узких пределах специально художественных исследований; ошибка эта заключается здесь в ложной постановке вопроса. Искусство не обладает никакими специфическими—имманентными законами развития, всецело подчиняясь диалектической логике экономических факторов. Иначе говоря, путь к эстетической культуре не может быть найден кабинетными выкладками ученого,—он прокладывается самою жизнью, авангардом которой стал победоносный пролетариат. Задача исследователя—отметить наблюдающиеся явления и, констатировав направление их развития, перейти к научному прогнозу

¹⁾ По мнению Фолькельта, наоборот, «особенное преимущество художественного созерцания заключается в свободе от действительности, в полной от нее отрешенности» (цитир. соч., стр. 26). А вот определение Рихарда Гамана: «Переживание будет эстетическим, когда оно довлеет себе, в себе замкнуто». («Эстетика», М. 1913 г., стр. 18). Гаман характерно называет свое определение «законом изоляции» (там же).

²⁾ Французский художник—демократ. (1853—1890).

³⁾ Французский живописец, порвавший с капиталистической Европой во имя возврата к первобытной простоте (1845—1903 г.г.).

грядущих возможностей. Лишь такой подход обеспечивает от субъективной предвзятости, лишь он является практически полезным: зная дорогу, легче сумеешь по ней пройти. Тем более, что первый верстовой столб уже поставлен: крупное производство в руках рабочих.

В первой главе мне пришлось уже подчеркивать, что внежизненное положение искусства в капиталистическом обществе зависело от того, что свободному творчеству отдельного художника не было места в частно-собственном фабричном предприятии. Совершенно иные предпосылки создаются пролетарской революцией. Машина перестает диктовать свою волю работающему, — теперь, наоборот, она сама становится послушным орудием. Но чьим: отдельного человека, индивидуального разума? Конечно, нет. Ею начинает управлять коллектив, не только владеющий, но и работающий; организатор, руководитель, автор сливаются с исполнителем в одном многоликом существе, согласно и сознательно производящем общепользительный продукт. Тем самым создается возможность творить совершенно свободно, творить в родной себе области, без всякого принуждения извне. Вместе с тем это творчество становится творчеством самой жизни, так как техника с помощью которой вдохновение рождает свои плоды, оказывается техникой современного производства. Художник-пролетарий превращает свою деятельность в жизненно-необходимую функцию, а искусство становится одним из видов квалифицированного труда.

Но что же тогда станет с живописцем? — могут спросить меня: — что будет он делать со своей кистью, со своим мольбертом? Этот вопрос упускает из виду одно существенное обстоятельство: та или иная ступень техники вовсе не характеризует искусства, как такового, — для последнего важно, как человек воспользуется своей техникой, а какой техникой — это уже дело эпохи, страны и т. п. Кисть станет орудием подготовительных операций, мольберт понадобится для этюдов, окрашивать же предмет будет машина, такая же послушная и гибкая в руках коллектива, как кисть в руке отдельного художника. Офортисы, скульпторы, живописцы превратятся в рядовых рабочих, их эстетические искания воплотятся в реальной практике, а художественная форма, разложенная и очищенная от посторонних примесей буржуазными носителями „разорванного сознания“, перестанет служить иллюзии и произвольной игре воображения, перейдя на действительный предмет. Не изображать, а делать — вот что станет девизом пролетарского искусства. Взамен старых делений художников по сюжетам (пейзажисты, портретисты, жанристы и пр.), взамен имманентно-эстетических делений (акварелисты, пастелисты и пр.) вырастут деления производственные: мы будем различать художников-деревообделочников, художников-текстилей, художников-металлистов и т. д.

Так искусство претворится в действительное творчество жизни. А это обязывает нас прийти к еще одному, принципиально важному выводу: творчество художественной формы, будучи нераздельно слито с творчеством практическим, не может быть никаким другим, как только конструктивным, т. е. практически-целесообразным.

Чувственные признаки, слагаясь в сознательно-свободном производстве, должны стать выражением целесообразной применимости. Декоративная сторона вещей тут не будет механически придана им, а органически вытечет из их назначения. Стол или стул не потому назовем мы этим именем, что знаем их смысл, благодаря посредствующему употреблению или привычке, — нет, и стол и стул будут формами и красками говорить нам о своем житейском применении.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, я не могу не остановиться на взглядах тех критиков, которые часто и до известной степени справедливо высказывали сомнения в возможности вообще для произведений искусства стать продуктами крупного машинного производства.

В самом деле. В то время, как любое художественное произведение имеет для нас эстетическое значение лишь тогда, когда оно оригинально и своеобразно, — машина все производит исключительно в массовом масштабе, ибо в противном случае она перестает играть свою роль высшего вида техники. И если машина действительно должна производить в максимальном количестве *одинаковые* предметы, то об искусстве здесь и думать нечего. Шаблон убивает эстетическое впечатление. Последнее, как результат *непосредственного* воздействия чувственных признаков, может получиться лишь в том случае, если они приковывают к себе наше внимание, — иначе говоря, если они *индивидуальны*. Обратно: наш взор будет равнодушнее скользить по *штимпованной* вещи, чем в ней только ее практическое назначение, подобно тому, как мы сейчас относимся к нашим ложкам, вилкам, тарелкам, которые могли бы производить эстетический эффект, обладая далеко не безобразной формой, но не производят его потому, что эта форма вообще не затрагивает нашего внимания, являясь для нас нейтрально-привычной и, следовательно, безразличной и незамечаемой.

Повидимому, этим вопрос о машине решается, и притом решается не в пользу пролетарского искусства. Однако дело тут обстоит не так плачевно, как может показаться с первого взгляда. Да, машина должна производить все в массовом масштабе; да, в этом ее экономический смысл. Однако следует ли из такого чисто количественного ее значения, что качественная продуктивность крупного производства должна быть нивелировкой предметов, сведения их к одному шаблону? Безусловно нет. Правда, стихийный экономический процесс в обществе буржуазном требовал прокрустовы ложа для своих продуктов во имя классовых интересов, руководимых той или иной степенью прибыли. Но для пролетарского творчества вопрос этот теряет свою остроту. Не уничтожая массовой выработки, пролетарский коллектив имеет полную возможность в процессе свободно-согласованного и бескорыстного производства индивидуализировать каждый предмет в желаемом направлении. Здесь уже решение поставленной задачи переносится в совершенно иную плоскость, связываясь с успехами техники. И хотя в настоящее время последняя не вполне отвечает нашим идеалам, то это только доказывает постепенность развития всякой формы человеческой культуры.

Само собою разумеется, что завод или фабрика не исчерпывают всего современного производства; остаются иные области применения труда, и тут окончательно должны отпасть всякие подозрения в шаблоне. Я говорю о широком общественном строительстве, куда войдет и архитектура, и организация санитарного благоустройства, и посадка деревьев, и пути сообщения, и всевозможные другие виды грядущего пересоздания социального быта. Небывало грандиозные и далекие горизонты раскрываются тут перед пролетарским художественным творчеством. Достаточно упомянуть, что во многом и многом впервые в истории человечества проявит себя рука вдохновенного служителя искусства; довольно указать, что в первый раз слово художника возымеет силу при строительстве не только междугороднем, но даже интернациональном.

Однако, самое важное обстоятельство, на которое мне бы хотелось обратить внимание читателя, заключается в самом подходе к применению в этой области художественного творчества, в его, я бы сказал, методе. А метод этот вытекает из тех же черт пролетарской деятельности и психики, которыми определилась для нас и принципиальная позиция пролетариата в его отношении к искусству. Речь идет о коллективизме, при чем понятие это необходимо брать в самом широком истолковании. Коллективизмом называется как товарищеское сотрудничество, являющееся отрицанием индивидуализма, так и глубокое сознание всеобщей и в нетерриториальной связанности пролетарских интересов и задач. Пролетарий не имеет отечества, утверждает марксизм; психология собственной колокольной, своего „я“, даже своей округи чужда

рабочему классу, потому что не такова его деятельность. Вот отчего и в сфере социально-бытового строительства полнее всего могут выявиться его дарования.

Переходя к конкретной обрисовке намечающихся здесь путей, я останавлиюсь на некоторых особенно интересных и, существенно-необходимых пунктах, так как полный анализ потребовал бы слишком много места, не отвечая тем целям общей постановки вопроса, которыми я задавался в этой статье и при которых всякий конкретный пример должен служить простой иллюстрацией высказываемого положения. Одно из самых важных мест в будущей пролетарской практике, без сомнения, займет архитектура. Но не в виде отдельной постройки одного дома, а в качестве составного органического элемента в строительстве городов; архитектурные планы будут охватывать улицы, площади, даже целые города с их садами, парками, подземными путями, осветительными и канализационными сооружениями. Постепенный рост техники станет сопровождаться руководством со стороны тонкого художественного вкуса, превращая города в стильные и конструктивные создания монументального искусства. Силой государственной диктатуры станут рабочие воплощать в жизнь свои величественные замыслы, прокладывая путь свободному творчеству социалистического строя. Инженер и художник сойдутся товарищами в общем труде. И как это ни странно, быть-может, для современного сознания, но я глубоко убежден в том, что не так далеко время, когда можно будет увидеть творцов прекрасного на железной дороге, на морских верфях, на агрономических работах. Возникнут новые виды художественных специальностей; появятся новые методы преподавания техники: жизнь примет небывалые, радостные формы.

Развернутая только что картина оказалась бы, однако, незаконченной, если бы оставлен был в стороне один из злободневнейших объектов современных художественных споров. Спрашивают: что же станет со всеми теми видами искусства, которые так пышно процветали до сих пор? как и в какую сторону разовьется скульптура? что произойдет с живописью станковой, фресковой и т. д. и т. д.?

Вскрывая действительное содержание этих вопросов и сводя их к одному, целесообразнее поставить его в следующей более ясной и более откровенной формулировке: выживет ли искусство, как „изображение“?

Марксизм отвечает на него в общей форме так: выживает все необходимое и полезное для жизни, погребает все ненужное, все, могущее быть замененным высшими и совершеннейшими средствами, выполняющими ту же задачу.

Итак спрашивается: нужна ли будет пролетариату статуя, нужна ли будет ему картина?

Прежде чем ответить на данный вопрос, придется самым решительным образом отграничить эпоху революционной диктатуры от эпохи социалистического общества. Несмотря на то, что культура последнего явится непосредственным развитием принципов, идей и задач пролетариата, она отличается от пролетарской культуры одним несомненным и глубоководным признаком: отсутствием классовой борьбы. Поэтому многое из того, что, может быть, чрезвычайно нужно для пролетарской культуры, окажется бесполезным для будущего коммунистического общества. Одно только можно сказать с полной определенностью: самодельная „литературщина“ рано или поздно сойдет на нет, сожженная в горниле рабочего государства. Потребность красиво рисовать лес заменится выращиванием реального красивого леса; желание красиво вылепить человеческую фигуру отступит перед социальным созданием красивого тела.

Нельзя, понятно, рассчитывать, что эта перемена произойдет сразу или даже быстро; принужденные идти на техническую выучку к представителям индивидуалистической интеллигенции, рабочие неизбежно воспримут у своих

учителей много чуждого их классовому сознанию и, лишь став самостоятельными мастерами-художниками, смогут создать в области своего дела новые формы творчества. К счастью, процесс „обеспредмечивания“, как я в своем месте указывал, начался, по крайней мере, в живописи еще у буржуазных художников, потерявших вкус к „изображению“ — сюжету.

Из того, однако, что сюжетное искусство потеряет для пролетариата всякий смысл, как „искусство для искусства“, никоим образом не следует, будто оно вообще исчезнет. Опыт октябрьской революции показывает с достаточной убедительностью необходимость в период классовой гражданской войны пользоваться не только чисто идейной, но и конкретно-образной пропагандой. Скульптор потребует здесь для возведения историко-революционных и символических памятников, живописец — для плакатов, объявлений, даже вывесок. Тут громадное поприще разворачивается в особенности перед искусством монументальной фрески, в широких линиях и красках декоративно обогащающей строительные замыслы архитектора и в то же время наглядно формулирующей идейные принципы пролетарского движения. Даже переносная станковая картина сможет сыграть значительную агитационную роль. К „производственному“ художнику присоединится художник-политик. Правда, в социалистическом обществе, при непосредственном и добровольном общении людей, разумно руководящих собственной деятельностью, конкретная пропаганда потеряет свой прежний смысл. Будущее заменит ее строгим научным доказательством, социальным воспитанием и практической подготовкой к той цели, которая будет служить в каждом данном случае идеалом.

Еще одна область применения „картины“ оказалась нами нерассмотренной, а именно область школьного обучения. Пролетарская школа, пользуясь всеми завоеваниями научно-педагогической мысли, привлечет живопись в свои стены. География и естествознание воспользуются пейзажем, история и литература — портретом, жанром и картиной исторической; понадобятся даже натур-мorte. Но уже не одно только художественное дарование потребует от авторов таких произведений; последние должны будут отвечать точным заданиям науки, фактически верно изображая какой-либо ландшафт, какую-либо бытовую сценку прошлого.

Приходится, впрочем, заметить, что эта новая роль искусства едва ли будет и широко распространенной и продолжительной. Успехи художественной фотографии и кинематографа заставят художника ступать перед их математической точностью, заменяя его творчество целиком.

Зато неотъемлемым полем „изображения“ в грядущем обществе останутся книга и вывеска. Иллюстрирование детской и художественной литературы, а также скульптурная или красочная символизация на всякого рода общественных учреждениях, (школах, научных институтах, больницах, заводах, местах развлечения, хозяйственных центрах и т. д.), будучи практически полезными, дадут и любителю „картин“ возможность вывешивать свои эстетические идеалы.

И только? — спросят меня консервативные умы. — Неужели этого вам мало? — вопросом отвечаю я.

Неужели потеряет искусство от того, что его вдохновенное искание уйдет от иллюзорной мечтательности и сентиментализма к великой романтике жизненного строительства?

Неужели пострадает живописец, превративший комнатный мольберт из конечного этапа художнического пути в передаточную станцию, посылая красочные видения в реальную жизнь, украшая одежды, дома, утварь и даже природу?

Нет, нет и ве!

Пламя художественной радости только тогда загорится в полном блеске над человечеством, когда оно перестанет тускло тлеть в камине одинокого индивидуалиста и в буре и грозе вырвется на далекий простор коллективной борьбы за мир.

Лучший из эллинских мифов рассказывает нам о том, как Прометей-Огненосец был некогда закован завистником Зевсом, о том, как гарпии терзали его грудь. Искусство также оказалось в цепях капитала, и беспомощность, одиночество и отчаяние душили его. Ныне пришло время. Титан наконец свободен. И если мы хотим, чтобы Прометеев огонь жизнеотворяющей струей разлился по нашим жилам, — наш долг, наша обязанность навеки разрушить, навсегда умертвить уже поверженный, но еще пытающийся бороться Олимп.

Б. Арватов.

Борьба за социалистический театр.

I.

Первый съезд по рабоче-крестьянскому театру, состоявшийся в Москве (ноябрь 1919 г.) чрезвычайно поучителен для всех интересующихся вопросами социалистической культуры. Несмотря на свой специальный характер, он дает материал для некоторых общих выводов и ставит на очередь дня кое-какие интересные задачи.

Съезд собрался под неудачным наименованием, изобретенным в недрах ТЕО (Театрального Отдела Наркомпроса) и чрезвычайно характерного для его оппортунистической театральной политики, стремящейся все примирить и всех объединить.

В самом деле, если можно говорить о рабоче-крестьянской власти, как об определенном политическом союзе, то распространять этот термин на область театра, т. е. на один из видов культуры все равно, что говорить о рабоче-крестьянской психологии, о рабоче-крестьянской литературе и т. д. Это значит допускать самое грубое смешение понятий и сливать разнородные социальные группы в одно целое.

И дело действительно идет вовсе не об неудачном термине, а именно о стремлении смягчить резкую позицию пролетариата в вопросах культуры и разжижить строгую классовую точку зрения примесью крестьянского влияния. По этому поводу и происходили на съезде особенно горячие дебаты.

На съезде были представители со всех концов Советской Республики, но состав оставлял желать многого. Прежде всего были чрезвычайно слабо представлены Пролеткульты (были делегаты от трех пролеткультов) и это было с их стороны недопустимое унушение. Деревня была представлена не столько крестьянскими делегатами, сколько представителями сельской мелкобуржуазной интеллигенции.

Борьба на съезде шла между двумя основными группами — коммунистической фракцией, к которой примыкали все пролетарские делегаты и военная группа, представителями кооперативных организаций, профессиональных союзов, группой провинциальных делегатов и т. д.

Была довольна значительная часть конференции, которая голосовала то с кооператорами, то с коммунистами. Характерно, что большинство докладов, теоретических положений и практических предложений, было выдвинуто на Съезде именно представителями коммунистической группы. Сторонники же других течений, резко нападавшие на фракцию коммунистов, за ее якобы утопичность, почти не выставили докладчиков не только по теоретическим, но и по практическим вопросам рабоче-крестьянского театра.

Еще более характерно другое. В то время, как теоретические положения коммунистической фракции о социалистическом театре были после известных колебаний Съезда отвергнуты, Съезд в своем большинстве принял почти целиком все практические предложения, выдвинутые пролетарской группой и идейно тесно связанные с общими теоретическими предпосылками фракции. В этом факте особенно ярко обнаружилось не только известная неустойчи-

ность крестьянских и интеллигентских групп Съезда, но и проявилось фактическое отсутствие у деятелей крестьянского театра собственной практической программы. Если коммунистам не удалось провести на Съезде своей теоретической программы целиком, то все же в конечном счете коммунистическая фракция и деятели пролетарского театра оказались самой влиятельной, хотя и не самой многочисленной группой Съезда.

II.

Несмотря на ожесточенную идейную борьбу Съезда, несмотря на его пестроту и существовавшие теоретические и практические разногласия, на нем с ясностью обнаружилось, что целый ряд положений об основах нового театра большинством Съезда приемлются.

Прежде всего в сущности не было возражений против тезисов о том, что театр социалистический рождается не из профессионального театра, а из нового, самодеятельного театра трудовых масс. Все участники Съезда признали, что творческая работа пролетариата и крестьянства в области театра является залогом нового его возрождения, что именно благодаря ей мы сможем с бодрой уверенностью смотреть на ближайшие театральные перспективы Советской России. Даже кооператоры, которых чрезвычайно шокировало резко отрицательное отношение коммунистической фракции к буржуазному театральному наследию, должны были признать, что лишь через новый театр трудовых масс может произойти обновление театра.

Точно так же все признали, что именно благодаря „любительству“, а не профессионализму в театральном деле возможно создание театра на новых революционных началах. Этот самый принцип „любительства“, который сводится по своему существу к принципу вовлечения широких масс в театральное дело всегда особенно резко осуждался всеми профессионалами театра.

Для съезда по рабоче-крестьянскому театру этот принцип был одним из наиболее бесспорных.

Никто не спорил также против того, что новый театр должен иметь и новое идейное содержание и новый метод работы. Правда, в этом случае мнения относительно конкретных форм, которые примет новый театр, чрезвычайно расходились, но самая жажда полного обновления театра во всех его видах была всеми осознана.

Так, напр., всеми было признано, что народные празднества также должны быть включены в область театральной работы. В этом случае наметилось несколько точек зрения. Большинство Съезда присоединилось к тезисам, развитым в моем докладе, характеризовавшим народные празднества, как своеобразный вид театра, и особенно как один из путей к новому театру массового зрелища. Наметила и более крайняя точка зрения (которая, несомненно, ошибочна), отождествлявшая будущий театр исключительно с народным празднеством, и ставившая знак равенства между понятиями: социалистический театр и народное празднество в эпоху социализма. Совершенно ясно, что и в социалистическую эпоху сохранится театр, который ничего общего с народным празднеством иметь не будет. Театр, где будут представлять не большие коллективы, при соучастии зрителей, а всего, быть может, пять—десять актеров.

Идея коллективного творчества в театре и идея привлечения зрителей к участию в театральных зрелищах, столь еретические для профессионалов театра, встретили чрезвычайное внимание со стороны участников Съезда. Практические предложения по этому поводу были одобрены и секцией и пленумом. Разумеется, что и здесь выявились различные точки зрения. Группа коммунистическая определенно подчеркивала, что коллективное творчество возможно лишь при определенном классовом единстве зрителей и актеров, что вовлечение зрителей в театральные постановки в качестве активных участников мыслимо опять-таки лишь при известном социальном единстве всей массы, посещающей театр. Вячеслав Иванов, защищая хоровое начало

в театре, мыслит возрожденный хор, как какое-то всенародное действо, осуществимое даже в пестрой по своему классовому составу массе. Возрождение хора совершенно не стоит у него в связи с общей проблемой классового объединения и исчезновения классов вообще.

Таким образом наметилось довольно много точек соприкосновения у деятелей нового театра. Стало ясно также, что теперь на очередь дня все более и более приходится ставить практические проблемы пролетарского театра, так как время для этого уже пришло.

Интересно, что большинство практических предложений, принятых Съездом, были основаны на опыте пролетарского театра, и в этом случае Пролеткульты обнаружили всю значительность произведенной ими за краткий срок работы.

III.

Из разногласий на Съезде следует особенно отметить два: дискуссию о взаимоотношениях пролетарского и крестьянского театра, и спор об отношении к буржуазной театральной культуре.

Пролетарская группа определенно указывала, что крестьянский театр может успешно развиваться лишь идя рука об руку с театром пролетарским, подчиняясь его идейному влиянию и направляясь к общей коммунистической цели. Деятели крестьянского театра постарались выдвинуть лозунг самоценности и независимости крестьянского театра. Пролетарская группа совершенно не посягала на самостоятельное существование крестьянского театра, но отмечала, что *мнимая независимость* от пролетарского влияния чаще всего есть глубочайшая *зависимость* от буржуазной и мелко-буржуазной культуры. Она указывала, что идейное освобождение крестьянства мыслимо лишь, как переход крестьянства на точку зрения коммунизма, т. е. его полного сближения с пролетариатом. Она указывала также, что никакой особой крестьянской культуры, как культуры смевающей и разрушающей культуру буржуазную, нет и быть не может, что величайший сдвиг, переживаемый нами, характеризуется, как смена буржуазной культуры культурой пролетарской, и тем самым буржуазного театра театром пролетарским.

Съезд далеко не сразу определил свою позицию по этим вопросам: первоначально, в первый день были приняты тезисы пролетарской группы, и только лишь через несколько дней после переголосования они были отвергнуты.

По отношению к буржуазному театру точно так же, в конце-концов, победила более умеренная точка зрения. В прениях противники пролетарской позиции обвиняли пролетарскую группу даже в кощунственном отношении к буржуазной культуре, очевидно почитая ее для самих себя священной. В этом случае обнаружилась чрезвычайная пестрота взглядов.

Эти характерные разногласия на Съезде заставляют нас выдвинуть на очередь дня две задачи перед работниками пролетарской культуры.

Во-первых, уже пришло время обратить самое серьезное внимание на работу среди крестьянства. До сих пор Пролеткульты чрезвычайно мало сделали в этой области. Необходимо, чтобы начала пролетарской культуры стали достоянием крестьянской массы, необходимо заняться энергичной пропагандой коммунистического культурного строительства среди трудового крестьянства. Мы не должны позволять, чтобы мелко-буржуазная интеллигенция, живущая в деревнях, затуманивала голову трудового крестьянства и превращала его в поклонника и защитника буржуазного культурного прошлого. Работу в крестьянстве все Пролеткульты должны поставить на очередь дня. Это значит, что им предстоит не только непосредственная работа в деревне, но и активное участие во всякого рода Съездах культурного характера, где появляются представители крестьянства. На эту тему „Пролетарской Культуре“ предстоит, очевидно, поместить ряд обстоятельных статей, а П. К. Пролеткульты выработать ряд практических пожеланий.

Другая очередная задача—более точно определить наше отношение к буржуазной культуре. Наше общее положение, гласящее, что буржуазное

прошлое мы критически перерабатываем и используем для созидания новой культуры, чрезвычайно обще и подлежит часто чрезмерно распространительным толкованиям. Часто забывают, что духовный рост пролетариата базируется прежде всего на духовном разрыве с прошлым, и стараются представить рабочий класс в положении робкого ученика, который не смеет сказать слова, покуда не вызубрит наизусть всю азбуку буржуазной культуры. Именно сейчас, когда интеллигенция валом валит к Советской власти, когда буржуазия окончательно потеряла свои шансы в России,—опасность влияния буржуазной идеологии особенно сильна. Именно сейчас мы должны чрезвычайно резко и враждебно критиковать буржуазное наследие, и с чрезвычайной осторожностью выбирать из него то, что подлежит усвоению и переработке.

Повторяю, мы должны подчеркивать наш *разрыв* с буржуазным прошлым, а не наше ученичество, как это делали до сих пор.

Таковы существенные проблемы дня, которые опять-таки подлежат более тщательно и детально изучить.

Съезд по рабоче-крестьянскому театру наглядно показал, что именно в этих двух пунктах мы еще очень слабы. Мы обязаны учесть полученный нами на Съезде урок и энергично исправить сделанное упущение.

П. М. Керженцев.

Трудовая школа в представлении среднего рабочего¹⁾.

Беря на себя смелость высказаться по вопросу о трудовой школе, я должен предупредить читателя, что у меня в этой области нет специальных знаний, кроме случайно читанных книг по педагогике, практического жизненного опыта среднего по развитию социалистической сознательности рабочего. И все-таки, несмотря на недостаточность знаний в области педагогики, я беру на себя смелость высказаться с большой уверенностью.

Убежденная уверенность в правильности того, что я буду говорить о принципах трудовой школы, исходит у меня из знания революционного марксистского метода и умения применять его на практике. После только что сделанной оговорки, я считаю необходимым начать с того, из чего должен исходить каждый сознательный социалист. Прежде чем приступить к решению той или иной предстоящей задачи, звание сознательного социалиста налагает на него обязанность поставить интересующий его вопрос в прямую связь с конечным идеалом—социализмом—и установить практическое положение, при котором путь развития в сторону конечного идеала является наиболее коротким; в наиболее короткий срок приближает осуществление социализма и дальнейшее его развития. Основным принципом социалистического строя является обобществление производства и распределения. Это связано, как известно, с развитой техникой, которая позволяет весьма значительную часть общественно-необходимого труда передать более крепким мускулам-машинам, а освобождающееся у человека время создает условия для свободного проявления творческих возможностей завоевания все большей и большей власти над природой.

Официальное положение об Единой Трудовой Школе говорит: „Основной школьной жизни должен служить производительный труд, не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только, как метод преподавания, но именно как производительный общественно-необходимый труд“. В примечании к этому основному пункту добавляется, что „школа является школьной коммуной“. Теперь мы спросим читателя, какую же имеет связь основное начало Единой Трудовой Школы с установившимся взглядом марксистов на

¹⁾ Статья предназначалась для журнала „Народное Просвещение“, но не появилась там по принципиальным соображениям. Печатается в „Прол. Кул.“ по желанию покойного автора. *Ред.*

социалистической строй. Ответить на этот вопрос, как видит читатель, трудно. Не потому, конечно, что связь вообще устанавливать трудно, а потому что основное начало крайне неопределенно, оно компромисно, в нем в одно и то же время есть, да и нет, вашим и нашим, а в конечном счете выбор представляется практическому исполнителю на усмотрение. Но если внимательно вчитаться в него, в положении несомненно есть усиливающий уклон в одну сторону. В начале выставлен основой школьной жизни производительный труд, дальше пояснение а потом опять усиление прежнего положения. — «именно, как производительный общественно-необходимый труд», и примечание еще усиливает это школьной коммуной. После всех поисков смысла практическому исполнителю легче всего притти к выводу: рассматривать школу, как школьную коммуну с производительным общественно-необходимым трудом. Если мы сделаем этот вывод, а иной не представляется возможным, то не представляется ли вам, уважаемый читатель, что эта самообслуживающаяся школа-коммуна похожа на государство в государстве? Не имеет ли это сходство с идеалом наших старых знакомцев мелко-буржуазных мещан анархистов? Я думаю, что это кустарное производство в школе будет иметь такую же связь с обобщественной концентрацией социалистического производства, как если бы мы вздумали приговаривать сапоги всмятку и говорить, что это как две капли воды похоже на действительное яйцо. Какие же основания заставляют сторонников производительного труда в школе ввести его в школу, как необходимое условие? Если введение производительного труда объяснить желанием привлечь детей к выполнению общей повинности и увеличению производительности вообще, то это не имеет смысла. При развитой технике социалистического общества нет никакой нужды привлекать детей к участию в производстве ради увеличения производства необходимых для общества продуктов. Эта общественная обязанность не будет обременительной и для взрослых. Но может-быть участие детей в производстве продуктов будет способствовать развитию в детях чувства общественной полноправности с взрослыми? Я думаю, что и это соображение не имеет большого значения. Соответствующее участие детей в управлении и организации школы дает для детей гораздо больше материала в смысле воспитания социального чувства. На мой взгляд введение производительного труда в школу, как цели, вытекало из неправильного отношения к труду, из интеллигентски толстовского понимания труда, как облагораживающего свойства его самого по себе. Этот своеобразный фетишизм труда был перенесен от идеализации народа, а потом рабочего. Когда интеллигенция освободилась от идеализации, приписывания рабочему не присущих ему свойств, то эти свои иллюзии она перенесла на физический труд, а потом и на все, что связано с трудом.

Труд есть общественная необходимость и только, а все слова на счет радости труда и прочее расписывание его свойств — занятие досужей фантазии, упражняющейся в словесном фехтовании. Дело не в радости труда, а как общественной необходимостью мы должны им овладеть и сделать его не средством угнетения, а живым средством, и показателем роста творческих сил человечества в завоевании власти над природой.

Нужно ясно и определенно сказать, что труд в школе должен быть введен с воспитательными целями, и только с воспитательными. Школа есть школа, а не мастерская и не производство. Кроме организации воспитания, школа ничего другого представлять не должна: по сколько школу хотят превратить в вид особого государства в миниатюре, или производительную коммуну, все это будет вредно и уродливо отражаться на воспитании и школе, как таковой. Задача школы дать возможность пройти к 17 годам и овладеть принципами, достигнутыми по настоящий момент, как в области теоретической науки, так и в области практической техники; овладеть за это время тем, до чего дошло человечество в результате долгого исторического пути. Школа должна готовить граждан вполне приспособленных к обществен-

ным требованиям, и в то же время сумеет разбудить скрытые в душе каждого индивидуальные способности, которые могли бы развернуться со всей присущей им силой.

Введя в школу трудовой принцип, мы должны приспособить его к уровню развитой техники производства, дать ясное и наглядное представление о всех способах, облегчающих производство продуктов. Для этой цели необходимо производить классификацию ремесел по сходству их основного принципа. Например, обработка дерева и металла имеет много общих методов в способе подхода и выполнения работы в особенности в построении и применении в этой области машин.

Изготовление искусственных цветов связано с рисованием, с резьбой по дереву и наглядным знакомством со строением цветов в смысле ботаническом. Все это должно быть изучено, между собой связано и должно преследовать чисто воспитательные цели: расширение опыта и раскрытие возможности для выбора и более или менее правильного нащупывания индивидуальных способностей, где бы будущий гражданин мог свободно развернуть свои силы, двигаясь вместе с общественным развитием. Задача школы может быть одна: пройти и усвоить достигнутые результаты пройденного человечеством, как в области общественных наук, так и в области материальных достижений и завоеваний. Значит, весь вопрос в методах, которые должны быть усвоены как практически, так и теоретически. Мы были бы глупцами и сантиментальными фантазерами, если бы приучали молодое поколение танцевать от той же палочки, от которой начинали древние предки. Наша задача — дать возможность начать жить полною жизнью молодому поколению с той самой вершины, на которую взобрался передовой отряд современного человечества — всемирный пролетариат. И я повторяю, — нужно бросит вредную болтовню о самообслуживающей школе-коммуне с производительным трудом. Эта сантиментально интеллигентски-толстовская глупая выдумка, идущая от мелко-буржуазных и мещанских предрассудков анархистов, которые кладут в основу облагораживающее и благотворное влияние труда. Труд есть общественная необходимость, которую в интересах развития и достижения вперед необходимо преодолеть и которой надо овладеть. Школа только должна дать понятия о производительности и дать возможность овладеть практическими и теоретическими в основных принципах производством. Настоящая же забота о степени производительности будет преследоваться соответствующими этой области производственными организациями. В мытье посуды или в стирке белья ничего не может быть прекрасного и благородного, но в целях гигиенических и отчасти эстетических этот труд необходим. С этой стороны мы и должны возбудить к нему необходимый интерес и общественную обязанность. Необходимо также знакомство со всеми приспособлениями, которые дают возможность облегчить этот труд, меньше затратить время и сделать его более приятным.

Если бы наши неистовые проводники в школе производительного труда, взяли бы на себя труд понять и усвоить принципы процессов труда того или иного ремесла, это им принесло бы гораздо больше пользы, чем возвышенные фантазии в мелко-буржуазном стиле о самообслуживании и всякой другой прекраснотворной ерунде. Вот пример: работает какой-нибудь хороший русский столяр лет 25, переделал за это время большое количество разнообразного вида мебели; на 26 году работы ему дали сделать шкаф незнакомого ему вида и формы, а в качестве образца дали только фотографию с этого шкапа. Можно сказать заранее, что сделать его и даже приступить к нему он не сумеет, или самое лучшее, прежде чем сделать перепортил материала на два шкапа. А если вы дадите такую же задачу среднему столяру шведу, только что вышедшему из их ремесленной школы, он с фотографии сначала сделает правильный чертеж, а потом и сам шкаф. Вот в этом заключается на первый взгляд простой и как будто бы всем известный пример правильной постановки школы, а не та игра в бирюльки, которую хотят

насаждать наши мудрецы. У французов большое уважение метье — профессии, и каждый поденщик ею гордится. Он весьма неохотно меняет метье, а если случится ему это сделать и перейти к новой профессии, то приспособление к ней у него требует времени значительно больше, чем у русского рабочего. Русский рабочий эмигрант к такого рода случаям приспособлялся значительно скорее. Объясняется это не особенной способностью русского, — француз не менее способен, чем русский, а просто тем, что русский строгого и узкого метье не имел, его знакомство с ремеслом было шире, благодаря меньшему разделению труда. Хотя и опытным путем, но принципы труда ему были знакомы в более широком масштабе, и практические навыки разнообразнее.

Школа должна дать понятие о всех современных методах труда, приучить применять их на практике. Полностью же никакому ремеслу она все равно научить не может. Однажды один из наших больших писателей весьма серьезно поучал меня не высказывать своего суждения об общественной деятельности знаменитого Алексинского, (это было еще до войны), о деятельности которого я отзывался слишком резко.

Большой писатель мотивировал свое наизидание тем, что у меня недостаточно знаний, чтобы иметь суждение о такой большой персоне, как Алексинский. На это я ему ответил: правда, мне, как рабочему, не удалось приобрести серьезных знаний, но за то я знаю марксистский метод, и более или менее сносно умею его применять в общественной ориентировке. Обладание этим методом я считаю значительно большим преимуществом по сравнению с каким-нибудь профессором, который набит знаниями, но не усвоил такого совершенного метода, как марксистский. Несмотря на незначительность и пробел в моих знаниях, говорил я, я гораздо вернее и правильнее намечу политическую линию, чем, напр., гениальный Толстой, с его огромным умом и знаниями. Это обстоятельство, говорил я большому писателю, заставляет меня не отказываться иметь свое суждение и быть ближе к истине конкретного вопроса, чем люди с большими знаниями. Я убежден, что я был прав, да и знакомый мой писатель потом вынужден был это признать.

То же самое и в труде; важно овладеть основными принципами, как теоретически, так и практически.

Правильная постановка труда в Единой Школе возможна только в тесной связи с организацией его в современном индустриально развитом производстве и тесной связи с теми требованиями, которые предъявляет социалистическое общество к своим членам.

Воспитание должно быть приспособлено к социалистическому обществу, к его требованиям. Всякая болтовня о свободе воспитания есть интеллигентская болтовня не больше. От того общества, в котором человек живет, он свободен быть не может.

Федор Калинин.

К созыву второй всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций (Пролеткультов).

Центральным Комитетом Всероссийского Совета Пролеткульта в начале января разослано следующее обращение.

ВО ВСЕ ПРОЛЕТКУЛЬТЫ.

Товарищи!

Центральный Комитет Всероссийского Совета Пролеткульта на заседании 22 декабря 1919 года поручил Президиуму приступить к предварительной работе по созыву Второй Всероссийской Конференции Пролетарских Культурно-просветительных Организаций (Пролеткультов), разработке норм пред-

ставительства, порядка дня и составления отчета о деятельности пролеткультов на местах.

Выработанный план будет предложен на рассмотрение Всероссийского Совета Пролеткульта и по утверждении им специально избранная Организационная Комиссия приступит к непосредственному созыву конференции.

К этому времени надо восстановить пролеткульты на Урале и на Украине и организовать вновь в Сибири.

Вся эта работа при нынешних трудных условиях и отсутствии нужного количества ответственных работников потребует продолжительного времени, особенно, если принять во внимание, что местные пролеткульты, согласно уставу, должны созвать свои предварительные конференции, а Цек должен будет разослать тезисы докладов по вопросам порядка дня.

В виду этого Цен. Ком. Всер. Сов. Пролеткульта предлагает вам в следующем порядке прислать:

1) Подробный отчет о вашей деятельности за все время существования организации с указанием: какие студии работали, сколько времени, сколько было в них студийцев и каков их состав (рабочие, интеллигенты, крестьяне, мещане), кем организация обслуживалась, какие достижения в студийных работах, что издали, каков театральный и хоровой репертуар, сколько открыто клубов, какое содействие оказали Красной армии, чем обуславливались успехи и неудачи в работе и т. д.

2) Список вопросов, которые вы находили бы нужным обсудить на второй конференции. Так как эта конференция будет носить строго деловой характер, то и вопросы должны выдвигаться главным образом практические.

3) Приступить к оформлению пролеткультов в вашей губернии (уезде, городе, или районе). По нашим сведениям у вас имеются организации... Если есть возможность оформить пролеткульты только еще нарождающиеся, поспешите с этим. Точные списки зарегистрированных пролеткультов с подробными докладами о их работе, как указано выше, должны быть присланы в Центральный Комитет Пролеткульта; в противном случае эти организации могут лишиться представительства на конференции.

Вся намечаемая работа должна быть выполнена и представлена в Центральный Комитет Пролеткульта не позднее 1 марта 1920 г.; всякое промедление будет сильно тормозить и затягивать созыв второй конференции.

На конференции будет открыта всероссийская выставка пролетарского творчества, поэтому местные пролеткульты должны озаботиться подбором ценного материала, вышедшего из их студий; живопись, скульптура, эскизы театральные постановки, художественные плакаты, литературные произведения, журналы, листки, музыкальные произведения, художественно-разработанные плакаты о деятельности организаций,—все это должно быть представлено на выставке.

Товарищи, проявите вашу энергию и энтузиазм в предстоящей работе. Если на первой конференции мы заложили прочный идейный фундамент, то вторая конференция должна возвести и самый дворец, откуда яркие лучи пролетарской культуры освещали бы строительство новой коммунистической жизни.

Председатель Ц. К. В. С. Пролеткульта

П. И. Лебедев-Полянский.

Р. С. Организации, почему-либо не получившие этого обращения и не приславшие отчетов, должны поспешить, чтобы не задерживать созыв конференции.

3-ий Сезд Всерос. Совета Пролеткульта постановил созвать 2-ую Всерос. конференцию пролеткультов на 15 сентября с. г.

Порядок дня: 1) Отчет Ц. К. о деятельности пролеткультов.

2) Объем и метод работ пролеткульта.

3) О профессионализме.

4) О рабочем театре.

5) Организационные вопросы:

а) Постановка работ студий.

б) О стипендиях и стипендиатах.

в) О возрастном составе студийцев.

Тезисы докладов и нормы представительства будут опубликованы в № 15—16 журнала „Пролетарская Культура“.

Последний день приема материалов для Всероссийской Выставки Пролеткульта 15-е июля с. г. В целях сохранности и скорости материалы следует посылать не почтой, а с отправляющимися в Москву товарищами.

Хроника „Пролеткульта“.

За границей.

(Из письма в Ц. К. В. С. Пролеткульта).

Согласно нашему условию даю отчет о пролеткультовской работе и положении вопроса в Западной Европе. Возможна была следующая работа.

Австрия. Издан „Летучий Листок“, который был роздан во время партийтага. Избрана также Комиссия, которая занимается изучением вопроса о Пролеткульте. Она разрабатывает вопросы: 1) основание клубов Пролеткульта, 2) связь с Центр. Ком. Пролеткульта в России, 3) составление специальной библиотеки из статей по вопросам Пролетарской Культуры, 4) связь с другими странами. О пролеткульте было прочитано несколько докладов; соответствующий цикл лекций о задачах пролеткульта установлен для рабочей молодежи.

Товарищи работают: 1) над тремя брошюрами об общей культурной работе в России, со специальной частью о пролеткульте и статьями из журнала „Пролетарская Культура“, 2) над большой специальной брошюрой исключительно о пролеткульте. Эти брошюры будут изданы просветительной секцией Коммунистической Партии. В ежедневной коммунистической печати также часто встречаются статьи о пролеткульте.

Но в общем сейчас почва для работы неблагоприятна, благодаря политическому и хозяйственному состоянию страны. Культурно-просветительная работа здесь вообще стоит не на особенно высоком уровне. Кроме того, товарищи часто перегружены другой работой и не могут целиком отдаться работе пролеткульта. Но интерес и порыв к работе силен. Рефераты вызывают пламенные дискуссии. Видно, как много еще непродуманного. Летом предполагается созвать, небольшую конференцию.

Германия. Здесь, как и в Австрии, работа Пролеткульта часто смешивается с общей просветительной работой. Возникают клубы, частью коммунистические, частью советского оттенка. Литература пролеткульта есть; статьи и брошюры переведены в Берлине. Они вызывают много толков и большой

интерес; распространяются хорошо. В прессе появляются интересные и восторженные рецензии. В ближайшем будущем, вероятно, удастся организовать несколько докладов по всей стране.

Польша. Возник журнал, в котором обсуждаются все вопросы Пролеткульта. Один из товарищей, бывший на партийтаге и работающий в области культуры, войдет в сношения с Австрией, Германией и Россией. Он же и проведет теоретическую работу практически в жизнь, в клубах.

Появился роман, написанный рабочим, который возможно станет одним из лучших произведений в литературе. По содержанию и форме роман чисто пролетарский.

Италия. По слухам основываются клубы. Имеется журнал, посвященный Пролетарской Культуре; его редакция связана с Австрией.

В общем, дорогие товарищи, дело идет хорошо. Ждем с нетерпением от вас статей, брошюр, протоколов, произведений пролетарских писателей и вообще известий.

С сердечным партийным приветом

В. Х.

3-ий С'езд Всероссийского Совета Пролеткульта.

15—17 апреля происходили заседания с'езда Всероссийского Совета Пролеткульта. На с'езд прибыли делегаты из Иванова, Вознесенска, Твери, Тулы, Смоленска, Саратова, Ярославля, Москвы и других мест. Из отчетов выяснилось, что около 300 пролеткультов сгруппировалось не менее 300.000 рабочих, из которых 80—40 тысяч работает в различных студиях. С'езд прошел с большим интересом и принял ряд важных принципиальных решений.

В порядке дня стояли вопросы: 1) отчеты с мест, 2) отчет Ц. К. Пролеткульта, 3) о созыве 2-ой Всероссийской Конференции Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций, 4) о профессионализме, 5) о работе пролеткультов в Трудармии и 6) о дальнейшем организационном строителстве пролеткультов.

Приняты резолюции:

1) По повлду отчетов.

Заслушав доклады делегатов с мест и отчет Ц. К. 3-й съезд Всероссийского Совета Пролеткульта констатирует, что, несмотря на крайне трудные условия работы, связанные с общими политическими и экономическими условиями, Пролеткультам удалось выполнить большую часть намеченной работы, захватив идейно и организационно широкие массы пролетариата, среди которых выделился уже определенный слой самостоятельных ответственных работников.

2) О созыве 2-ой Всероссийской Конференции Пролеткультов.

3-й съезд Всероссийского Совета Пролеткульта постановляет созвать 2-ую Всероссийскую Конференцию Пролетарских Культурно-Просветительных Организаций (Пролеткультов) на 15 сентября 1920 г. согласно принципам устава пролеткультов, утвержденного 2-м съездом Всероссийского Совета Пролеткульта.

Порядок дня: 1) объем и метод работ пролеткульта, 2) о профессионализме, 3) о рабочем театре, 4) организационные вопросы: а) построение и работа студий, б) о возрастном составе студийцев, в) о стипендиях и стипендиатах.

3) О профессионализме.

В целях успешного преодоления буржуазного культурного наследства и организации своей культуры рабочий класс от *любительства* в области творчества должен перейти на путь всестороннего образования, выделяя из себя *специалистов* в отдельных областях художественной культуры. Всякие интеллигентские аргументы, что уход пролетариата от производства ведет к отрыву его от классовой среды, идеологии и психики, имеют значение и силу в буржуазном обществе, а не в данный момент, когда рабоче-крестьянское государство идет к мирному строительству коммунистической жизни, не знающей классов.

Если мы не боимся отрывать от станка пролетариат для управления государством, нет оснований опасаться, что специализация пролетариата в области художественного творчества поведет к разрыву со своим классом.

В целях практических 3-й съезд Всероссийского Совета Пролеткульта предлагает Цен. Ком. Пролеткульта приступить к созданию в Москве Всероссийского Дворца Пролетарского Творчества с соответствующими студиями для талантов из пролетариата. В связи с этим ко второй Всероссийской Конференции должен быть разработан вопрос о стипендиях для студийцев и о других условиях специализации на местах.

О работе в Трудовой армии.

Преодолев контрреволюционное наступление империалистов на Советскую Россию, Рабоче-крестьянское правительство переходит к мирному строительству жизни в области материальной и духовной культуры, и в этих целях Красную армию по

мере возможности и необходимости переводит на положение Трудовой армии.

Трудовая армия, выполняя коллективно-организованную, общественно-свободную работу, есть первый шаг к коммунистической организации труда и быта, перерабатывающей психологию и идеологию своих членов в пролетарском направлении.

В виду этого, Пролеткульт должен обратить свое серьезное внимание на Трудовую армию, вступив в соответствующие взаимоотношения с организациями, руководящими Трудовой армией, в целях принятия на себя культурно-творческой работы.

Кроме того съезд постановил вновь открыть в Москве при Ц. К. Пролеткульта. Пролетарский Университет имени Ф. И. Ильиничина и принял ряд других мелких постановлений.

3-ий Всероссийский Съезд металлистов.

Постановил, что члены союзов металлистов должны принимать активное участие в организации пролеткультов, а так же и в работе их, как в организациях объединяющих культурно-творческую работу пролетариата.

В Провинции.

(По газетам за июнь—декабрь м-цы 1919 г.).

Из общего обзора как работы Пролеткультов, так и общей культурно-просветительной работы за истекшее полугодие, можно с глубоким удовлетворением сказать, что, несмотря на грозные события фронта, которые не давали возможности сосредоточить свое внимание на просветительном деле, здоровый инстинкт все-таки подсказал рабочему классу, что никакое строительство без просвещения масс не мыслимо. Крайний недостаток интеллигентных сил в России и недостаточное количество специалистов-рабочих и в этот час толкает на работу в области культурно-просветительного строительства. Пролетариат понял, что нельзя ставить задачу так: сначала успокоение, потом просвещение, сначала победа, потом социалистическое строительство, а приходится говорить: „все силы на борьбу для победы, но одновременно и прочная постановка культурного воспитания и просвещения“.

Приведенная ниже сводка показывает проделанную за истекшее полугодие работу и в области просвещения рабочих масс, поскольку она отразилась в прессе.

Конференции пролеткультов.

Самара. 20-го августа Пролеткультом созвана 1-ая Конференция рабочих культурно-просветительных организаций.

Кострома. 20-го августа по инициативе Пролеткульта состоялась Съезд Клубных Работников.

Осташков. 22-го августа состоялась Конференция рабочих культурно-просветительных организаций по вопросу о реорганизации Пролеткульта.

Ржев. Состоялась первая Общегородская Конференция Пролеткульта.

Рыбинск. 22-го октября состоялась Общегородская Конференция Пролеткульта.

Ижевск. Общегородская Конференция Пролеткульта состоялась 22-го октября.

Смоленск. 7-го декабря проходила по инициативе Пролеткульта Конференция Культурно-Просв. Орг. г. Смоленска.

Работа пролеткультов.

Петроград. К работам в Литературной Студии Пролеткульта привлечены лучшие лекторы во главе с М. Горьким. Лекции читаются ежедневно. Раз в неделю производится чтение всех литературных произведений, созданных слушателями. Книжная деятельность намечается в отделе „Пролетарская арена“. В Театрально-педагогической Студии удалось также привлечь лучшие силы педагогического театрального и литературного мира. При музыкальном Отделе Пролеткульта возникла Научно-Техническая секция, поставившая себе задачей исследование различных явлений в области музыки.

В Президиум Пролеткульта внесено предложение приступить к организации Всероссийского Музея всех инородных Пролеткультов. В Музее должно собираться и классифицироваться все то, что запечатлено на бумаге из области жизни и деятельности Пролеткультов. Президиумом и одобрение принято и поручается провести в жизнь. Реорганизуется совершенно работа Театральной Студии Пролеткульта. Для борьбы с дезертизмом проведен ряд спектаклей, дающих возможность объяснить дезертирам их вину. На митингах, концертах проведен ряд спектаклей, шла пьеса тов. Арского „Красные Советы“ и „Легенда о Коммунаре“.

Самара. Литературная Студия ставит себе задачей выработать кадр пролетарских писателей и поэтов. Вырабатываются методы работы. 11-го октября состоялось торжественное открытие клуба при Самарском Трубочном заводе. Работа клуба ведется с большим подъемом, устраиваются собеседования, лекции, чувствуется во всем, что правление хочет добиться, чтобы клуб явился вторым домашним очагом для своих членов. Очень удачно прошло в клубе празднование Октябрьской революции.

Работает при Пролеткульте ряд Студий, предприняты шаги к налаживанию связи с уездом. Постановлено притти на помощь Детскому Пролеткульту.

Москва. В музыкальном Отделе Пролеткульта организованы студии хорового и сольного пения.

Кострома. Собрание представителей клубов решило переименоваться в Клубную Секцию при Пролеткульте. Подготавливается информационный материал о работе клубов для предполагаемого журнала. На общем собрании Пролеткульта выяснилось из докладов с мест, что очень слабо работают почти все культурно-просветительные ячейки. Союзным Коммунистическим ячейкам предложено обратить внимание на эту работу. На собрании Совета Пролеткульта постановлено привлечь для работы в Про-

леткульте ряд платных сотрудников-специалистов. Организуется Литературная Студия, которая будет иметь своей задачей словесное художественное творчество, и знакомить рабочих с техникой творчества.

Ржев. Советом Пролеткульта предпринимается работы по организации Музыкального Отдела. Введен ряд чтений по истории театра в Драматической Студии. Схема теоретической работы Студии захватывает преимущественно теорию Пролетарской Культуры, историю театра и историю драматической литературы. Открывается литературная студия. Устроен ряд курсов по пролеткультской работе. На фабриках, заводах и профессиональных союзах работа ведется в контакте с Советом пролеткульта.

Тула. Губ. Пролеткульт в местном масштабе призвал необходимым рассматривать общую свою деятельность, как упорную работу по агитации и пропаганде идей коммунизма средствами искусства. Организован Детский Пролеткульт, который по собственной инициативе готовит все свои аппараты для работы в Красной Армии и выделяет из себя коллектив детей для военно-разведывательной службы.

Велес. Пролеткульт открыл Литературную секцию, которая своей деятельностью ставит: 1) организацию широкого издательства и распространения пролетарской литературы, 2) организацию лектарского и организационно-пропагандистского бюро. В этой секции в тесной товарищеской работе все пишущие стихи и прозу будут совершенствоваться в литературной технике. Собирается материал для ежемесячника „Рихъ Революции“.

Открыт детский Пролеткульт, который за короткое время своего существования имеет уже 7 мастерских.

Театральные постановки.

Петроград. Театральный Отдел Пролеткульта преобразован, для руководства (делом избран художественный Совет, которым рассмотрены и приняты к постановке новые пьесы; кроме того, разработан план театральных инсценировок стихотворений пролетарских поэтов. В Театральном Отделе Пролеткульта назначена к постановке пьеса Арского „Красные зори“ и „За Красные Советы“. 14-го декабря состоялся первый вечер пролетарских поэтов.

Боровичи. При Отделе Народного Образования и Пролеткульте создан великорусский оркестр, задача которого культивировать родную музыку.

Ржев. В театре Пролеткульта с большим моральным и материальным успехом прошли пьесы „Ткачи Гауптмана“, „Дядя Ваня“ Чехова и „Дни нашей жизни“ Андреева.

Рыбинск. Городской театр Пролеткульта открылся постановкой трилогии Толстого „Смерть Ивана Грозного“, готовится к постановке „Чайка“ Чехова и „Приведения“ Ибсена, „Братья Кар мазовы“ и „Царь Федор Иванович“. В день Октябрьской революции была поставлена „Волгода“. Учениками Театральной Студии поставлено: 1) „Скрипка из Кремля“, 2) „Русская“.

3) „Цыгане“. Очень удачно также сыграна пьеса „Бова Королевич“. В Рабочем Клубе Студией поставлено было свое коллективное произведение „Не ходи“.

Осташков. В театре Пролеткульта состоялся спектакль с участием артиста Ге. шла его пьеса „Казнь“. В день празднования Октябрьской революции Пролеткультом на государственном кожевенном заводе был дан спектакль, ставили: „Насильники“ и „На конспиративной квартире“.

Сердобск. Драматической Студией Пролеткульта поставлена пьеса „Зарево“. Труппой Пролеткульта было поставлено „Жених из ножевой линии“.

Тула. В блестящем исполнении „Плодов просвещения“ артисты Пролеткульта выявили свои лучшие силы.

Белов. В театре Пролеткульта поставлены следующие вещи: „Приведения“, „Дни нашей жизни“ и „Балет“.

С участием Вокальной Студии Тульского Губпролеткульта, было поставлено: „Меньшик, козодун, обманщик и свист“. Пролеткультом был также устроен 10-го декабря вечер русской музыки.

Алексин. Для окрестных деревень Пролеткультом была поставлена: „Не всегда коту масленица“ Островского.

Шуя. В Пролетклубе состоялся концерт народной песни, прекрасно прошла песня жаторжан „Ах ты доля, моя доля“.

Москва. Специальной труппой разыгрывается „Красная Правда“, предполагается к постановке: „Мститель“.

Нижегород. Пролеткультом поставлена „Майская ночь“ Римского-Корсакова. Постановка вполне удалась.

Сызрань. Театральной Студией Пролеткульта поставлена пьеса из рабочей жизни „Безработный“ и новая пьеса: „Восставшие“.

Ижевск. Пролеткультом была поставлена пьеса Е. П. Милковой „Алтарь свободы и любви“ и „Безработный“ Софьи Валей.

Рабочие клубы.

Москва. Открыты Клубы: 1) на Трехгорной Мануфактуре, 2) при Союзе молодежи железнодорожного района, 3) при „Рабочем Дворце“ имени К. Маркса, 4) при Голутвинской Мануфактуре имени рабочих-погибших при покушении в Моск. Ком. т. Р. К. П., 5) Красноармейцы 11-го М-го Б-она тылового ополчения открыли свой Клуб в Замоскворецком районе, 6) на Прохоровской Мануфактуре III Интернационала.

Петроград. Открыты Клубы: 1) имени Октябрьской революции, 2) при государственной типографии имени Розы Люксембург (в поселке тов. Урицкого состоялось открытие клуба дружинников в местности Лигово).

Пролеткульт организует в клубах ряд подготовительных лекций для членов клуба, желающих принять участие в агитации за Советскую власть. В клубе красных печатников имени К. Либкнехта и Р. Люксембург организуются общеобразовательные курсы второй степени для взрослых.

Тула. Союзом швейной промышленности совместно с кожевниками и шпальниками открывается клуб.

Кострома. В клубной жизни наметен целый ряд новых начинаний: устраивается экскурсия вниз по Волге. В 1-ом рабочем клубе состоялось литературно-художественное утро посвященное Релингу; там же состоялась дискуссия по религиозным вопросам. Клуб Обединение открыл школу для неграмотных взрослых. С большим успехом в этом клубе прошел спектакль: „Намануге“ Невского.

Буй. (Костр. губ.) Открыт клуб.

Самара. Отделом Народного Образования открыто 5 клубов для малолетних тружеников фабрик и заводов и для детей рабочих. По инициативе Совета Профсоюзов при „Дворце Труда“ организуется общесоюзный клуб, имеющий целью объединить разрозненно существующие при отдельных союзах культурно-просветительные общества.

Симбирск. Во Дворце Труда состоялось открытие рабочего клуба.

Казань. Рабочими завода Основной Химической Промышленности открыт клуб. Рабочие Порохового завода предполагают организовать при заводских районах спортивные клубы. Общее собрание Союза Работников Народного Питания признало необходимым организацию рабочего клуба.

Елабуга. (Казанской губ.) Возобновлена деятельность клуба.

Сызрань. Открыт клуб рабочей и учащейся молодежи, при нем открыта библиотека.

Рыбинск. В августе состоялось открытие рабочего клуба; состоялся спектакль, ставили: „Через Край“ (комедия в трех действиях).

Астрахань. Открыт клуб имени тов. Трусова и при нем организован музыкальный кружок. Открыт также клуб в Бакалинском районе.

Вятка. Кружком железнодорожников открыт клуб имени Зиновьева. На открытии выступили представители К-та Партии, Губисполкома и др., указывая, что клуб является центром политической жизни.

Кузнецк. Открыт клуб имени Октябрьской революции, и при нем библиотека.

Открыт ряд клубов в следующих городах: в Кременчуге при Глобинском сахарном заводе, Нижнеднепке, Воронеже, Всполье (Яросл. губ.) Гомеле (при Вечерних курсах), Орше, Двинске (Клуб Судоходцев) Иваново-Вознесенске, Красном-Яру, на ст. Калиновичи, Новгороде (Клуб Профсоюзов) Ржеве (Клуб рабочих и работников и т. д.).

Пролетарские университеты и курсы.

Петроград. С 1-го октября секцией рабочих университетов Отд. Народн. Образ. решено открыть 9 университетов. 1-го октября открывается народный Железно-дорожный Политехникум. Предполагается открытие ряда школ грамотности для взрослых, курс которых при ежедневных 3-часовых занятиях рассчитан на 3 месяца. Открыта школа, задачей которой является подготовка лекторов среди рабочей молодежи из ее собственной среды.

Гомель. Уездно-городским Отделом Народного Образования открыты вечерние общеобразовательные курсы. Принимаются все меры к скорейшему открытию пролетарского университета.

Шуя. Отделом Народного Образования открыты общеобразовательные курсы.

Орел. Открыты курсы технических знаний. Цель курсов дать рабочим теоретическую подготовку по специальностям архитектурно-строительной, механической и электротехнической.

На первом Орловском Губернском Съезде по Народному Образованию, принято постановление об открытии государственного университета в составе естественно-математического и педагогического факультетов.

Орша. Открыт пролетарский университет и специальные курсы иностранных языков.

Сызрань. Отделом Народного Образования организуется народный университет эпизодических курсов.

Воронеж. Профсоюзом металлистов, предполагаются к открытию краткосрочные профессиональные курсы; цель курсов — дать возможность рабочим-металлистам получить хотя бы элементарные познания по своей специальности.

Организованы краткосрочные курсы для подготовки руководителей пролетаров для детских садов.

Казань. Культурно-просветительным Отделом выработана инструкция по постановке школы общей грамотности для рабочих. Представители литературных сил постановили открыть специально литературные курсы, преследующие две цели: 1) знакомство широких масс с литературой и 2) всесторонняя практическая помощь начинающим поэтам и литераторам. Открыта также пролетарская почтово-телеграфная школа. Состоялось торжественное открытие пролетарской школы при университете. 1-го ноября торжественно открыт рабочий факультет при государственном университете. Открыт особо чувашский рабочий факультет.

Киев. При рабочем университете открыта химическая лаборатория. Читаются лекции по биологии, политической географии и анатомии. При университете организовывается ряд специальных курсов, педагогические, военных и сестер милосердия. Открыта также школа грамотности, так как значительное число слушателей безграмотно и не подготовлено к слушанию лекций.

Курск. Коллегией Отд. Нар. Обр. разработан ряд курсов для подготовки квалифицированных рабочих и особые курсы монтажников.

Новоторжск. В целях ознакомления рабочих с их профессиональными познаниями открыты курсы для подготовки квалифицированных рабочих и особые курсы монтажников.

Вятка. Открыты рабочие-крестьянские библиотечные курсы.

Москва. Состоялось 8-го октября торжественное открытие рабочего факультета при 1-ом Московском университете. Открыт рабочий факультет при Институте Путей Сообщения. Открыты специальные курсы кожевенного производства и четырех-месячные курсы по текстильному делу.

Тверь. Открыт рабочий факультет. Открыт народный университет. — слушателей более 1.000 человек. Кроме общеобразовательных лекций, выделены курсы профессионального образования, сельскохозяйственные и бухгалтерские.

Томск. Открыт пролетарский университет. **Нижний-Новгород.** Состоялось 8-го декабря открытие рабочего факультета. Открываются государственные свободные художественные мастерские. Народным Комисариатом Труда открыты курсы для квалифицированных рабочих по их специальностям.

Астрахань. Советом Профессиональных Союзов открыт 22-го сентября городской трудовой политехникум.

Симбирск. Утверждено открытие государственного университета с шестью отделениями.

Саратов. При чугунолитейном заводе "Сотрудник", открыто отделение рабочего политехникума, которое своей целью ставит сообщение слушателям основных технических знаний.

Самара. Отделом Народного Образования открыты три школы грамотности для рабочих.

Смоленск. При Пролеткульте открыты 4-месячные общеобразовательные курсы. Выработана инструкция о постановке школы грамотности для рабочих. В губернии учреждено 3 университета, кроме государственного.

Имеются сведения об открытии народных университетов в Вязьме, Устюге, Кирсанове, Великих-Луках и крестьянских университетов в селе Красном, Тульской губ., в Гагстенской волости Тверской губ. и на станции Баташова, Саратовской губ.

Театры пролетарские и народные.

Кременчуг. Отделом Народного Образования организована украинская подвижная труппа, которая должна дать в течение месяца 12 спектаклей. Открылся пролетарский сквер, при открытии дан грандиозный концерт.

Нижний-Новгород. Студия молодежи с успехом провела "Сестры Кедровы". В Народном доме были поставлены "Мещане" Горького.

Самара. По инициативе Политотдела 2-ой Крепостной Стрелковой бригады труппой тов. Задольского была поставлена "Смерть на баррикадах" и "Обновленная Россия", вызвавшие большой энтузиазм у зрителей.

Казань. Организована разездная национальная труппа, играющая на чувашском языке, состав труппы около 16 человек. Коллегия Губвнешкольного Подотдела выделила 6 декабря репертуарно-художественный совет, работа которого должна заключаться в выработке репертуара: социального, классического и здорового смеха.

Петроград. При театрально-драматической мастерской Красной Армии, в целях поощрения литературной самостоятельности и широких красно-армейских массах, образовано жюри по рассмотрению и присуждению премии пьесам, сочиненным красноармейцами. Культурно-Просветительный Отдел Василья Островского театра открывает драматиче-

скую студию. Большое культурно-просветительное значение имеет театр Нарвского района. Значительное влияние в жизни театра, постепенное умирание Александрийского театра. Музыкальный Отдел устраивает ряд камерных и концертов для рабочих. Каждый концерт в первый раз будет идти в Митинговой зале „Дворца Труда“, а затем обойдет все районы.

Москва. Открылся государственный показательный театр. Руководящим принципом художественной работы этого театра является духовная связь с революцией. Поставлена пьеса Шекспира „Мера за меру“.

Тверь. В театре „Возрождение“ разыграна драма „Борьба за волю“. Усиленно готовятся к постановке пьесы „Изгнанники“. В зале клуба Интернационала поставлена трагедия В. Гюго „Анжело“ — образчик романтической поэзии со всеми ее достоинствами и недостатками. Единственным в городе истинно-пролетарским театром является театр Тверской М-ры. Ставили пьесу „На заре нового мира“, изображающую великую борьбу от октябрьского переворота до наших дней.

Саратов. Открылся театр дубочной драмы и комедий.

Тула. В работах театра в Никитской волости самое горячее участие принимают крестьяне прямо, что называется, от сохи.

Брянск. На сахарном заводе шла революционная пьеса „Канн и Авель“. На Мальцовских заводах в селе Ивой ставили современную драму „Восставшие“.

Смоленск. В августе открылся театр Профессионального Союза Работников Искусства, он называется „Свободный Театр“.

Рыбинск. Учениками театральной Студии пролеткульта представлено „Бомбы“ в 1-ом действии, соч. А. В. Луначарского. Три раза ставились „Бова-Королевич“ — комедия Антимонова. Рыбинский Пролеткульт задается целью создать удовлетворяющий, как требованиям театральной техники, так и художественным запросам рабочих, театр, для этого приглашена из Москвы большая, состоящая из крупных сил труппа с артистом-режиссером В. Локвым во главе.

Ярославль. В октябре состоялся спектакль студии пролетарского театра, шла „Гибель Надежды“. Молодые студии попали в руки опытных, добросовестных руководителей, и, благодаря громадной затрате энергии и умелой постановке дела, дали хороший спектакль. В городском театре шла историческая комедия „Гринок“.

Латжа. При исправительном доме открылся театр; в первый вечер был устроен митинг, на котором говорилось о положении заключенных в Советской России.

Орша. Опыт коллективного искусства проведен на вечере, устроенном школьными работниками. Участниками вечера были не только организаторы, но и зрители. Недочеты при выступлении объясняются непривычкой оберегать наше новое пролетарское искусство от всего антихудожественного.

Крокутадт. Ставится пьеса „Два брата“ матроса Елишкина. С большим успехом в революционно-героическом театре прошла пьеса тов. Верянцева „Красные и белые“.

Владимир. Гарнизонный театр ставит агитационную пьесу Локтева „Смерть красн-армейца“.

Боровичи. Силами кавалерийского дивизиона была поставлена пьеса „Анархистка“ и инсценировка „Царская и Красная казарма“, „Прием у губернатора и председателя Исполкома“.

Съезды и конференции.

Нижний-Новгород. Четвертая конференция Профессиональных Союзов в докладе о культурно-просветительной работе указывает, что главным тормозом в строительстве новой жизни является политическая неграмотность, отсутствие технических и профессиональных знаний и организационных навыков.

Конференция рабочих химической промышленности поручила правлению союза создать прочный культурно-просветительный отдел.

Гомель. 1 июля состоялась общегородская конференция рабочих металлистов. 24 июля 1-ая общегородская конференция рабочих.

13 сентября открылась первая уездно-городская конференция женщин-рабочих. 18 сентября — объединенная конференция работников просвещения, искусства и Отделов Народного Образования.

Воронеж. С 15 по 19 июля Съезд союза рабочей молодежи.

Шацк. Уездный Съезд по народному образованию.

Витебск. 8 июля открылась общегородская конференция рабочей молодежи.

15 сентября Общегородская конференция коммунистов-активных работников профсоюзов.

2 ноября открылась конференция представителей культурно-просветительных комиссий военных частей.

Рыбинск. 9 июля состоялась конференция союза рабочей молодежи.

Москва. С 25 и 27 июня состоялась 2-я общегородская конференция союза рабочей молодежи. Принят ряд решений: 1) для защиты от белогвардейцев нужны не только силы взрослых, но и молодежи, нужно ввести среди нее военное обучение, 2) было высказано пожелание о 4-х часовом рабочем дне, чтобы остальное время использовать для обучения рабочих масс и юных красн-армейцев.

15 ноября открылся съезд по рабоче-крестьянскому театру. Основной задачей съезда можно считать „выявление lika нового театра, создаваемого творчеством рабочих и крестьянских масс“.

В декабре состоялся съезд по народному образованию. В докладе народного комиссара по Просвещению указывается, что целью просветительной работы является не только распространение грамотности и утилитарно-технических знаний, но главное создание целостного мироздания.

Ржев. На 4-м съезде Совета по вопросу о народном образовании принята резолюция о широкой культурно-просветительной работе.

6 октября состоялась конференция союза рабочей молодежи.

Рязань. Состоялась 2-я конференция рязанского района Всесоюзного союза рабочих Водного транспорта.

17 сентября состоялось совещание культурно-просветительных организаций рабочих и клубов г. Рязани. Признано необходимым организовать для взрослых рабочих и вообще всех трудящихся вечерние школы I и II ступени.

Казань. 21 июня состоялась губернская конференция профессиональных союзов.

Состоялся губернский съезд по рабоче-крестьянскому театру. Все делегаты признали, что в основу создания здорового художественного театра должно быть положено привлечение широких народных масс в качестве активных участников театрального действия.

Смоленск. 23 июня состоялся губернский съезд организаций рабоче-крестьянской молодежи.

Состоялась первая конференция Коммунистического союза рабочей молодежи.

Брянск. На первой уездной конференции Коммунистических союзов молодежи принята резолюция о широкой культурно-просветительной работе.

26 и 28 августа произошла подготовительная конференция к съезду рабоче-крестьянского театра.

Боровичи. Состоялась конференция представителей Профессиональных Союзов. На конференции было избрано два члена в Пролеткульт, кроме того, было решено создать Совет при Пролеткульте, так чтобы каждый производственный Профессиональный Союз, выделил из своей среды одного представителя, — всего около 20 человек. Вся культурно-просветительную работу вести в строгом контакте с Пролеткультом.

Орел. 16 августа произошла конференция в пролетарском железнодорожном доме по разработке общего плана культурно-просветительной работы в районе орловского железнодорожного узла.

Елец. 21 августа состоялась конференция городских культурно-просветительных и театральных организаций по вопросу о строительстве пролетарского театра.

Астрахань. 2 сентября состоялся первый съезд Астраханского Союза коммунистической молодежи.

Самара. 14 сентября открылся губернский съезд Союза коммунистической молодежи.

Кронштадт. 16 сентября состоялась общегородская конференция производственных союзов г. Кронштадта. В области культурно-просветительной работы совету союзов, несмотря на все усилия, не удалось ничего сделать.

Тверь. 5 и 6 сентября происходило 1-е губернское совещание рабочих-коммунистов.

Иваново-Вознесенск. Губернский съезд фабрично-заводских коммунистов вынес резолюцию о необходимости как можно шире развить культурно-просветительную работу.

Кинешма. 26 сентября состоялся 3-й уездный съезд Союза коммунистической молодежи. В докладе о культурно-просветительной и политической работе указывалось, что культурно-просветительная и политическая работа есть единое целое.

Шуя. 5 октября происходил 1-й уездный съезд культурно-просветительных кружков.

Симбирск. 1-я губернская конференция Союза Коммунистической молодежи Симбирской губ.

Торжок. 25 октября состоялся учительский съезд, который отличался большим многосудством и содержательностью. На съезде поднят ряд вопросов культурно-просветительного характера, заключительная работа съезда была посвящена экономическим и бытовым вопросам школы и учащихся.

Тверь. В ноябре состоялся Съезд Пролетарских писателей. Съехалось до 25 поэтов и беллетристов, преимущественно из деревни и фабрик. Съездом выработан устав общества, организацию решено назвать „Тверское Литературно-Художественное Общество имени Никитина“. На Съезде говорилось о необходимости создания для начинающих пролетарских поэтов студий, коллективов и т. д., где могли бы развивать себя народные писатели.

Северо-Двинск. Состоялась 2-я конференция по внешкольному образованию.

Конференция Профессиональных Союзов состоялась в Сызрани, Невеле, Великолуцке и Нижнем-Новгороде.

Саратов. На 2-ом уездном съезде Коммунистического Союза Рабочей Молодежи лучшим средством для проведения дела просвещения признано открытие клубов, кружков, курсов и шк. д., как в городе, так и в деревне.

Ярцво. 23 ноября происходила конференция рабочей молодежи.

Библиография.

Илья Садюфев. „Дима мо-стихи“. Издание второе. Пролеткульт, Петрозавд. 1918 г. 72 стр. Цена 2 руб. 25 коп.

И. Садюфев несомненно имеет поэтическое дарование, — дерзкое, смелое, восторженное, но не уравновешенное, еще не вполне сформировавшееся. Подражая то Уитмэну, то Некрасову, поэт ищет своих путей, и все говорит за то, что путь его ближе к Уитмэну.

Стихотворения некрасовского характера, например, „Весна идет“, редки и случайны.

„Идет весна могучая,

Веселая, кипучая,

Прозрачная, поющая,

Пынящая, несущая—

Восторги, жизнь и свет“.

„Гуляю—монахи бражные,

Степанные и ванные,

На ветлах собираются,

О чем-то совещаются,

Кричат, кричат, кричат“.

Но, что в этом перепеве „Зеленого шума“ Характерного для поэзии И. Садофьева? Ни- чего. И наоборот, достаточно вам прочесть несколько строк из стихов „Ко вселенной“, или „Пролетарским поэтам“, и вы сразу узнаете поэта бурь и движения, угадаете певца „Поэмы из поэм“:

„Шествуют грядущих веков предтечи—

Пролетарские писатели, поэты барды.

Их выслали толпы, массы, миллионы,

Миллиарды.

Легions . . .

От гневно-ревуших фабрик, заводов, или

Дымных окраин, трущоб и ущелий,

Темных шахт, рудников, подземелий,

Дружин полевого труда;

Казармы, пароходов . . .

Их выслали предместья, посады, города.

Как титаны, разрушили рабства оковы.

Миру сказали свое слово,

Новое, крылатое, звучное, огненное слово:

Свобода, советы, вся власть трудящимся...

И вписали в историю кровью дымящейся

Прекраснейшую из прекрасных.

В старом мире небывалую

Поэму из поэм—республику советов.

Они предтечи послали взорвать былого

Они предтечи послали взорвать былого

И уготовать путь, огнистый, чистый, ясный

Грядущему поэту“.

В этих прекрасных строках и вся сущ-

ность программы уверенных, подчеркнuto-

задорных „динамо-стихов“, не знающих со-

мнений, колебаний и отступлений. Такова

сама натура автора. Еще до революции, си-

дя в „Крестах“, он писал:

„Но мрачная тюрьма, глумленья и оковы—

Закатывают дух Поседы над врагом...
Здесь, в камнях вещей стен, немолчным

Здесь, в камнях вещей стен, немолчным

Гудят: Союз, Борьбы, Протест, Свобода

Слова...
Мы слышим гул шагов, мятежный, власт-

Мы слышим гул шагов, мятежный, власт-

То наша Рать Труда идет со всех сто-

Растет борьба... Победа, знаем мы, за на-

И вполне психологически последователь-

но, что уверенность в победе за тюрем-

ной решеткой впоследствии выкристаллизо-

валась в

„Мощь призыва,

Битвы сладость,

Вихрь прыва,

Веру, радость“...

В одном из провинциальных журналов

И. Садофьева охарактеризовали, как футу-

риста. Рецензент был смущен рубрикой сти-

хов „Круг огласно сцененья“, и совсем

нелепо показавшись ему строчка: „в глазах

зелено-красно-синие круги огни“. А между

тем это правильно и логически и физиоло-

гически. В моменты сильных потрясений,

усталости, пред человеком с закрытыми гла-

зами очень часто носят разноцветные огни

и именно круги. Очевидно, рецензенту не

приходилось испытывать этих состояний, и

он приписал их футуризму. Нет, П. Са-

дофьев не футурист; правда, в нем чув-

ствуется доля манерности, но поэзия его

полна определенного, социального содержа-

ния; она классовая, коммунистическая, про-

летарская в лучшем смысле слова. Она спо-

собна зажигать сердца рабочих масс и дви-

гать их на борьбу со старым миром. Футу-

ризм, это—не одна нелепая форма с колос-

сальными претензиями на нечто новое, не-

виданное в смысле формы, но и потуга раз-

лагающейся интеллигенции вещать миру

новое слово, быть вождем в области искусства

даже пролетарских масс. Но в конечном

итоге футуризм почти всегда дает нам не-

членораздельные звуки в роде:

„Улз Элз Лэл Ли Оне Кон Си Анз“

Онон Кари Ри Коасамбли Моена Леж

Сабно Оратр Тулож Коалиби Влестаре

Тиво и Орене Алиж.

(Изобр. Иск. № 1, стр. 35).

Не то поэзия И. Садофьева. У рабочих

масс „души творчеством горят“... Полные

веры в торжество своего идеала, они верят

и заставляют верить других, что мы

„На железе и граните

Разобьем душистый сад“.

И не только массы, но и сама природа

участвует в этом торжественно-творческом

порыве. Трудные массы в блузах, лаптях

и шинелях шествуют к своей великой це-

ли, а

„Солнце путь их озаряет,

И ласкает,

Как детей.

Нежно любящих детей...
И целует, и целует упоенно,
Страстно, пламенно, влюбленно...
Их порывом, их стремленьем,
Их движеньем—
Восторгается.

Ярче, ярче разгорается“... 12.

„Сжигая творческим огнем гнетущих лет

наследье“, поэт видит, как

„Пахнувший молитвой, мхом и нафталином,
Филином на Солнце смотрит старый мир“.

А „всемирный наш товарищ-пролетариат“

„Гордо, смело и по-едно в мир вступает“.

И этот всемирный товарищ чувствует се-

бя единым мощным коллективом.

„Мы и Вы—едино Тело.

Вы и Мы—неразделимы“...

„Мы всеильны, мы все можем“...

„Плудом мысли коллективной

Новь поднаем, новь раснаем.

Опыним восторгом дивным—
Лучше рай, солнца краше“...

„Небывалое мы явим...
Темный хаос побеждая
Коллективно миром правим“.

Сознание исторической роли рабочего

класса и глубокая убежденная вера в тор-

жество пролетариата меняют отношение и

к самому труду. Раньше гудок звал к тя-

желому, поневольному труду, своим протя-

ным криком объединяя рабочие массы на

Горьбу с капиталом; теперь поэт полюбил завод иной любовью:

„Полюбил Купель Стремлений всех—Завод“.

И равный гудок не призыв к неволе, а „Утренняя молитва“, которая, „Разрывая сна дурманивший покров, Бодрость плет в отзывно-гордые сердца... Вдаль, и в жизнь, и в высь несется“.

„Хор гудков-Язык вселенной,

Гимн Единства, гимн—Труда“.

И эти страстные, восторженные строки, выявляющие в образах элементы пролетарской идеологии, пролетарской культуры, искупают все технические недочеты. А они есть.

И сказываются в подражательности отдельных поэтам, как уже указано выше. Иногда среди стихотворения врывается подражание народной поэзии:

„В степь безбрежную, на волю, на простор,

На зеленый, на цветистый на ковер“.

Повторение предлога перед существительным и определяемым его словом присуще народным песням, былинам и т. п.

Невсегда удается автору усиление мысли посредством ее повторения. Строчка: „сердце бьется, гнев хлопочет, гнев кипит“, неудачна тем, что глагол кипит, не усиливает действия, ранее выраженного глаголом хлопочет, а ослабляет его. Слишком прозаичны и скучны повторения типа „и тем самым, и тем самым“, здесь простое повторение слова, без всякого образа; недопустимы сочетания: „медных, металлических“; раз медных, то значит и металлических.

Встречаются неприемлемые образы: „лучами солнца обстреленный“, или „метнувших злобу, с огнем и дымом, из стали гудкой стрелу свинца. Выстрел „с огнем и дымом“ не ассоциируется со стрелой, да и стрелы из свинца не делаются.

Мы могли бы отметить и еще несколько технически неудачных мест, но не в них дело: поэты-рабочие прекрасно сознают свою слабость в технике, и о себе пишут только как о „предтечах“.

Если буржуазные поэты и рдеизенты и любят пожимать плечами и с удовольствием потирать руки на счет разных недочетов пролетарской поэзии, то пусть не забывают они своих первых шагов. Не они ли пером Третьяковского выводили:

„Екатерина по-

Ехала в город Мо-

Скву—столичный град,

Где зреет виноград“.

Кажется так, насколько не изменяет нам память...

В ближайшем будущем, когда пролетариат переворнет мир, а это скоро, скоро будет, и окончательно освободится на тап издыхающего капитализма, он справится со всеми мелочами; новое, ясное и яркое содержание даст и новую, прекрасную форму.

А сейчас мы искренно желаем, чтобы „Динамо-стихи“, идя в массу, творили там динамо-сердца. А они это смогут сделать.

В. Плянский.

П. Бессалько. *Алмазы Востока. С предисловием А. Луначарского. Рисунки С. Вибберга. Изданы Петроградского Совета. 1919 г. 84 стр. Цена 7 руб.*

П. Бессалько известен широким пролетарским массам, как историк-бытописатель рабочего движения, давший прекрасную картину зубатовского времени и интересный этюд отхождения от рабочего движения интеллигенции после поражения революции 1905 года.

Тем более интереса и внимания вызывают „Алмазы Востока“, в которых автор дает в колоритных восточных тонах и настроенных ряд легенд и сказаний.

Чтаете ли вы про „Шаха Кобадю“, „Хромомного Гефеста“ или „Великого Ману“, вы не только дышите восточным воздухом, не только заинтересовываетесь фабулой, выношенной и яркой, не только восхищаетесь восточной узорностью языка, но слышите, наслаждаетесь и приобщаетесь к протесту народных масс против своих угнетателей и поработителей.

Вот перед вами гордая фигура Иуды Гавлониты. Он поднял восстание перусалимских бедняков и, спасаясь от преследований, скрывается в горах. Прекрасный гордый Иуда, потерявший в борьбе трех своих сыновей, из которых двое распяти, а один сидит в оковах, чтобы не быть узанным, вырывает один глаз. „А когда свет жизни совсем погас в нем, Иуда, отбросив глаз в сторону, прошептал: „Перусалим“ и спустился вниз, в долину. И видевшие его говорили: он уродлив и страшен, его голова—голова Медузы, а черный глаз подобен злобному скорпиону, приготовившемуся жалить“.

Великий Ману, повелевший шудрам рабам служить всем кастам, „питаться лишь чесноком и луком“, пить воду „лишь из болот и луж в следах, оставленных животными“, погибает ужасенный огромной змеей. После смерти его блуждающая душа попадает в тело раба, рошчет на жизнь, жалуется на несправедливость, а после второй смерти, по воле богов, душа этого злого Ману не находит себе места и селится в теле дворовой собаки.

Шах Кобадя под натиском народных масс и страстного искания вечности дает своему народу свободные законы. Сын в союзе со знатью устраивает заговор, восстание, и опрокидывает революцию.—отца Кобадю сажает в тюрьму, в „Замок Прошлого“. Недвижим лежал шах на могрой земле, горько жалуясь на судьбу свою. Его голос был слаб, тихим шепотом выходил из горла слова:

— Вот награда царю за подвиг его! Бедное честолюбие и ты, гордость моя! вы стремились к вечности! вы хотели, чтобы мое имя было ярко, как солнце на небе.

Мой разум и скромная совесть моя, вы, мечтавшие в тайне, что вас благословят народы в веках, вы видите, как судьба насмеялась надо мной!

И все это за то, что я хотел народ сделать счастливым. Я сеял радость, и пожал печаль и слезы вместо смеха.

От усталости Кобада закрыл глаза и смолк, лишь цепь с жутким лязгом сотрелась на теле его.

В уме пронеслись видения. Небо Персии, как ясная лазурь, быстро текущий Тигр, тучные поля, тенистые сады, вдали синие горы, голые степи, и по ним бежит „дагская дорога“ к Ктезифону. Вот шах видит в нем свой дворец, большой и красивый.

К сердцу Кобады прихлынула горячая кровь, и он воскликнул:

— Враги мои, я отдам вам трон, всю власть и богатство, но дайте взамен мне возможность видеть солнце, небо, ощущать тепло дня и прохладу вечера, ходить по земле и обнимать своих жен. Я буду считать себя счастливейшим человеком на земле.

В это время заскрежетало старое железо петель, и толстая дверь подземелья раскрылась. Пред шахом стоял Михр-Нерсе — главный садразам. Отвесив поклон, он проговорил обычное приветствие царю:

Да живет шах вечно!

В ответ на слова пышно одетого садразама лишь своим звоном ответили цепи.

— Шах, — сказал Гордый Михр-Нерсе, — отмени законы, в безумии написанные тобой, и царевич Хозрой вернет тебе свободу и трон.

— Отменить законы? Никогда! — горячо ответил Кобада.

Садразам захохотал:

— О безумец, твои законы недействительны теперь. Сорок тысяч безумцев и их вожди трупами лежат под стенами Ктезифона. Страна усмирена.

— Несчастный мой народ! Плачь вместе со мной, — шептал шах.

— Царь, будь благоразумен! — сказал садразам, — одно твоё слово раскаяния, и ты получишь трон и жизнь, к которой привык.

Кобада медленно ответил:

— Ни одного слова раскаяния!

— Но почему, Шах! — воскликнул пораженный садразам.

— Потому, что уверен в вашем бессилии разрушить то, что мной воздвигнуто для вечности.

— О, безумец! — крикнул Михр-Нерсе и торопливо оставил стены темницы.

Высокая дверь, хороня великого Кобаду в „Замке Прошлого“ ржавыми петлями протела ему о вечности.

Кто не почувствует силы и красоты подобных картин?

Бессалько первый из пролетарских писателей от обычных тем труда, завода, машинизма и т. п. перешел к легендам, сказаниям, расширяя круг своих образов, в которые отливается пролетарский протест.

На востоке Бессалько не был и вообще литературная попытка в этом жанре первая, — и все-таки автор справился со своей задачей.

Как и во всех других вещах, язык Бессалько прост, выдержан, строг, но сочен и образен.

„Алмазы Востока“ прекрасно иллюстрированы С. Видбергом. В его в меру стилизованных рисунках, как и в самих рассказах,

чувствуется подвижной, живой восторг, и они на редкость гармонируют с текстом.

Книга издана дешево и прекрасно.

Само собой разумеется, что мы рекомендуем эту книгу каждому, у кого трепещет сердце от радости видеть новое художественно-ценное, вышедшее из-под пера рабочего.

В. П.—ий.

А. Соловьев (Нелюдим). „Полеты“. Сборник стихотворений. Галич. 1920 года. Издание Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов. 127 стр. Цена 25 руб.

Мы с большим удовольствием прочли данный сборник. Автор обнаружил много бытовой наблюдательности, и все изобразил в живых и даже ярких образах; стихи его ровны, легки и плавны, рифмы свободны, хотя и не блещут оригинальностью. И это вполне естественно, если принять во внимание, как давалось автору его образование. За образование „не раз драли его за уши мать“ „лучил“ маляр-хозяин и давали „плюхи“ все, кому он ни служил; и только петроградская тюрьма „Кресты“ — светлое воспоминание:

„Теперь я помню о „Крестах“.

О светлое воспоминанье,

Я там читал, забывши страх,

И пополнял „образование“.

Какая масса чудных книг,

Какие милые названия,

А выбор, выбор так велик...!

Тюрьма — мое „образование“.

Автор обладает даром юмора, доброго снисходительного, временами не без доли иронии, хотя и с примесью вульгарности в погоне за „озорным“ словом, сравнением, образом.

А. Соловьев, хотя и затрагивает современные моменты и задачи, и порою даже пытается их расширить, как например, в стихотворении „Родному театру“ и „Светлый сон“, все-таки к пролетарским современным поэтам причислить его нельзя.

Его поэзия — переходный этап от крестьянских настроений к пролетарским. Чувствуется, что он еще не пропитался психологией воспитавшихся в заводе, среди машин и стали. Правда, автор пишет, что

„Электричество, пар заменили собой

Труд мозолистый, где гнулись спины.

Властелинам рабов мы сыграли отбой.

Здесь рабы наши — только машины“.

Но эти мысли случайны, брошены мимоходом, а главное электричество и пар прежде всего

„Землю вольную распашет.

Будет мир и труд иной.

И соха не пригодится

И косуля с бороной.

Где мужик восою машет,

Жмет, согнувшись, жница в жар.

Землю вольную распашет

Электричество и пар“.

Селом „Большие Доли“ с плетнями, жердями, посылками и хороводами... деревней „Дырийкой“... полем, росой веет от стихов

А. Соловьева. Да и политические темы работают автором в общих демократических тонах, со старыми шаблонными призывами вперед, к свету, на борьбу...

В своем послесловии автор указывает, что на его творчество сильно повлияли: Никитин, Некрасов и Горький. Это несомненно. Мотивы Горького в период его увлечения босяками встречаются не раз у А. Соловьева. Некрасовский стиль выступает в гражданских стихах. Никитинское влияние мало заметно; насколько поз можно судить с юмором, никитинские настроения вообще не гармонируют с вольными мечтами автора, который пишет про себя:

„Мой брат, поэт в рабочей шкуре,
Стихов слезой не разбавляй:
Без нас с тобой в литературе
Поэтов-плакз хоть отбавляй“.
„Довольно буржуазных вкусов.
Рабочий стих—удар борца.
Пускай твердят Бальмонт и Брюсов:
„Венок скорбей—удел певца“.

Если же временами выступает и никитинская сдвизчивость, то потому только, что не всегда интуитивные акты творчества контролируются пролетарским сознанием автора.

На поэзии А. Соловьева несомненно отразилось его бродяжничество. Алексей Николаевич Соловьев, а попросту Алеха, как сказано в автобиографии, сначала обучался малярному делу, потом „посколесил вдоль и поперек все северные губернии, заглядывая на Волгу, бурчалки, крочинад, грузил дрова, работал на з водах, прошел все стадии чернорабочего труда“, затем в Шонше примкнул к кружку деревенской молодежи, попал в „Кресты“, а потом на империалистический фронт.

Всюду автор наблюдает, всюду он нашел темы для своего творчества, но бродячая трудовая жизнь не дала ему строго выдержанной психологии индустриального пролетария, хотя и сделана его коммунистом-политиком.

Автор гордится книжкой своих стихов.

„Я делаю мои стихи, пишет он в послесловии, достойным пролетарского общества, и горжусь этим, горжусь, как поэт-пролетарий, принесший и свою частицу творчества в общий улей пролетарской культуры, принес им то, что сумел почерпнуть не в школах и университетах буржуазного общества, а то, что смог взять от самой жизни, от самой природы, из того, чем живет, горит и волнуется душа и сердце каждого мыслящего рабочего, крестьянина“.

Автор знает, что „собрать по перу и критики пролетарского творчества... найдут „сучки“ и „задоринки“, и „отсутствие ярких художественных образов и слабую технику, и невыдержанность, и прочее“.

Автор верит, что придут на смену „великие настоящие художники“, а пока их нет, надо творить и учиться.

Сознавая необходимость самой живой и тесной связи между рабочими-поэтами и рабочими пролетарской культуры, будучи в идеологическом отношении настроен коллективистически, А. Соловьев заранее „от

души благодарит“ того, кто „укажет на достоинства и недостатки его стихов, чтобы глубже задуматься над тем, чего раньше не замечал“.

Только рабочий-поэт может так писать о себе, незаметно для себя выявляя элементы пролетарской культуры. Это весьма симпатичная черта и знаменательная.

Этой небольшой рецензией нам хотелось бы направить поэтическое дарование и художественную наблюдательность автора на современный быт, складывающийся в новых производительных формах и общественных отношениях, и не столько между враждующими группами старого мира и пролетариатом, сколько на быте пролетариата, как творца и источника новой жизни, новой культуры.

А. Соловьев поэт в значительной степени определившийся. Ему будет трудно встать на новую дорогу. Но пусть он сумеет это сделать, раз он так глубоко и искренно хочет служить делу пролетарской культуры.

В. П.—ий.

Сергей Шмонин. „Красное Знамя“. Стихи с 1904 по 1910 год. Нижний-Новгород, 80 стр. Цена не обозначена.

Стихи С. Шмонина со стороны художественной и чисто литературной ценности не представляют. Бледность образов, однообразие шаблонных эпитетов и сравнений, ограниченность переживаний сразу видны каждому, кто возьмет в руки эту книжку; но эта книжка при искренности автора, еще не отлившего своих дум и настроений в художественную форму, несомненно, имеет интерес, как книжка, отражающая определенную историческую фазу рабочего движения, с присущими ее деятелям настроениями и волевыми проявлениями.

В стихах С. Шмонина читатель, конечно, не встретит мотивов современной пролетарской поэзии, его последние стихи помечены 1910 годом. И все-таки С. Шмонин, как настоящий пролетарий, чутьем своего небольшого дарования, предугадывает грядущие настроения и даже попытается придать им художественный облик.

Поэт сознает, что настоящая жизнь впереди, а теперь она горит только в его груди; но придет время, пролетариат свергнет тиранов-царей и создаст свой мир „свободы братства и равенства“. И эта убежденность дает смысл жизни:

„Люблю я мятежные массы,
Проснувшихся к жизни людей.
И вместе с трудящимся классом
Я верю в победу людей.“

Нет в жизни счастливей доли—
Как массы к борьбе призывать.
И с ними железной волей
Грядущее счастье ковать“.

Найдя цель существования, автор восторженно смотрит и вообще на жизнь. Жизнь—счастье, а не злая неволя.

„Сколько счастья и свободы
Жизнь открыла предо мной.
Только молодости годы
Жизни худный рай земной.“

Радость, счастье без предела.

Радость, счастье без границ

Отдаваться жизни смело

И идти на блеск зарниц!

И автор идет на «блеск зарниц». Но чтобы не пасть в бессилии, он идет вместе с рабочим классом.

„Я сын рабочего народа!

Рабочий класс! Я твой! Я твой!“

восхищает автор. Пролетарию отдает С. Шмонин и свой поэтический дар:

„Мой дар природою мне дан

Служить рабочему народу.

И я встаю в рабочий стан

За пролетарскую свободу.

Покуда хватит моих сил,

Бороться буду вместе с массой.

Пока он мир не победил,—

Пойду в рядах с рабочим классом“...

И как велика убежденность автора в силу рабочего класса.

Сидя в пересыльной тюрьме, он бросает своим врагам гордые, дерзкие, вызывающие слова:

„Пусть всю жизнь меня томят,

Но я борьбою буду жить.

На казнь и смерть пойти я рад.

Чтобы в рядах рабочих быть“...

С. Шмонин энтузиаст, он забыл свою, так называемую, личную жизнь, его жизнь принадлежит пролетариату, и ценна она постольку, поскольку является определенной силой в этом сознательном боевом коллективе.

На больничной койке, быть-может, даже в ожидании смерти, рабочий поэт пишет:

„Умру я в сиянии жгучих лучей

С весенней, светлой песней моей.

Умру я в борьбе за рабочий народ.

Но светлая цель никогда не умрет.

Не нужно ни плача, ни крика, ни слез

Для смятых грозью увянувших роз.

Не нужно страданий, и скорби, и мук.

Страданье и мук—лишь жалкий недуг.

Я знаю, что солнце на небе взойдет.

Я знаю и верю в рабочий народ.

Я знаю, что вечное солнце горит,

Я знаю, лишь прах мой в могиле лежит“.

Настроения восторга, радости, гнева и борьбы в рядах пролетариата ни на минуту не покидают песен автора, хотя он испытал много тяжелых и подавляющих моментов общественной и личной жизни.

И эти песни, если верить автору, он подслушал у природы.

„Песни счастья, ликования,

Я подслушал у весны,

Песни нежного журчанья

Я подслушал у волн.

Песни счастья, упоенья,

Понял я в синих днях,

Песни бурного стремленья—

Счастье жизни для меня!

Песни счастья и свободы.

Я слышал у соловья,

С ними я борюсь с невзгодой.

Так звучи же, песнь моя“.

Но врид ли прав поэт? Не у весны, с спящими днями, и ни у соловья. С. Шмонин подслушал свист песни счастья. Их принес с фабрик и заводов рабочий класс. Об этом так ярко и ликующе говорят современные рабочие-поэты.

Да у самого Шмонина прорываются временами иные мысли и настроения. В поисках свободы, бродя по полям, по цветущим лугам с кружащимися мотыльками, по заплясанным лугам, он находит песни счастья и борьбы в городе.

„Он шумел, как в бурю море,

Он ревел, как в бурю шторм,

Позабыв я о престоле,

Слушал в городе я гром.“

Дане воздух здесь—свобода,

Весь штурмует ряд колонн,

И в востаньем народа,

Революцией рожден“.

Город создали моз ли он?

Подневольных каторжан.

Для счастливой полной доли

Город создал он—титан“.

Нет, не только здесь свободу—

Рай земной я здесь нашел.

И в рабочему народу

Я служить сюда пришел“.

Но этот город все-таки не город современных поэтов-рабочих.

Говорит автор и о труде. Он люит его, как «счастье бытия», и знает, что придет «свобода для труда». Но роль труда, его социально-организующая функция, не раскрылась автору. Он думает, что победу пролетариата организует не труд, а «к свободе порыв», и что «взрыв» расторгнет проклятый наш плен. Это, конечно, не пролетарская точка зрения. Свою победу пролетариат ставит на планомерной политической и экономической борьбе, а не «на порывах и взрывах».

Да и самый пролетариат автор смешивает часто с народом.

Это две разных социальных категории. Указанные недочеты, однако, не мешают нам приветствовать данный сборник, как интересный исторический документ, полный восторга, порыва к счастью и борьбе,—документ, в котором пролетариат увидит себя—документ, который не раз воодушевит его в тяжелую минуту борьбы и стирательства.

Сборник Рыбинского пролеткульта. Рыбинск. 1919 г. 72 стр. Цена 15 руб.

Почти всегда испытываешь радость, когда берешь журнал Пролеткульта. Чувствуешь, как молодое, еще бледно-зеленое, но уже сильное, пробивается сквозь растаявший снег, чтобы зазеленеть, зацвести и украсить землю ярким, радующим сердце, ковром. Ломается старая культура, гибнет старая жизнь, чахнет буржуазная идеология; несмело, робко, незаметно, но во все поры жизни вливается новое, свежее, пролетарское содержание. Так и хочется воскликнуть: «товарищи, как хорошо и весело жить на свете». Весна идет,—солнечная, цветущая, ласкающая. И хочется оставить эту радость на земле навсегда.

Вот и сейчас. Перелистывая Сборник Рыбинского Пролеткульта, вижу и чувствую, как развертывается, растет рыбинский рабочий, что он думает, чем живет, какие интересы заполняют его жизнь, и как все это пробивается через толщу буржуазной культуры.

Годовой отчет говорит о большой инициативе, самостоятельности, серьезности работы и понимании задач. А сколько любви, настоящей, глубокой любви, к делу!

Не даром студиицы в отделе „Впечатлений“, пишут: одно время я думал оставить студию. Но мне было жалко расстаться с ней. Жаль потому, что она дала мне много хорошего. Она приблизила меня к искусству, она открыла мне путь к науке, и я дал слово, что буду работ в студию, пока будет возможность. Студия сделала из меня совершенно другого человека. Теперь я чувствую себя совершенно другим человеком. Другой в этом простом, но глубоким мыслям добавляет: „мы скоро как-то все сжились, и что мне показаться странным, так это именно то, что раньше у меня не было такой привязанности и дружбы с товарищами, с которыми я проводил свободное время в течение нескольких лет, а тут через какие-нибудь два месяца мы все стали дороже друг для друга“.

И эти студиицы, проработавши год, вышли людьми, сознающими, что они дали и что они должны делать дальше. На общем собрании студиицев в день годовщины театральной студии они вынесли следующую резолюцию:

„Принимая во внимание серьезность момента и те трудности, которые приходится преодолевать в настоящее время советской власти в борьбе с внешним врагом и экономической разрухой, мы, ученики театральной студии, мыслим нашу работу, как часть общей напряженной борьбы за социалистическое будущее, вполне отвечающее идеалам и планам советского строительства.“

Мы смотрим на наши занятия не как на легкий труд, а как на творческую работу, связанную с упорным тяжелым трудом и лишениями. Кроме того, глубоко оценивая все заботы о нас государства, мы по собственному почину предлагаем себя по окончании Студии в распоряжение Отдела Народного Образования и Пролеткульта для несения обязательной общественной работы по назначению в течение года.

Закончив в истекшем году свою творческую работу по созданию нашей первой пьесы, мы единодушно беремся в будущем году продолжать наш творческий труд и создать, таким образом, трилогию, во второй части которой должен отразиться Великий Октябрь, а в третьей—будущий социалистический мир, как он рисуется в нашем воображении.

Да здравствует коллективное творчество! Да здравствует Революционный Театр!

И разве радость не волнует ваше сердце от этих великих слов, которые рождаются не только в Рыбинске, но везде, по всей России,—рождаются, растут, ширятся и ликующим звоном несутся над проснувшейся

страной, буди, тревожа и волнуя западавших выйти на творческий труд.

Хороши статьи и умело выбраны темы для первого сборника. Т. Калашников пишет о „Задачах Пролеткульта“, т. Волгин о „Пути Пролетарской Культуры“ и т. А. Сенатов о „Культурно-просветительной работе в рабочих клубах“. Видно глубокое убеждение авторов и стремление убедить других. Просто, жизненно, теории спаяна с делом, с текущей работой.

Стихи ни оригинальностью, тем, ни своей формой, ни какой-либо другой стороной не выделяются из моря тех стихов, которыми заполнена провинциальная пресса. Но за то ярче выделяется пьеса „Не ходи“.

Интересна история этой пьесы. Театральная студия Рыбинского Пролеткульта начала импровизаций на тему: горе, радость, досада, гнев и т. п., затем перешла к импровизации картин и остановилась на картине „Не ходи“, передающей момент, когда работница не пускает своего мужа к забастовавшим рабочим. Развивая тему картины, студиицы наоткупались на множество других вопросов: почему женщина удерживает рабочего, а не наоборот? об отношении к девушке и женщине, чем живет рабочий класс? его интересы? выход из бесправного положения и т. д. Обсудив эти вопросы, студиицы задумали коллективно написать пьесу. Разбили материал на четыре части; каждая группа студиицев обдумала сценарий; первая инсценировка была без слов; потом действующие лица начали говорить без всякого предварительного обсуждения речей и реплик; затем, когда стало выявляться нечто стройное, стали записывать, записанное обсуждать и исправлять, и так до тех пор, пока не получалась помещенная в сборнике пьеса „Не ходи“.

Студийцы в своей работе далеко ушли от темы картины, но они не хотели дать пьесе другого названия, тем более, что оно, как сказано в предисловии к пьесе, „стало для них близким и дорогим, и с ним связан весь процесс их радостного коллективного творчества.“

Действие происходит на окраине фабричного города, в рабочей слободке еще до 1905 года. Даются яркие картины семейных отношений, пьянства, картежничества, пробуждения рабочих и начала их борьбы. Пьеса имеет свои недостатки, но написана ярко, живо, в реалистически-бытовых тонах. Нет ничего надуманного, искусственного, — все так естественно, как в самой жизни, а это одно из главных достоинств всякой пьесы. Хотя пьеса и не затрагивает современных тем и настроений, тем не менее она с удовольствием и пользой прослушается каждым средним рабочим; близка и понятна она ему. Что сказать еще? Товарищи рыбинцы, выступили хорошо. Рассекайте мрак, несите свой пролетарский огонь, пусть он разгорается ярче и ярче, пока всеочищающее пламя пролетарского творчества и грядущей культуры не озарит весь мир новым светом. Помните: „из искры возгорится пламя“. А в самостоятельности залог успеха дела пролетарской культуры.

В. П-ий.

В. Фриче. „Пролетарская поэзия“. Москва, 1919 г. 112 стр. Цена 12 руб.

Вопросы пролетарской культуры и в частности пролетарской поэзии привлекают внимание всех, кто так или иначе причастен к культурной работе. Появилась книжка Львова-Рогачевского „Поэзия новой России“. („Поэты полей и городских окраин“), в которой много благосклонного внимания кадетствующего социалиста к поэтам пролетариям; вышла и книжка тов. В. Фриче того же издания, хотя издатели этого и не отметили, а следовало бы. В книжке есть четыре новых главы, в которых автор дает характеристику, хотя и краткую, современным пролетарским поэтам: А. Самобытнику, Маширову, В. Кирilloву, А. Гастеву и М. Герасимову, анализируя условия и тенденции их развития; в расширенном предисловии есть попытка определить, что такое пролетарская поэзия.

Прежде всего нам не понятно, почему автор обошел молчанием, несомненно, заслуживающих серьезного внимания таких поэтов, как И. Садофьев, А. Поморский, В. Александровский и некоторых других. Они дают материал не менее богатый и ценный, чем безвременно погибший А. Гмырев, с которым мы встречаемся в книжке.

Рецензия на первое издание данной работы В. Фриче нами дана в № 4 „Пролетарской Культуры“; — поэтому на этот раз мы остановимся только на некоторых отдельных местах, имеющих важное, даже первостепенное значение.

Автор задается вопросом: что такое пролетарская поэзия? И отвечает так: „Пролетарская поэзия это, очевидно, поэзия, созданная пролетариями и прежде всего индустриальными рабочими, во-первых, такими, которые, творя, не порывают вместе с тем со своим классом, с производством, во-вторых, такими, которые работали на фабриках и заводах, а потом, порвав со своей средой обособились в интеллигентно-пролетарского происхождения, наконец, к ним можно присоединить еще, хотя и с некоторой натяжкой, поэтов, родители которых были пролетариями и которые духовно продолжали жить одной жизнью с рабочим классом“.

Данное определение страдает односторонностью; оно кладет в основу чисто формальный признак — происхождение. Это ошибка. Мы полагаем, что поэзия рабочего ни в коем случае не может быть пролетарской, если она не проникнута классовой, коммунистической идеологией. Разве мы не знаем, что многие настоящие рабочие, не порвавшие с производством, в области политической и экономической являются реформистами, либералами и даже предателями. Неисключена возможность появления разного рода шлаков, мистиков, футуристов и т. п. и среди пролетарских поэтов. Словом, не все выпешные из-под пера рабочего тем самым являются пролетарским. История поэзии, созданной рабочими, далеко не история пролетарской поэзии, как ее принято понимать в данный момент.

Странно в определении В. Фриче и то, что он разрыв с производством связывает до некоторой степени с разрывом со своим

классом и даже как бы с изменой ему. Об этом можно было говорить в прошлом, капиталистическом обществе, а не в переходный момент к социализму, в период диктатуры пролетариата, когда каждый рабочий какую бы функцию он не выполнял в советской работе, неизбежно вынужден сливаться с пролетариатом, пропитывался его идеологией.

И свою мысль автор обринул не случайно. На последней странице книжки он пишет: рабочие „должны перестать быть только поэтами — пусть они снова будут прежде всего работниками, пролетариями, и лишь на досуге так же творцами-художниками слова“. Это глубоко не верно. Чтобы овладеть искусством, быть истинным творцом, пролетарий должен сосредоточиться на своей работе, а не ограничиваться только досугом. Искусство — орудие тонкое, оно требует сложной и трудной работы. Одного досуга тут не достаточно. Ограничиться им — значит пролетарское искусство отодвинуть назад, или ждать невиданных еще гениев. Буржуазная поэзия не ограничивалась досугом. Нечего бояться профессионализма в искусстве и пролетарским поэтам.

Не прав тов. В. Фриче и в том, что у нас нет пролетарской поэзии. Есть. Поэты пролеткульты сумели дать то, чего в поэзии буржуазии еще не было. Они сумели отразить свое классовое миропонимание не только в гражданских мотивах, но и во многих других.

Зато, как глубоко прав тов. В. Фриче, когда указывает, что отдельные поэты, например, Герасимов, „идут в школу футуристов“, „незаметно подпадают под влияние буржуазно-интеллигентской поэзии“. Можно было бы показать на ряде примеров, что этот плен поэтов-пролетариев интеллигентской поэзией для них в высокой степени пагубен. Стихотворное мастерство и погоня за вычурностью начинают подавлять даже в лучших из них здоровое зерно пролетарского умонстроения“. Это неизбежное явление; это детская болезнь, которую мы предвидели. Разговоры художественно-развращенной современной интеллигенции о неподготовленности пролетария и о колоссальных трудностях поэтического труда, с одной стороны, — и стремление соревноваться с буржуазными поэтами, списавшими себе имя, с другой стороны, — вот причины этой болезни. Но она, как понятно всякому, носит временный характер. Пролетариат, как класс, в интересах стиля и формы, разных добряшек и гримас, не откажется от своего содержания, найдет свою новую форму, гармоничную со своим содержанием.

Как раньше, так и теперь, мы рекомендуем книжку тов. В. Фриче всякому, кто интересуется вопросами пролетарской литературы.

В. Г.

В. Львов-Рогачевский. „Поэзия Новой России“. Поэты полей и городских окраин. Книгоиздательство писателей в Москве. 1914 г. 192 стр. 28 руб.

Вопросы пролетарской литературы возбуждают глубокий интерес как среди пролетариата, так и среди лиц, с кислой гримасой говорящих о советской власти, но как

бы идущих в ногу с пролетариатом. Поэтому всякая книга о пролетарской поэзии имеет несомненный интерес. С одной стороны, она дает возможность пролетариату формировать и улучшать свое творчество, сравнивая его с творчеством других социальных групп; с другой стороны, открывается возможность наблюдать, как некоторые критики пытаются ответить пролетарских писателей от их путей и сосредоточить их внимание в направлении буржуазной идеологии.

Книга Львова-Рогачевского как раз представляет интерес с обеих точек зрения.

Автор довольно правильно отмечает смену литературных направлений писателей из народа. После кратких, но ярких оценок творчества Кольцова, Шевченко, Никитина он переходит к Сурикову и, главным образом, к суриковцам, забывая в их гроб уверенной рукою гвоздь за гвоздем, так как их идеология давным давно сдана в „мусорный ящик“ истории; да и кроме нудных, ноющих, неуклюжих песен-перепелов они ничего не сотворили, хотя и сильно мучились в потугах своего тяжелого творчества.

Дальше идет анализ пролетарской поэзии. В части чисто фактической, передающей содержание поэзии рабочих, автор почти не грешит; он вполне удачно выбирает места для иллюстраций, стараясь рельефней подчеркнуть „свою великую радость и светлую надежду“, родившуюся с появлением на сцену „целой группы талантливых писателей, кровно связанных с крестьянской и пролетарской интеллигенцией“. Но там, где дело доходит до оценки, сразу выявляется буржуазная критика с проповедью утонченности в ущерб художественной простоте. Считал устаревшим учиться рабочим у Пушкина, Гете и других великих мастеров слова, автор зовет подражать Брюсову, Бальмонту и другим модернистам, или мануфактурным словам, или променявшим человеческий язык на нечленораздельные звуки. Пролетариат, конечно, на эти советы не обратит внимания; а если найдутся одиночки, то это не будет иметь значения. Как узнает читатель из книжки Л. Рогачевского, публицисты и критики из „Пролетарской Культуры“ в искусстве профаны, даже сущность крестьянской поэзии еще не уладили себя, а берутся решать большие сложные вопросы. И тем не менее мы самым решительным образом отвергаем характеристику, например, В. Крицкого, как подражателя „буржуазнейшим поэтам-футуристам, совершенно чуждым пролетарской культуре“, который „пишет нечто в роде поэмы Северянина“. Не можем мы восхвалять вместе с г. Л. Рогачевским и Монну-Лизу М. Герасимову, в которой есть элементы совершенно чуждого пролетарскому мировоззрению, в которой форма убивает содержание.

Есть в книге в общем правильная оценка современных крестьянских поэтов и пролетарских шумливых имажинистов.

В конце книги приложена библиография, в которой между прочим рекомендуются книги по стихотворению: „Опыт“ и „Наука о стихе“ В. Брюсова. Эти книги мы считаем,

абсолютно вредными, способными убить всякое начинающее творчество.

Книга может иметь дурное влияние, благодаря тому, что автор в своих „исекон-коптенетных“ суждениях прикрывается ларкинстским плащом, который, хотя и плохо сидит на нем, но понынешним временам, когда идет проповедь „разорванного сознания“, может кое-кого ненадолго сбивать с толку.

В общем книгу Л. Рогачевского прочесть следует; она дает богатый материал, хотя и разработанный с чуждой нам точки зрения.

П. Рудной.

Эм. Вандервельде. „Социализм и искусство“. Изд. Петроградского Совета. Петроград. 1919 года. 64 стр. Цена 90 к.

Работа Вандервельде давно известна русской читающей публике и выдержала уже несколько изданий. В данный момент она несколько устарела, как со стороны своего подхода к вопросу, слишком узкого, так и со стороны фактического материала; но все-таки она представляет глубокий интерес, а отдельными своими местами может даже быть использована в защиту нашей пролетарской точки зрения.

Автор убежден, что в будущем исчезнет теперешнее деление труда на физический и умственный, что „в будущем осуществится коллективистическая, или коммунистическая организация, при которой часть рабочей силы будет посвящена исключительно интеллектуальному, научному или художественному труду“.

И будущий интеллектуальный труд будет носить иной характер, чем со временный; умственный труд сочетается с физическим, искусство с ремеслом, мысль с действием, и все это будет освящено пролетарской идеологией, пронизано пролетарской психологией, пропитано пролетарской волей. И разрешить эту задачу может только рабочий класс, а не выходящий из буржуазного мира, потому что у них всегда остается одна из форм зависимости, которой никто не может избежать, — зависимость от среды, прямое или косвенное влияние которой неминуемо оставляет на художнике свой след. И эта зависимость, за единичными исключениями, делет художника из буржуазных классов чуждым мировоззрению развращающегося класса пролетариата, потому что „производство ради прибыли и вытекающие из такого производства формы собственности влияют удручающе и деформирующе на природу и на человека, а вследствие этого, по необходимости, на художественные изображения человека и природы“.

А раз так, то надо позаботиться создать условия, при которых пролетариат мог бы развить свои духовные силы. И никак это организовать так, чтобы пролетариат был вне влияния других групп и классов общества, что особенно отстаивают пролеткульты. Народные университеты не разрешают этих задач. При открытии курсов Народного университета, — пишет Вандервельде, — на первых сеансах отдела искусств можно видеть, главным образом, массу ра-

бочих. Но спустя некоторое время публика численно уменьшается или изменяется по составу. Люди с мозолистыми руками начинают попадаться редко. Их место занимают учителя, служащие, мелкие буржуа, — все слушатели и зрители, для которых, разумеется, весьма полезно эстетическое образование; но самое присутствие их, заставляющее организаторов придавать своим программам несколько специальный характер, отталкивает простых рабочих. Интересна приводимая таблица Тулусского Народного университета. Профессиональный состав его выразился так: 20% рабочих, 25% служащих, 10% мелких торговцев, 20% учащихся, 15% представителей либеральных профессий, 5% дам и 5% всех прочих. В нашей Советской России процентное отношение приблизительно таково же, и естественно, что 20% рабочих теряются среди 80% буржуа.

Автор не остается равнодушным к тому вопросу, как дать возможность пролетариату выжить себя в области искусства, да вряд ли это и удалось бы в буржуазном мире, но зато он устами Камилла Лемонье определенно защищает профессионализм.

„Что касается литературы, — сказал однажды К. Лемонье, — то надо примириться с мыслью, что с ней можно умереть, не имея никакого занятия, какой-нибудь профессии, ремесла или газетной работы. Но хорошо можно делать только то, чему посвящаешь все свое время, все свои силы. Произведения человека, ожидающего праздника для того, чтобы рисовать или писать, всегда отдаются доблестством, дилетантством“. И от себя Вандервельде доверяет: „писателю еще можно ожидать воскресенья, но пластические искусства заключают в себе некоторый элемент ремесла, они требуют физических усилий, материальных затрат, которые мешают художнику заниматься другими работами с целью заработка“. В установившемся коммунистическом обществе, когда необходимо рабочее время сократить до минимума, у художника будет вполне достаточно времени уделять своему искусству, а вот теперь, в переходное время, когда вопросы питания стоят самым острым образом, и деньги еще играют весьма и весьма серьезную роль, студиям Пролеткультула нужно дать возможность целиком работать, а не по праздникам, между прочим, в часы отдыха. Иначе ничего серьезного из начавшейся работы не выйдет.

Надо твердо помнить, что в будущем новое искусство будет „искусством для всех, которое будет хлебом насущным духовной жизни, а не искусством немногих, предметом роскоши“. И этот хлеб нужно дать хорошо выпеченным.

За исключением отдельных мест книжка переведена хорошо и читается легко.

Пав. Лебедев.

П. Бессалько и Ф. Калинин. „Проблемы пролетарской культуры“. Пути и достижения пролетарской культуры в освещении рабочих писателей. Изд. Айтис. Спб. 1920 г. 79 стр. Цена 10 руб.

Когда работаешь в самой гуще какого-либо дела всегда бывает крайне трудно оглянуться назад и мысленно пройти тот путь, который пройден за время работы. И такую возможность дает нам этот сборник статей ныне покойных наших соратников. Именно то, что оба они уже ушли от нас, дает особую ценность сборнику, так как он стал своего рода историческим документом. Пролетариату чужды авторитеты и не потому нас интересуют статьи разбираемого сборника, что авторы их являются в рядах вождей этого движения. Нет, для нас это заметки рядовых нашего коллективного движения. Подойдем же с этой точки зрения к вопросам, которые волновали наших товарищей, и мы увидим, что эти вопросы во многом стоят еще остро, подчас еще острее теперь перед нами.

Статьи говорят о том, что такое пролетарская культура, намечают пути ее выявления и одновременно ставят вопрос о социальном значении идеологии. Мы не отрицаем, говорит т. Бессалько, но мы считаем, что буржуазная культура должна быть преодолена. Это преодоление — с попутной, неизбежной чисткой, — доставшегося нам в наследство хлама, оба товарища мыслили путем изучения и критической переработки изучаемого. И во время этого подготовительного периода и в момент творчества перед каждым мучительно стоит вопрос о форме и содержании в искусстве, и согласно решают авторы этот вопрос. Бессалько говорит (стр. 9), что мы еще не знаем формы будущего искусства. Знаем только, что форма тесно связана с содержанием, откуда (стр. 13) требование к начинающему пролетарскому писателю — не говорить ему о форме, а требовать от него содержания, проинкунного *классовой уверенности* (курсив наш, стр. 14). И т. Калинин (стр. 65) утверждает, что поиски новой формы могут идти только через содержание. Но почему-то как раз о форму спотыкается столько талантов, и вот т. Калинин пытается вскрыть фетишизм формы, происходящий из взгляда, что вопрос искусства по преимуществу вопрос формы (стр. 63). Так как овладение формой и вскрытие ее фетишизма дается только с большим трудом, то в этой-то трудности и кроется причина капитуляции перед старой буржуазной писательской формой многих наиболее подчас талантливых пролетарских писателей (стр. 64). Вскрытие этого бага, идола формы, приводит обоих писателей к согласному решению, что гений, талант это только усиленный труд и для создания произведения, благоухающего ароматами, надо обязательно пролить дурно пахнущий пот (Бессалько 28 стр.).

Оба поэтому же отрицают бессознательность или чистую интуитивность творчества. У Бессальки есть и интересный образ этой будто бы бессознательности — бой часов — его кажущаяся неожиданность, а ведь раньше боя понадобился и завод и 59 минут, прошедших после последнего боя. Калинин, это наиболее интересные страницы его статей, останавливается вообще на процессе творчества и указывает на значение подсознательных переживаний, на значение строго и крепко врезавшихся впечатлений своего личного и

и в то же время классового быта и приходит совершенно правильно к той мысли, что понимать пролетария интеллигенты могут, могут поэтому явиться и его политическими и научными вождями, но восчувствовать жизнь пролетария, не пройдя его подготовительной классовой школы (детство, работа), не могут. И примеры, приводимые им, крайне интересны, — Кольцов первого и второго периода, когда, несмотря на влияние Белинского и других интеллигентов, творчество Кольцова упало. И особенно ценен отзыв о попытках Горького создать образ русского индустриального пролетария. Русский босяк, русский мастеровой-ремесленник удался Горькому, а вместо индустриальных рабочих получились, по мнению самого Горького, вкусные приники (приведено у Строева в его брошюре о Горьком).

И будучи сам индустриальным рабочим, т. Калнин великолепно учитывал штамп культурного типа, его задерживающее значение, (очень удачен образ французского рабочего с его любовью к зеркальному шкафу и к русской ренте), и отсюда он призывал к преобладанию сознательности в творчестве именно новой культуры, как раз в области творчества и загнаны были буржуазией все слова о внезапности, ослепленности культурного творчества, все таинственные духи, которые давно уже изгнаны из техники. И наша задача — понять это и сделать соответствующие выводы.

Мы бегло остановились на ряде тем, затронутых в этом сборнике. Многие крайне жизненные и в наши дни, поэтому горячо рекомендуем всем пролеткультовцам познакомиться с тем, что думали об этих вопросах наши покойные товарищи и как пытались их решать. А обдумывание этих вопросов, проверка их в нашей практике и будут лучшей нашей памятью о них.

Ст. Крицков.

Р. Пельше. „Правы и искусство французской революции“. Всерос. Совет. Пролеткульт. Гос. Издат. С.-П.-В. 19 г. 52 стр. Цена 12 р.

Всякий знакомый с французской революцией 1789 не может не поразиться тому сдвигу, который внесла она во весь быт французов. Из мира галантных маркизов и маркиз, изредка позволявших себе играть пасторали в стиле Жан-Жака, Франция становится как бы воскресшей старой античной республикой. Вместо изнеженности, вместо утонченности начинает выдвигаться равенство и строгость, а вместе с ними и простота. Создается новое приличие, новое обязательное обращение граждан между собой с обязательным „ты“, закрепленное даже особым декретом. И дух революции, пусть даже буржуазной, проникает весь быт, начиная с повседневных мелочей: Франция подлинно перерождается. И искусства не могут не увлечься общим течением жизни, особенно у такого подвижного и общительного народа, каким являются французы. И мы видим, что музы повсюду ледяной Парнас и вмешиваются в гуцу жизни. Поэты, драматурги, живописцы, скульптуры, — все становится на ту или иную позицию в тяжбе

буржуазии с феодализмом. Артисты делятся на черную и на красную эскадры, и вступают в гражданскую борьбу демократический партер и феодальные ложи, при чем дело нередко доходит до потасовок (ст. 31).

Работа т. Пельше, основанная на личных изысканиях в парижских музеях и библиотеках, дает обширный и богатый материал для размышлений о классовой значении искусства во время революции. Она на ряде примеров показывает каким великолепным оружием классового боя может явиться театр или пластика. И живые парижане это восчувствовали. Пока зарегистрировано 2337 песен, созданных в Париже за дни расцвета революции, после отмены театральной монополии создается в Париже 78 театров, а жителей в Париже в то время было всего 500 тысяч. Изучая даже один только репертуар, мы можем составить себе картину хода революции, — сперва драматурги стараются примирить народ с королем, когда же обнаруживается измена короля, внушается ненависть сперва к тирану, а потом и к самому тирану и прославляется его казнь. В расцвет революции, всего выше ставятся гражданские добродетели, но вот после 9 термидора революция идет на убыль — буржуа доволен приобретенным и хочет его закрепить за собою, ищет личной жизни и от восхваления республиканской добродетели переходит к славословию дельцов. Тоже и в изобразительном искусстве, — Давид и его соратники, уходя из Академии, основывают коммуны искусств и славят Брутов и Маратов, а заканчивают хвалой революционному цезарю Наполеону.

И т. Пельше прав, когда говорит, что изучение революционного искусства конца 18 ст. должно выясните, осветить многое и в том, что мы делаем в искусстве XX века. Выяснению последнего и способствует его книга.

Ст. Крицков.

„Художественная жизнь“. Бюллетени художественной секции Нар. Ком. Прос. № 1. Декабрь 1919 г. 52 стр. 20 руб.

„Изобразительное искусство“. Журнал отд. Изобраз. Искус. Нар. Ком. Прос. № 1. 1919 г. Цена не указана.

Оба издания имеют тот интерес, что являются первой информационной сводкой того, что делает и намеревается делать художественная секция Нар. Ком. Просв. в деле художественного воспитания и образования широких народных трудовых масс. К сожалению приходится отметить, что ни тот ни другой журнал не имеют определенной точки зрения. „Все для народа и через народ“ это теперь общее место, надо показать конкретно принципы и пути предстоящего строительства.

Как всегда выделяется статья т. А. Лукачарского. В „Художественной Жизни“ он на поучение многим бичует тех, кто содержание искусства подчиняет его форме. Он пишет: „какими смеющимися, какими карликами кажутся те, кто, перебивая эту гигантскую книгу, письменами которой являются

ся храмы, божества, поэмы, симфонии — ду-
мает, что все это интересно только своей
внешней красотой, и что содержание в сущ-
ности прямого отношения к искусству, как
таковому, не имеет. Искусство не есть
цель для самого себя. Когда жизнь муча-
ет, она делает из искусства нецелью, а орудие
для себя, для жизни, для ее развития. С
этой точки зрения особое значение
приобретает содержание искусства. Все это
старые истины, но повторять их приходится
малоизвестным и еще запутавшихся
идеологией искусства, как самоцели. В конце
Геттати А. Луначарский негодует на мнимых
своих противников, которые якобы хотят
заслонить от народа гигантское сокровище
«наследия прошлого». Никто этого сокро-
вища не заслоняет; спор идет о том, как
овладеть этим буржуазным наследством,
в какой мере использовать его, избежав раз-
рушающего влияния, и всецело подчинить за-
дачам организации новой жизни.

На горестные размышления наводят нас
временами точные информационные стра-
ницы. Музыкальный отдел Нар. Ком. Прос.
не без гордости сообщает, что «надо было
дать народу возможность слушать все
лучшее, что создано было в области му-
зыки». И для этой цели были организованы
камерные, хоровые и симфонические кон-
церты. Нам хорошо известно, что эти
концерты не были доступны широким мас-
сам и посещаются «народом» очень мало
имеющим отношение к пролетариату, не
считая, конечно, получения жалованья в со-
ветских учреждениях и т. д.

Интереснее «Изобразительное Искус-
ство». Это орган теоретический, старший
оправдывает существующий в нем искусстве
буржуазный утопический индивидуализм и
развал. Необходимо отметить, что в статье,
по общему тону зрения, о супрематической
окраской, сущность которой читатель лучше
всего усматривает на том изобразительном
искусстве, образцы которого даны на стра-
ницах журнала, как «высшая жемчужина».

Авторы статей всегда категоричны, про-
никнуты пафосом, но мало вообразительны,
хоть и многословны, порой ссылаются на
марксизм, которого не знают, и даже пыта-
ются укусыть других.

Эти неудачи преследуют и отдельных
авторов и всю редакцию. Их беспомощность
чувствуется с первых же строк статьи.
От редакции: «авторизация» — это
«О том может поверить уважаемой редакции,
что теоретики пролетариата, обладавшие
высокой компетенцией в вопросах социаль-
ных», не смогли определить идей художе-
ственного строительства пролетариата. Тут
выступает точка зрения отрыва искусства
от социальных вопросов, и незнание марксизма
с советствующей марксистской литерату-
рой и даже невнимание к текущей жизни,
в которой пролетариат отстаивает свое со-
держание искусства перед пафосом буржуа-
зии с ее утопическими формами. Тут же
Тут есть совершенно непонятные утвер-
ждения, что пролетарское искусство — вне-
классовое искусство. Это абсурд. Новое
искусство — пролетарское искусство — классо-

вое искусство и перестанет быть таковым,
когда исчезнет пролетариат; тогда искус-
ство станет, выражаясь старым языком,
общечеловеческим, но нашему коммунисти-
ческому тону об этом говорить не следует.
Одновременно редакция заявляет, что в на-
шет течений, импрессионизм, равно как и
«футуристы» интересуют нас. Тут же
добавляют: «жизни художника и жизни про-
изведения — те, которые родились из нового
мировоззрения, и которые тем самым полны
всему старому и с ним несовместимы».
Это — явная неправда. Данные образцы как
раз свидетельствуют, что творцы их души
разлагающейся буржуазии.

Поскольку изобразители перешли к дет-
скому комбинированию кубиков, квадра-
тов и других геометрических фигур, «тео-
ретики» поэзии заявляют: «все искусство,
мастерство и художество, как нечто краси-
вое — праздность, обывательщина». Самое
высшее считают моменты «служения духа и
поэта, говор без слов, когда через рот бе-
жит безумные слова, безумные ни разумом, ни
разумом не постигаемые...». И такой «слу-
житель (т. е. поэт) является Богом, таким же
таинственным и непонятным становится
природной частью творческого Бога». И
в этом слуге начинается «великая ли-
тургия». Он начинает ее звуками и же-
стами, выражающими его сущность; он

«Ула, Эле Ля Ли Оне Кой Син Ан
Онон Кори Ри Коасамбли Моена Лей».

Вот в чем исчерпывает поэт свое высо-
кое действо. К счастью, как сознает автор
статьи, эти слова нельзя набрать, и никто
не сможет подражать ему. Но не будем за-
тягивать нашей рецензии. Поэт и так ха-
«Если читатели спросят: интересен этот
журнал? мы решительно скажем — интересен,
а главное — полезен. Выйти пролетарий,
который еще колеблется в том, что супрема-
тисты, кубисты и прочие футуристы —
отрывки старого мира, вавилонский журнал,
сразу поймет, как усиленно надо рабо-
тать над развитием своего пролетарского
искусства».

К сожалению журнал печатался на пре-
красной меловой бумаге, что несомненно
увеличило количество. И так что до
широких слоев пролетариата не дойдет и
не получит заслуженной оценки и не по-
служит в достаточной степени полезным
предостережением. В месте, где говорится
о «политическом и идеологическом»

В. Брюсов: «Наука о стихе», Метрика и
ритмика. Изд. Альциона, М. 1919 г. Цена 20 руб.

Это не научное исследование, а не прак-
тическое руководство к стихосложению. Это
ложная научная схоластика, пустота, прикрытая
научообразной терминологией.

Не вдаваясь в подробности, подтвердим
сказанное наглядными примерами. 1) В. Брюсов пишет: «наука о стихе
разделяется на сравнительную и практическую».
Мы утверждаем: науки о стихе нет. Есть
ряд практических руководств к стихосло-
жению и отдельные попытки научно поста-
вить проблему стиха.

2) „Сравнительная стихология показывает“...

Сравнительной стихологии нет; поэтому она ничего не может показывать. Но, если бы даже она и существовала, то не могла бы показывать того, чьей приписывает В. Брюсов, будто существует система стихосложения: метрическая, основанная на сочетании слогов долгих и кратких, тоническая, основанная на сочетании слогов ударных и неударных; силлабическая, основанная на количестве слогов в стихе“ и т. д.

Стихосложение — процесс, особый вид речи, а процесс не может быть основан на счете чего-либо. Подсчет происходит после, есть результат процесса и никак самого процесса обосновать не может.

3) Покончив с сравнительной стихологией, В. Брюсов обращается к стихологии русской поэзии.

Указывая, что в русской поэзии приняты четыре системы стихосложения, В. Брюсов вместе с тем предупреждает, что главным предметом его исследования будет только одна из них, тоническая, принятая со времени Ломоносова.

В таком случае мы имеем дело с исследованием не русского стиха, а только с одной его разновидностью, со стихом, которым писали и продолжают писать интеллигентские поэты от Ломоносова до наших дней.

Если бы В. Брюсов утверждал, что именно этот стих наиболее свойствен русской поэзии, то ограничение области исследования было бы хоть несколько оправдано. Но В. Брюсов простодушно замечает, „русскому языку свойственны те системы стихосложения, которые в нем приняты“. Тем самым странное, недопустимое в научном исследовании пристрастие к одной части материала остается неоправданным.

Причины этого пристрастия — понятны. В. Брюсов — поэт, интеллигент, всеми своими поэтическими навыками связанный с традициями Ломоносовской школы; и неудивительно, что он именно о ней, о созданной ею тонической системе стихосложения хочет говорить. Но зачем же выдавать свои заметки о некоторых явлениях русского языка за „науку“ о русском стихе.

4) Далее Брюсов переходит к облюбованному им литературному языку.

Давая общее определение стиха, В. Брюсов говорит: „стих есть элемент ритмической речи, при чем сам по себе может быть ритмичен и не ритмичен“. Под стихом здесь разумеется, повидимому, стихотворная строка; и ритмичность приписывается той строке, то сочетанию строк. А ведь это не одно и то же; тут два совершенно различных понимания ритма. Между тем В. Брюсов высказывает свою мысль, не замечая скрытого в ней противоречия. Причина, опять-таки, ясна. В. Брюсов говорит о метрическом стихе, который он представляет себе как сочетание стоп, а стопу, как сочетание слогов, т. е. понимает ритм, как сочетание элементов; но для большей научной важности придает частному случаю, виду, общего закона.

5) Отдав дань науке, В. Брюсов, наконец, приступает к тоническому стиху. Кстати, стих, о котором говорит В. Брюсов, не тонический, а силлабический, так как дает строки с равномерным количеством слогов.

„В русском литературном стихе все строки метричны, а следовательно, ритмичны“, говорит В. Брюсов. Его ритмичность зависит от метра. Что же такое метр, „Метр образуется определенным сочетанием стоп“, „а стопа определенным сочетанием слогов“.

Отсюда вывод: метр образуется определенным сочетанием слогов.

Какая же разница между стихом и метром? Ничкакой. И, действительно, в дальнейшем В. Брюсов совершенно не различает стиха от метра; пишет „стих“ а в скобках „метр“ (см. стр. 18). Но что же тогда получается? Ритмичность стиха зависит от метра. Метр и стих одно и то же. Значит, ритмичность стиха зависит от самого стиха. Полная неразбериха.

Но это еще не все. Ведь прозаическая строка тоже состоит из определенного количества слогов. Почему же она не ритмична. Может быть, об этом будет сказано дальше. Посмотрим.

6) Далее говорится о следующем: „стопа есть сочетание в определенной последовательности слогов ударных и неударных“. Но еще дальше, на стр. 12, оказывается, что есть стопы высокие, состоящие из *одних ударных*; и низкие, состоящие из *одних неударных*; что друг с другом никак не вяжется.

Затем, говорится, что „метр (читай стих) есть сочетание стоп в определенной последовательности“, но есть метр, смешанный, образованный стопами в произвольной последовательности.

Словом, полная свобода действий и мы можем смело утверждать, что изречение „останавливаться строго воспрещается“ вполне ритмично, представляя из себя смешанный метр, состоящий из сочетания апапеста, ямба, амфибрахия и анапеста с дактилическим окончанием, или же из пьенат ретяго, хорей, хорей и анапеста, или же... и т. д. пока не надоест.

На этом можно было бы закончить; дальнейшие рассуждения В. Брюсова только доводят до абсурдного конца основную неразбериху. Но для полной доказательности необходимо остановиться еще на двух „учениях“: на учении об ипостасе, и на учении липометрии и иперметрии.

7) „Ипостаса“, учит В. Брюсов, „есть замена в метре (читай в стихе) одной стопы другой“.

Но, нам сказано, что есть метры сложные и смешанные, образованные из разных стоп. Как же узнать, где мы имеем такой сложный или смешанный метр, и где чистый с ипостасой. Может быть, ипостаса явление случайное, разнородность стоп в сложных и смешанных метрах подчинена определенной закономерности. Оказывается, что нет. В. Брюсов говорит: „есть ипостасы *постоянные*, когда во всех стихах одна и та же

стопа ипостасирована одинаковым образом", а с другой стороны, "смешанные метры образованы из разных стоп в произвольной последовательности". Итак, различия нет никакой и отличить ипостасированный метр от сложного или смешанного невозможно.

Мы находим подтверждение у самого В. Брюсова. На стр. 111, говоря о сложном метре „ферекратей“, он указывает, что ритмически этот метр обращается в русский стих в 2-х стопный анапест с женским окончанием и постоянной ипостасой 1-ой стопы амфимаком. И дальше, по поводу сложного метра „гликоней“, что он тоже обращается в русский стих в 2-стопный анапест с дактилическим окончанием и постоянной ипостасой 1-ой стопы амфимаком.

8) „Если в метре, кроме тех слогов, которые входят в состав стоп, имеются еще слоги, то такое явление называется иперметрией. Если в метре не достает слогов, входящих в состав стоп, то такое явление называется липометрией“.

Значит в метре могут быть слоги, не входящие в составляющие его стопы. Но В. Брюсов определил метр, как сочетание стоп; откуда же в ялись эти лишние слоги. Одно из двух: или метр не есть сочетание стоп, а слогов; или же лишние слоги, вовсе лишние, а входят в стопы, изменяя их характер.

То же относительно „нехватки“ слогов. Если в стопе „не хватает“ слога, это значит, что мы имеем вместо одной стопы другую.

Если в анапесте не хватает первого слога, это значит, что мы имеем не анапест, а ямб.

Следовательно, разнородность стоп в стихе, помимо ипостасы и помимо сложных и смешанных метров может, но В. Брюсову, явиться еще в результате ипер—или липометром. И к нашему недоумению, как различить ипостасу и сложные метры прибавляется еще одно: как отличить от них ипер—и липометрию.

Ясно, что В. Брюсов говорит во всех трех случаях об одном и том же явлении, но обозначает его различными терминами; для, очевидно, большей „научности“.

В. Брюсов говорит в предисловии, что „его работа по своим методам,—нечто совершенно новое в русской литературе“. Если под „новизной“ понимать невиданную не только в русской, но и во всемирной литературе путаницу понятий и чудовищную путаницу терминов, то В. Брюсов прав. Но если под новым подразумевается новый метод, или привлечение нового материала, то книга Брюсова стара, как мир. Это пережевывание избитых, давно сланных в архив ритмических теорий Вестфали и его школы, основанных в свою очередь на работах греческих, латинских и прочих метриков. В. Брюсов не заметил, что нарождается новая теория стиха, что над проблемой ритма работали и продолжают работать такие филологи, как Сиверс, Саран, а у нас в России Корш. Он о них даже не упоминает.

Книга Брюсова вредна. Пусть пролетарские поэты не ломают себе голову над ней. В лучшем случае она не даст им ничего, в худшем—собьет их с толку.

Это не наука, а лженаука.

О. М. Брик.

Государственная Публичная Библиотека

в Ленинграде

Издатель —

Государственное издательство.

Редактор —

Редакционная Коллегия.

в 1-я Государственная типография (бывш. Т-ва И. Д. Сытина), Пятницкая, 71.

„ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА“.

№ 1. 1918 г. Июль. От редакции.—Под знамя „Пролеткульта“. В. Полянский.—„Пролеткульт“—орган пролет. самодеятельности. В. Керженцев.—Пролетариат и творчество. Ф. Калинин.—Что такое пролетарская поэзия? А. Богданов.—О репертуаре рабочего театра. В. Богущевский.—К созову Всеросс. конфер. к-пр. раб. орг. Орган. Бюро.—Хроника „Пролеткульта“. Ст. Кривцов.—Библиография: „Красный огонек“. Е. Х.—„Пламя“.—„Творчество“. А. О.—„Грядущее“. П. Л.

№ 2. Июль. Национализм и социализм. В. Полянский.—Наша критика. Ст. 1-ая. А. Богданов.—Рабочий клуб. Ф. Калинин.—Идеал воспитания. А. Богданов.—К созову Всеросс. конф. прол. к-пр. организаций. Тезисы докладов: Революция и культурные задачи пролетариата. В. Полянский.—Наука и рабочий класс. А. Богданов.—Пролетариат и искусство. А. Луначарский.—Идеалы социалистического воспитания. Н. Ульянова (Н. Крупская).—Железный месеня. В. Кириллов.—Похороны. А. Поморский.—Чудеса работы. А. Гастев.—Хроника „Пролеткульта“. Втор. конф. Петрогр. „Пролеткульта“. П. Л.—В провинции. Ст. Кривцов.—Библиография: Литерат. Альманах. В. П.—Е. Тимирязев. Красное Знамя. А. О.—Известия Москов. Пролет. Ун-та. С. Д.

№ 3. Август. Мотивы рабочей поэзии. В. Полянский.—Наша критика. Ст. 2-ая. А. Богданов.—Кружковая работа. Ст. Кривцов.—Классовый театр. К. Малинин.—К созову Всеросс. конф. прол. к-пр. организаций. Тезисы докладов: Пролетарский клуб. Ст. Кривцов.—Норма представительства и план работ конференции. Орган. Бюро.—Хроника „Пролеткульта“. В провинции. Ст. Кривцов.—Библиография: А. Богданов. „Красная Звезда“ и „Инженер Мэнни“. С. Д.—Ж. Тьерсо. Празднества и песни французской революции. Т. Р.—Две рецензии. А. О.—От редакции.

№ 4. Сентябрь. Тов. Н. Ленин. В. Полянский.—Методы труда и методы познания. А. Богданов.—Путь пролетарской критики и поэзия А. Гастева. Ф. Калинин.—Груд воспитательный и труд производительный в новой школе. В. Полянский.—Чем должен быть рабочий клуб. Н. Крупская.—Всероссийский Союз рабочих писателей. В. Игнатов.—К созову Всеросс. конф. прол. к-пр. организаций. Тезисы докладов: Рабочая кооперация и пролетарское культурное строительство. Н. Василевский.—Завод весенний. Песня о железе. Стихи. М. Герасимов.—Хроника „Пролеткульта“. Московский „Пролеткульт“. Отчет. В провинции. Ст. Кривцов.—Библиография: „Грядущее“. П. Л.—„Пламя“. А. О.—„Литерат. Прилож.“, № 1. В. Г.—„Творчество“. А. О.—В. Кириллов. Стихотворения. П. Л.—В. Фриче. Пролетарская поэзия. В. Г.

№ 5. Ноябрь. Год пролетарской диктатуры. В. Полянский.—Идеология производства. Ф. Калинин.—Пролетарский университет. А. Богданов.—Организация литературного творчества. В. Керженцев.—Первая Всероссийская конфер. пролет. культ.-просвет. организаций. В. Кунавин.—Резолюции конференции.—Хроника „Пролеткульта“. В провинции. Ст. Кривцов.—Библиография: „Горн“. В. Полянский.—„В буре и пламени“. В. П-ий.—„Венчальные ризы“. А. О.—„Из дневника детского сада“. Е. Херсонская.—„Горнило“. В. Г.—„Грядущая культура“. П. Л.

№ 6. 1919 г. Февраль. Международная революция и пролетарская культура. В. Керженцев.—Об идеологии. Ф. Калинин.—Очердные вопросы. В. Полянский.—Методы работы „Пролеткульта“. В. Керженцев.—Теория и практика. Т. Седельников.—План организации „Пролеткульта“. — Предместья. Стих. М. Рубинштейн.—Хроника „Пролеткульта“. В провинции. Ст. Кривцов.—Пролетарские культ.-просв. организации.—Библиография: „Пролетарский сборник“. В. Полянский.—„Вестник жизни“. В. Кунавин.—„Грядущая культура“. П. Л.—„Завод огнекрылый“. А. О.—С. Малашкин.—„Мускулы“. А. О.—С. Есенин. Преображение. В. Г.—П. Орешин.—„Красная Русь“. В. Г.—С. Срединский.—„Основы газетного дела“. М. М.—„Зарево Заводов“. В. Полянский.—„Мир и человек“. П. Л.

№ 7-8. Апрель-май. Пролеткульт и советская культурная работа. А. Луначарский.—Наши задачи и пути. В. Полянский.—Очерки организационной науки. А. Богданов.—О профессионализме рабочих в искусстве. Ф. Калинин.—О профессионализме. В. Плещев.—Коллективное творчество в театре. В. Керженцев.—О футуризме. Ф. Калинин.—Поэзия советской провинции. В. Полянский.—„Жрецам искусства“. Стих. В. Кириллов.—Авиаторы. Расск. А. Шляников.—Примерный устав клуба „Пролеткульта“. Всеросс. Сов. Пролеткульта.—Хроника „Пролеткульта“. В провинции.—Инструкторские курсы. Ст. Кривцов.—Конференция.—Отчеты.—Библиография: А. Сидоров.—„Революция и искусство“. С. Д. К.—Залевский.—„Искусство и пролетариат“. Ст. Кривцов.—Грошик. Рассказы. П. Рудокот.—В. Игнатов.—„Свадебная вечеринка“. П. Рудокот.—„Гудки“. В. Г.—„Наш горн“. В. П-ий.—„Красное утро“. А. О.

№ 9-10. Июнь-июль. Пролетарская культура и ее критики. Ф. Калинин.—Очер и организационной науки. Ст. 2-я. А. Богданов.—Ч. Дарвин и К. Маркс. К. Тимирязев.—Познание в свете истории. В. Полянский.—Рост Пролеткульта. О. Райнин.—О тенденциях пролетарской культуры. А. Гастев.—О тенденциях пролетарской культуры (ответ Гастеву). А. Богданов.—О провинциальных пролетарских университетах. А. Богданов.—К закрытию пролетарского университета.—Хроника „Пролеткульта“. В провинции. О. Райнин.—Отчеты.—Библиография: М. Герасимов.—„Завод весенний“. и „Цветы под огнем“. П. Л.—В. Александровский.—„Рабочий поселок“ и „Север“. В. П-ий.—А. Поморский.—„Цветы восстания“. В. П-ий.—„Пролеткульт“. А. О.—„Пролеткульт“. П. Рудокот.—„Труд и Творчество“. П. Рудокот.

№ 11-12. Декабрь. Куда мы идем. В. Полянский.—Начало пролетарской эстетики. А. Луначарский.—Очерки организационной науки. Статья 3-я. А. Богданов.—Пролетаризация науки. М. Смит.—О методах работ в Пролеткультах. Ф. Калинин.—Изучение трудовых процессов. М. Смит.—Кладбище паровозов. Стих. Н. Н. 82 показания М. Ф.—Хроника „Пролеткульта“. В Пролеткультах. С. С.—Пролеткульт—Красной Армии. Е. О.—Работа Тамбовского Пролеткульта в Красной Армии. В. К.—В провинции. Библиография: Событийник.—„Под Красным Знаменем“. В. Полянский.—К. Лаптин.—„Рассвет“. В. П-ий.—Г. Нечаев.—„Вечерние песни“. В. П-ий.—„Взмахи“. А. О.—В. Попов. Рассказы. А. О.—Н. Тихомиров.—„Красный мост“. А. О.—В. Кунов.—„Возникновение религии и веры в бога“. П. Л.—Г. Гортен.—„Исторический материализм“. П. Л.—А. Богданов и И. Степанов. Курс политической экономии. Т. 2, В. 4. П. Л.

Цена 25 рублей.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

Вышли из печати и продаются:

П. Бессалько и Ф. Калинин. Проблемы пролетарской культуры. Книгоиздательство „Антей“. 80 стр. Цена 10 руб.

Р. Пельше. Нравы и искусство французской революции. Государственное издательство. 52 стр. Ц. 12 р.

„Пролетарская Культура“. Сборник журнала № 1—10 в одной книге. Второе издание. Государственное издательство. Цена 35 руб.

Печатаются:

Памяти Ф. И. Калинина. Сборник статей А. Богданова, А. Коллонтай, А. Луначарского, В. Полянского и других.

А. Богданов. Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса.

Портреты. Ф. И. Калинин. П. К. Бессалько.

Журнал „Пролетарская Культура“ продается: Москва, Советская площадь, 1-й книжный склад Государственного Издательства.